

АЛЕКСАНДР ГАЛИЦКИЙ

НАЗАД В
ЧУЖБУЮ
ИМПЕРИЮ

Александр Галицкий
Назад В Чужую Империю

«Автор»

2026

Галицкий А. Ю.

Назад В Чужую Империю / А. Ю. Галицкий — «Автор», 2026

Данное произведение является прямым продолжением книги "Именем Чужой Империи" История о цене власти, верности и выборе, который невозможно сделать правильно. Она уже однажды спасла свой мир. Но в новом мире её не ждали. Чужая Империя трещит по швам: мятежи, заговоры, тайные общества, маги соседнего государства и исчезающие дороги ведут к катастрофе. Чтобы остановить её, Элайн Кусланд предстоит защитить наследника престола, и понять, почему сама судьба перенесла её именно сюда. Иногда самый опасный путь начинается с одного неверного шага. Для тех, кто любит: Сильных героинь с живым характером и неидеальным прошлым. Политические интриги, замешанные на магии и стали. Мир, который чувствуется настоящим — со своей историей, болью и надеждой. Истории о том, что иногда цена возвращения выше, чем ты готов заплатить

© Галицкий А. Ю., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.	5
Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	20
Глава 5	29
Глава 6	33
Глава 7	40
Глава 8	44
Глава 9	51
Глава 10	60
Глава 11	66
ЧАСТЬ ВТОРАЯ.	80
Глава 12	81
Глава 13	89
Глава 14	94
Глава 15	103
Глава 16	107
Глава 17	112
Глава 18	119
Глава 19	135
Глава 20	149
Глава 21	158
Глава 22	168
Конец ознакомительного фрагмента.	169

Александр Галицкий **Назад В Чужую Империю**

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ГЛУХИЕ ОКОЛЬНЫЕ ТРОПЫ

Сказали мне, что эта дорога меня
приведёт к океану смерти,

И я с полпути повернула вспять.

С тех пор все тянутся предо мною
кривые, глухие окольные тропы...

Акико Ёсано

Глава 1

Элайн первой стряхнула оцепенение.

Рауссборга здесь не было — это уже стало очевидно. Значит, следовало перестать смотреть на деревья так, будто они обязаны объяснить случившееся, и заняться тем, что ещё можно было исправить.

Она поправила ремень на плече и оглядела плотную стену леса.

— Сначала собираем всё, что уцелело, и ищем сухое место. Потом — дорогу, реку или возвышенность, откуда можно осмотреться и определить, куда нас занесло.

— Нас не могло никуда занести — произнёс Кермунд.

Он всё ещё стоял посреди поляны, прижимая к груди спасённую книгу. Остальные валялись вокруг него на мокром мху, но он будто перестал их замечать.

— Однако занесло — сказала Элайн.

— Я настроил Дверь правильно. - сказал он очень твердо.

— Это не Рауссборг. Значит, неправильно.

Кермунд резко повернулся к ней:

— Я установил каждый кристалл именно так, как требовалось. Их размер, чистота, положение в гнёздах — всё было рассчитано для круга Рауссборга и массы трёх переходящих. Ошибки быть не могло.

Элайн обвела рукой поляну.

— Вот она. Ошибка. Можешь осмотреть со всех сторон.

На лице Кермунда снова появилось знакомое ей выражение: смесь ярости и презрения к человеку, который не понимает очевидного. Но на этот раз он благоразумно промолчал.

— Элайн, — вмешался Торин. — Ты не знаешь Кермунда так, как знаю его я. В обычных вещах он способен ошибаться.

— Благодарю, — процедил Кермунд.

— Иногда весьма впечатляюще, — добавил Торин. — Но не в расчётах практической магии. Здесь он действительно не ошибается. Никогда. Если говорит, что всё было сделано по книгам и инструкциям, значит, так и было.

Элайн посмотрела на него, затем снова на окружающий лес.

— Значит, соврала ваша инструкция.

Торин нахмурился.

— Нет. Настройка могла быть правильной, а сам переход — нет.

— Я же говорила, что...

— Из-за лишнего лирна, — перебил он.

Торин медленно повернулся к Кермунду.

— Бутыль разбилась уже после запуска. Жидкий лирн попал прямо на питающие линии.

Кермунд опустил книгу и посмотрел под ноги, словно всё ещё видел там каменный круг, наливавшийся синим сиянием.

— Да, — тихо сказал он. — Почти весь раствор.

— Сколько лирна было в бутyli?

— Точно определить нельзя. Мы растворяли измельчённые кристаллы, часть осела на стенках, часть...

— Но много?

Кермунд неохотно кивнул.

— Много. Столько, сколько требовалось для всего перехода.

Торин провёл ладонью по лицу.

— В трактате Хорбена о Быстрых Дверях было предупреждение о превышении расчётной меры. Я помню смысл, но не точную формулировку. Кермунд?

Тот ответил не сразу. Потом выпрямился и, глядя куда-то мимо них, заговорил тоном ученика, цитирующего вызубренный текст:

— «При насыщении питающего контура лирным сверх меры, необходимой для переноса, устойчивость сопряжения с принимающим кругом нарушается. Избыточная сила не ускоряет переход, но искажает направляющую связь, вследствие чего точка выхода становится неопределённой и может возникнуть вне назначенного круга».

Элайн несколько мгновений молча смотрела на него.

— То есть нас выбросило в это болото потому, что ты уронил бутылку?

Злость поднялась в ней так быстро, что она почти почувствовала её вкус.

Ещё совсем недавно Рауссборг находился на расстоянии одного шага. За Рауссборгом был Асвер, зеркала, возможность снова открыть дорогу домой.

До Малькольма. До сына.

И всё это исчезло потому, что Кермунд не удержал в руке проклятую бутылку.

— Я её не просто уронил! — огрызнулся он. — Это произошло потому, что ты...

Он осёкся.

На лице его отразилась короткая, но заметная борьба. Обидное слово уже приготовилось сорваться с языка, однако на этот раз воспоминание о её пальцах оказалось сильнее привычки.

— Потому что ты повредила мне руку, — закончил он. — После того как ты сдавила мне плечо, она всё ещё плохо слушалась.

Кермунд опустил на колени и начал торопливо подбирать книги, стряхивая с переплёттов мокрый мох.

— Если ты ещё раз повторишь то, что сказал перед тем, как я сдавила тебе плечо, — тихо произнесла Элайн, — я действительно оторву тебе эту руку.

Кермунд отступил на полшага.

— Ты считаешь, женщине можно говорить подобные мерзости и оставаться безнаказанным? — продолжила она, уже не повышая голоса. От этого слова звучали только опаснее. — А теперь ты пытаешься свалить на меня собственную неловкость?

— Неловкость?! — Кермунд вскинул дрожащую правую руку. — Ты сделала так, что я перестал её чувствовать!

— Она же двигалась.

— Недостаточно хорошо!

— Тогда надо было сказать об этом, а не хватать книги и бутылку сразу!

— Стойте! — Торин встал между ними и поднял обе руки. — Оба остановитесь.

Элайн перевела взгляд на него.

— Кермунд был неправ — сказал Торин. — Он не имел права говорить тебе то, что сказал. Ни тогда, никогда-либо ещё.

— Вот именно.

— Но и калечить его не следовало.

— А что мне оставалось делать? — прищурила глаза Элайн.

— Не знаю.

— Нет, все-таки скажи. — Элайн даже шагнула к нему. — Если твою жену назовут портовой шлюхой, что ты сделаешь с тем, кто это сказал?

Торин открыл рот, но ответа сразу не нашёл.

Он посмотрел на Кермунда, потом снова на Элайн.

— Честно?

— Разумеется.

— Возможно, тоже попытался бы оторвать ему руку.

Кермунд издал возмущённый звук.

— Но это не значит, что так поступать правильно, — поспешно добавил Торин. — Особенно перед запуском Двери.

— Значит, во всём виновата я?

— Я этого не сказал.

— Но подумал.

Торин устало вздохнул.

— Здесь нет одного виновного. Я предложил воспользоваться Дверью и торопил всех. Кермунд должен был признаться, что рука ещё не восстановилась.

— Она восстановилась, — упрямо произнёс тот.

— Бутыль на полу утверждает обратное.

Кермунд поджал губы.

— Ты принесла лирн, — продолжил Торин, обращаясь к Элайн. — Без него переход вообще был бы невозможен. Кермунд всё рассчитал и разложил кристаллы. А потом ты сгребла их в одну сумку, и ему пришлось начинать заново.

— Почему вы сразу мне не сказали, что их нельзя трогать?

Торин замолчал. Элайн посмотрела на Кермунда.

Тот уже открыл рот. По выражению его лица было ясно, что он собирается объяснить, насколько очевидной должна быть недопустимость вмешательства в работу учёного.

Потом он вспомнил последние несколько минут и закрыл рот.

— Вот именно — сказала Элайн. — Никто не предупредил. Никто не остановил. Но виновата, конечно, я.

— Я не сказал, что только ты, — повторил Торин. — Всё сцепилось одно с другим. Моя спешка. Его гордость. Твоя...

— Моя что? — спросила она.

Он запнулся.

— На этот раз сила была не нужна, Элайн. Он говорил мерзости, но никому не угрожал.

Элайн медленно повернула к нему голову. Торин выдержал её взгляд. Даже в злости и ярости она была очень красива.

— Да, твоя сила наверняка не раз спасала тебе жизнь — сказал он. — Но на этот раз необходимости не было. Кермунд не нападал на тебя. Он говорил отвратительные вещи, однако ты могла просто уйти. Или потребовать, чтобы я наказал его.

— Потребовать у тебя?

— Да. Я бы его наказал.

— Когда-нибудь потом?

Торин поморщился, но не отвёл глаз.

— Возможно, недостаточно быстро. Возможно, недостаточно сурово. Но бутылка упала прежде всего потому, что после твоего наказания его рука не восстановилась полностью. Ты это понимаешь.

Элайн хотела возразить. Сказать, что Кермунд сам виноват. Что мог не брать бутылку. Мог сделать два шага вместо одного. Мог попросить помощи. Мог хотя бы предупредить, что рука всё ещё слаба.

Всё это было правдой. Но правдой было и другое.

Рука не слушалась потому, что она сжала её владельцу плеча.

Не во время сражения. Не спасая Торина. Не пытаясь остановить врага.

Просто потому, что Кермунд оскорбил её, а она не привыкла оставлять оскорбления без ответа.

Элайн медленно опустила на корточки и обхватила голову руками.

Она никогда никому не прощала таких слов. Даже прежде, когда ещё не носила короны и не обладала силой дракона, люди дорого платили за попытку её унижить. Позднее — тем более. Элайн считала это достоинством: у неё всегда хватало силы, воли и решимости заставить обидчика пожалеть о сказанном.

Теперь та же сила сработала против неё. Именно тогда, когда дом оказался почти рядом. Это было чудовищно несправедливо.

Кермунд был грубым, заносчивым мерзавцем. Торин торопился. Никто не объяснил ей, что кристаллы нельзя трогать. Сам Кермунд скрыл, что рука действует плохо.

Но всё это не отменяло её собственного движения. Пальцев, сжавшихся там, где плечо переходило в шею. Короткого удовлетворения, когда он побледнел от боли. Это было её решение. Её собственное.

«Создатель... Неужели я до сих пор должна платить за то, кем мне пришлось стать? Разве я ещё недостаточно заплатила?»

Никто не ответил.

Торин сделал к ней шаг, но остановился. Протянул было руку и опустил её, так и не решившись прикоснуться.

Кермунд посмотрел на свою всё ещё дрожащую руку, потом на Элайн — и впервые не нашёл, что сказать.

С ветвей снова закапала вода, и чужое болото равнодушно приняло их ссору в свою бесконечную сырость.

* * *

Элайн просидела так ещё несколько минут, не отнимая рук от головы.

Торин успел подобрать свою сумку и теперь стоял неподалёку, не зная, следует ли заговорить с ней или оставить в покое. Рядом с Элайн лежали перемётные сумы, прежде навьюченные на лошадей, и длинный свёрток с Чёрным Цветком.

Холстина во время перехода сползла. Из-под неё показалось навершие тяжёлой чёрно-золотой рукояти.

Торин невольно задержал на нём взгляд.

Боевых двуручных мечей он прежде почти не видел. Его самого учили владеть обычным клинком, а в Империи подобное оружие давно перестали изготавливать: оно требовало огромного количества хорошей стали, особого мастерства кузнеца и ещё более редкого умения им пользоваться.

Этот меч даже в покое выглядел опасным.

«Откуда у неё такое оружие?»

Торин протянул руку к рукояти.

— Не трогать, — глухо произнесла Элайн, не поднимая головы.

Он отдернул руку.

— Почему? Я никогда не видел такого меча.

— Потом. Сейчас мне нужно... всё это пережить.

Она глубоко вдохнула.

— Ни меня, ни меч пока не трогайте.

Торин послушно отступил.

Кермунд тем временем собрал разбросанные книги. Несколько переплётов успели промокнуть, и он с мрачным выражением вытирал их рукавом, после чего перевязал всю стопку найденной бечёвкой. Правая рука ещё слегка дрожала, поэтому узел пришлось затягивать левой.

Покончив с этим, он и Торин принялись оглядываться, словно на одном из покрытых мхом стволов могла обнаружиться табличка с указанием дороги на Рауссборг.

Позади них зашуршала ткань.

Элайн поднялась. Она уже поправила холстину на мече и забросила на плечи тяжёлые сумы. Лицо её оставалось бледным, но голос звучал ровнее:

— Ни упрёки, ни жалобы нам сейчас не помогут. Я должна...

Она осеклась.

— Мы должны вернуться. Каким угодно способом.

Ещё один вдох.

— Давайте двигаться. Здесь нам делать нечего.

Она посмотрела на Торина:

— Можешь определить стороны света?

— В полдень солнце находится на юге, — немедленно сообщил Кермунд. — Это указано в «Общей географии Твесса».

— В северных широтах, — уточнил Торин. — Но мы вошли в Дверь незадолго до полудня. Если переход не перенёс нас ещё и во времени...

Он поднял голову.

Сквозь разрыв в облаках показалось бледное солнце. Его свет почти не грел, но слабые тени от деревьев всё же позволяли определить направление.

Торин некоторое время смотрел на них, затем указал между двумя покрытыми мхом стволами:

— Там юг.

Элайн всмотрелась в лес. В указанной стороне кроны казались немного ниже, а между деревьями проникало больше света.

— Насколько я успела понять ваш мир, к югу земли заселены плотнее. Значит, пойдём туда.

— Это если нас вообще выбросило в наш мир, — заметил Торин с неожиданной улыбкой.

Элайн задумалась.

— Верно. Но стоять на месте всё равно бессмысленно.

Она поправила ремень сумы.

— А как было бы хорошо, если бы нас выбросило в мой мир.

— Ещё этого не хватало, — пробормотал Кермунд.

Элайн не удостоила его ответом.

— Если это всё-таки мой мир, такие болота могут быть разве что на самом юге. В Землях Кескан. Но я там была — и это совсем не Кескан. Кроме всего прочего, там намного жарче. Есть ещё болота Либерга, однако там бродят стаи демонорождённых. И местность тоже выглядит иначе.

Торин сразу оживился:

— Демонорождённые? Что это такое?

— Когда вернёмся в Рауссбург, расскажу.

— Но если мы сейчас...

— Потом, Торин.

Она подхватила свёрнутый меч.

— Выбираемся из леса. Разговоры подождут.

Элайн первой направилась на юг, выбирая места, где мох выглядел плотнее, а между кочками не блестела вода. Торин двинулся следом. Кермунд ещё раз проверил узел на книгах и неохотно пошёл за ними.

Время от времени все трое поднимали головы, разыскивая за ветвями бледное солнце.

Через несколько десятков шагов поляна скрылась из виду.

Лес сомкнулся за их спинами.

Глава 2

Лес оказался не столько непроходимым, сколько изматывающим.

Земля под ногами всё время обманывала. Кочка, выглядевшая достаточно крепкой, могла провалиться по щиколотку; под ровным ковром мха скрывалась чёрная вода; корни тянулись поперёк пути, готовые поймать за сапог. Приходилось обходить лужи, перебираться через поваленные стволы и снова искать юг, высматривая сквозь серую облачность бледное пятно солнца.

Элайн шла первой. Она проверяла землю ногами, выбирала места посуше и временами останавливалась, дожидаясь остальных. Без лошадей перемётные сумы быстро стали тяжелее, чем казались раньше, а Чёрный Цветок за спиной цеплялся свёртком за низкие ветви. Торин держался неплохо, хотя уже давно перестал заботиться о том, во что превращаются его сапоги. Кермунд отставал чаще. Он нёс прижатые к груди книги, обёрнутые куском ткани, и всякий раз смотрел на воду так, словно болото намеренно пыталось погубить именно их.

Возможно, в его случае болото действительно выбрало правильную цель.

Через несколько часов лес начал меняться. Деревья стояли реже, подлесок поредел, а среди обычной болотной травы появились низкие растения с толстыми, словно налитыми водой листьями. На подсохших краях некоторых луж белел тонкий налёт. Элайн окунула в воду палец, попробовала каплю кончиком языка и сразу выплюнула.

Горько-соленая.

Значит, где-то впереди лежали большие солёные болота или озеро. Пить эту воду было нельзя, а открытая местность могла оказаться ещё хуже леса. Впрочем, пока деревья продолжали расти, и под ногами всё ещё попадалась обычная болотная жижа, а не растрескавшаяся соль.

Элайн уже начала прикидывать, сколько времени у них уйдёт на поиски сухого места для ночлега, когда впереди посветлело.

Она подняла руку, останавливая спутников, и осторожно раздвинула ветви.

За ними лежала дорога.

Не звериная тропа и не едва заметная просека, а настоящая дорога — широкая, укатанная колёсами, с глубокими, подсохшими по краям колеями. По ней явно ездили телеги и ходили люди. Земля была так плотно утрамбована, что даже недавний дождь оставил лишь несколько неглубоких луж.

— Дорога! — воскликнул Торин.

Радость в его голосе была такой неподдельной, словно впереди уже виднелись стены Раус-сборга.

— Да, — сказала Элайн, выходя из кустов. — И это уже очень хорошо. Значит, люди где-то недалеко.

Она прошла несколько шагов в одну сторону, затем в другую, присела и осмотрела следы. Колёи уходили в обе стороны. Здесь проезжали и верховые, и телеги; некоторые отпечатки были свежими, но определить, откуда приехали люди и куда направились, не получалось. Дорога пересекала их путь почти поперёк.

Элайн выпрямилась.

— Но сначала давайте немного посидим и перекусим. Я с утра ничего не ела и очень хочу пить.

Спорить никто не стал.

Они расположились у обочины, там, где земля под корнями старого дерева оставалась сравнительно сухой. Торин опустился прямо на траву и вытянул ноги. Кермунд сначала долго

выбирал место для книг, потом снял верхнюю одежду, сложил её в несколько раз и только после этого положил свёрток сверху.

Элайн достала остатки припасов.

Еды оказалось меньше, чем ей хотелось. При обычном переходе через Дверь это не имело бы значения: в Рауссборге их ждал ужин, а если бы не ужин, то хотя бы кухня. Никто не собирался запастись на несколько дней пешего пути по болотам. Теперь же оставалось немного хлеба, сыр, несколько полосок вяленого мяса и то, что нашлось в дорожной сумке Торина.

Вода тревожила сильнее. Элайн сделала несколько глотков и встряхнула флягу. На дне плеснулось совсем немного.

— До вечера нам нужно найти город, деревню или хотя бы отдельный дом — сказала она. — Если не найдём, придётся заранее искать самое сухое место для ночлега и воду, которую можно вскипятить. Когда стемнеет, бродить по этому лесу будет глупо.

— Ты говоришь так, словно часто ночевала в болотах, — заметил Торин.

— Достаточно часто. И теперь очень не люблю это делать.

— А раньше, любила?

— Нет. Просто раньше у меня ещё не было достаточного опыта, чтобы ненавидеть его как следует.

Торин улыбнулся. Кермунд сделал вид, что не слышал.

Они разделили еду. Элайн съела меньше, чем хотелось, и заставила себя не допивать воду. Если впереди действительно находились солёные топи, первый попавшийся ручей мог оказаться таким же бесполезным, как лужи в лесу.

Отдохнув, она поднялась и ещё раз оглядела дорогу.

— Куда пойдём? Направо или налево?

Торин посмотрел в одну сторону, затем в другую. Вид был почти одинаковым: дорога изгибалась между деревьями и вскоре исчезала из глаз. Ни крыш, ни дыма, ни столбов, ни указателей.

Кермунд пошевелил правой рукой. Она слушалась гораздо лучше, чем утром, но плечо всё ещё ныло, а в пальцах время от времени вспыхивало неприятное покалывание. Он несколько раз сжал и разжал их, заметил взгляд Элайн и сразу опустил руку.

— Пойдёмте налево, — буркнул он.

Элайн усмехнулась.

— Раз правая сторона тебя сегодня беспокоит, доверимся левой. Но учти: решение принял ты, тебе за него и отвечать.

— Но я не...

— Пойдёмте налево, — поддержал его Торин. — Почему бы и нет?

Кермунд закрыл рот и поудобнее перехватил книги.

Элайн окинула его взглядом.

— Имей в виду: если устанешь их нести, я их за тебя не понесу.

— Тогда понесу я, — немедленно сказал Торин. — Потом буду рассказывать будущей жене, как я искренне люблю книги!

Элайн фыркнула.

— Торин, ты незаслуженно балуешь Кермунда. И будущей жене лучше не говори про свою любовь к книгам. Она этого не оценит.

— За свои слова и решения я умею отвечать ничуть не хуже тебя, Элайн.

В его голосе не было ни обиды, ни вызова — только спокойная уверенность, которой раньше в нём почти не замечалось.

— Отличное качество — сказала она. — Надеюсь, Торин, ты действительно умеешь это делать.

— Увидишь.

Они двинулись налево.

Лишь пройдя несколько десятков шагов, Элайн заметила, что титулы исчезли из их разговора окончательно. Торин больше не был для неё «вашим высочеством», а она для него — Элайн Вейр, посланницей Совета или кем-то ещё, кого следовало держать на почтительном расстоянии. Переход на «ты» произошёл без разрешения и без договора — словно мокрый лес, неудавшаяся Дверь и общая дорога стёрли всё лишнее.

И казалось, что так было всегда.

Некоторое время они шли молча. По твёрдой земле двигаться оказалось почти непривычно легко. Даже Кермунд перестал отставать, хотя по-прежнему берёт правую руку и нёс книги в основном левой.

Первым молчание нарушил Торин.

— Значит, ты действительно не из нашего мира?

— Да.

— А как называется твой?

— Таллар.

Он повторил название, прислушиваясь к звучанию:

— Таллар. Это королевство?

— Нет. Весь мир. А моё королевство называется Феннивар.

— Твоё королевство? — переспросил Торин. — А кем ты была в Фенниваре?

— Королевой.

Она произнесла это так буднично, что Торин не сразу понял смысл ответа.

Несколько шагов он шёл молча. Это оказалось настолько неожиданно, что подходящий вопрос никак не складывался. Спросить: «Настоящей королевой?» — значило выставить себя дураком. Поинтересоваться, действительно ли она правила страной, — почти оскорбить её недоверием. А расспрашивать о дворце, короне и подданных после такого короткого ответа казалось не менее нелепым.

Торин решил, что пока промолчит.

Но обязательно выяснит, правду ли она сказала.

Если правду, то Элайн была не просто чужеземкой, искусным воином или посланницей Совета, способной разговаривать с наследниками без малейшего почтения. Она сама правила королевством и уже была тем, кем ему ещё только предстояло стать.

Эта мысль почему-то изменила гораздо больше, чем должна была.

Внешне Торин лишь слегка пожал плечами.

— Пока мы идём, ты могла бы рассказать о нём.

Элайн повернула к нему голову.

— Могла бы. Но расскажу только то, что сочту нужным. Не больше. Если я не захочу отвечать на какой-нибудь вопрос, значит, я решила не отвечать. Без уговоров, без «ну расскажи, мне интересно» и без попыток задать тот же вопрос другими словами. Договорились?

— Договорились, — сразу ответил Торин.

Элайн посмотрела на Кермунда.

— Это касается и тебя.

— Я ни о чём не спрашивал.

— Вот и продолжай в том же духе.

Кермунд недовольно засопел, но промолчал.

Элайн начала с Феннивара.

Она рассказала о холодном море, о лесах и полях, о горах на западе и болотах на юге. О земле, которую соседи часто считали бедной и дикой, а её жители — единственным местом, где человек может дышать свободно. О крепостях, выросших на старых границах, о дюннесах,

эрлах и баннах, о вольных фермерах, которые могли спорить со своими правителями громче, чем иные дворяне.

Говорила она не спеша. Иногда надолго замолкала, выбирая, что оставить при себе. Рассказывать оказалось труднее, чем она ожидала. Слова превращали Феннивар в нечто далёкое — почти в историю, услышанную когда-то от другого человека.

Торин не торопил.

Он задавал короткие вопросы и, когда Элайн отвечала лишь взглядом или качала головой, действительно не пытался настаивать.

Потом она рассказала о нашествии Великой Тьмы, которое в Талларе называли Мором.

О демонорождённых, веками скрывавшихся глубоко под землёй. О том, как они шли вслед за древним богом, которого Великая Тьма превращала в Архидракона, и вместе с ним поднимались на поверхность. Там, где проходил Мор, земля оставалась мёртвой. За войной приходили болезни и голод, города пустели, а иногда исчезали целые армии — и после них некому было даже хоронить погибших.

Улыбка сошла с лица Торины.

— И такое происходило много раз?

— Пять, — ответила Элайн. — Последний Мор начался в Фенниваре.

— Вы победили?

— Иначе меня бы здесь не было.

Она рассказала о Чёрных Клинках.

Не обо всём, конечно. Не сказала о священном мече, которым можно было окончательно убить Архидракона, — и о цене последнего удара, когда этот меч забирал жизнь того, кто держал его в руках. Не стала объяснять и того, почему Чёрные Клинки учили своих людей не дорожить собственной жизнью там, где отступление могло стоить жизни тысячам других.

Сказала только, что Чёрные Клинки умели находить демонорождённых и знали, как уничтожить их вождя — Архидракона. Что во время Мора им подчиняются короли и генералы — по крайней мере, должны подчиняться. Что Чёрные Клинки отказываются от прежней жизни, потому что иначе у мира может вовсе не остаться будущего

— Ты была Чёрным Клинком? — спросил Торин.

— Была.

Она помолчала.

— И все еще остаюсь. Такое не заканчивается только потому, что войны больше нет.

Торин хотел спросить что-то ещё, но сдержался. Элайн заметила это и была почти благодарна ему за молчание.

Кермунд тоже слушал. Он шёл чуть позади, глядя себе под ноги, и ни разу не вмешался, однако в особенно важных местах переставал поправлять свёрток с книгами. Элайн не сомневалась: он запоминал каждое слово, а позднее разложит её рассказ на части, сопоставит с известными ему трактатами и найдёт не меньше дюжины причин считать всё услышанное невозможным.

Пусть ищет.

Дорога постепенно становилась суше. Белёсый налёт у луж исчез, деревья снова сомкнулись над головой, и в воздухе стало меньше тяжёлого болотного запаха. В колеях всё чаще попадались свежие следы копыт. Один раз Элайн заметила коровью лепёшку, ещё не успевшую подсохнуть.

Люди были близко.

Солнце уже скрылось за кромкой леса, и под ветвями быстро сгущались сумерки, когда Элайн остановилась. Впереди пахло дымом.

Не лесным пожаром и не сырой головешкой, а обычным дымом очага. Через несколько мгновений из-за деревьев донеслось протяжное мычание коровы.

Торин оживился.

— Похоже, Кермунд всё-таки выбрал правильно.

— Пока мы не увидели, кто там живёт, — тихо ответила Элайн.

Она подняла руку, призывая обоих соблюдать тишину, и прислушалась.

Дым и корова означали людей. Но это ещё не означало безопасность.

Глава 3

Деревня оказалась небольшой — два десятка домов, вытянувшихся вдоль дороги и вокруг едва заметного перекрёстка.

Дома были разные. Одни стояли крепко, сложенные из хорошего, плотно пригнанного дерева, с целыми крышами и ухоженными дворами. Другие почернели от времени, осели едва ли не по самые окна, а прорехи в кровле были кое-как заткнуты соломой и кусками коры.

Из нескольких труб поднимался дым. За плетёными оградами виднелась живность: две коровы, поросята, копавшиеся в грязи, куры, деловито разбегавшиеся с дороги. Пахло навозом, мокрой древесиной и варёной капустой.

Прежде чем войти, Элайн оставила Торина и Кермунда у последних деревьев и обошла деревню с окраины.

Ничего подозрительного она не заметила. Ни часовых, ни укреплений, ни вооружённых людей. В дальнем дворе женщина снимала с верёвки бельё, двое детей загоняли кур в сарай, а седой мужчина запирал хлев. Обычная деревня, готовившаяся ко сну.

Насколько тут вообще можно было доверять первому впечатлению.

Элайн вернулась к спутникам.

— Пойдём.

В деревню они вошли втроём.

На улице почти никого не осталось. Вероятно, наступающие сумерки уже разогнали жителей по домам. Те немногие, кого они замечали, задерживались на пороге или у изгороди, смотрели на пришельцев и быстро исчезали внутри.

Элайн их понимала. Зрелище они представляли примечательное.

Впереди шла высокая рыжеволосая женщина с тяжёлыми сумами через плечо и длинным свёртком меча за спиной. Следом — молодой мужчина немногим ниже её, с длинными тёмными волосами и дорогой дорожной сумкой на ремне. Замыкал шествие худощавый почти юноша с редкими усиками, прижимавший к груди стопку книг так, словно спасал их из пожара.

Все трое были одеты явно богаче здешних жителей, хотя дорога через болотистый лес постаралась это скрыть. Сапоги покрывала густая грязь, на плащах темнели мокрые пятна, к одежде прилипли листья и тонкие веточки. Даже дорогой рыжий меховой костюм Элайн был заляпан едва ли не до пояса.

Дорога вывела их на небольшую утоптанную площадь. В центре стоял широкий каменный колодец с деревянным воротом и потемневшим от воды желобом.

Возле него они наконец увидели местных жителей вблизи.

Две женщины в простых длинных платьях держали деревянные вёдра. Рядом стоял невысокий молодой парень в круглой шапочке, с края которой свисал шнурок с кисточкой.

Все трое уставились на приближающихся путников. Элайн, по своему обыкновению, сразу взяла разговор на себя.

— Как называется ваша деревня?

Жители переглянулись.

Одна женщина крепче сжала ручку ведра. Вторая отступила на шаг. Парень приоткрыл рот, но ничего не сказал. Все трое продолжали рассматривать пришельцев с таким вниманием, словно пытались решить, люди перед ними или особенно убедительная разновидность болотной нечисти.

— Вы меня понимаете? — спросила Элайн. — Как называется ваша деревня?

Ответа снова не последовало.

Она повернулась к Торину.

— Они что, нашего языка не понимают?

— Наверное, просто боятся, — тихо ответил он. — Вряд ли здешние крестьяне часто видят богатых господ, выходящих из леса на закате.

— Ага, господ. Особенно таких чистых и опрятных.

Торин пропустил замечание мимо ушей, достал кошелек и вынул три сольвера.

— Вот, — сказал он, раскрыв ладонь. — Это вам. Подарок. Не бойтесь.

Серебро действовало лучше любых объяснений.

Женщины вытянули шеи. Парень подался вперёд. Некоторое время все трое переводили взгляды с лица Торина на блестящие в его ладони монеты.

Наконец одна из женщин решила подойти. Она осторожно взяла сольвер двумя пальцами, повертела его, разглядывая чеканку, и с ещё большим удивлением посмотрела на Торина. Затем резко спрятала монету за пазуху.

Вторая женщина, увидев, что ничего страшного не произошло, последовала её примеру.

Парень подошёл последним. Он долго рассматривал сольвер, провёл ногтем по краю и даже попробовал его на зуб.

— Это нама? — спросил он наконец.

Кермунд сразу поднял голову.

— Это вам, да, — повторил Торин. — Мы пришли с миром. Не бойтесь. Как называется ваша деревня?

Парень посмотрел на женщин, потом снова на серебро. И вдруг сорвался с места.

Он промчался через площадь, свернул между домами и исчез за изгородью.

Женщины проводили его взглядом. Потом словно одновременно вспомнили, что им тоже есть куда спешить. Они попятились, не выпуская прищельцев из виду, подхватили ведра — и через мгновение только юбки взметнулись за углом ближайшего дома.

Элайн посмотрела на опустевшую площадь.

— Ну вот, Торин. Кажется, своей щедростью ты перепугал их окончательно.

— Зато они взяли деньги.

— Это не помешало им убежать.

Кермунд всё ещё смотрел туда, где скрылся парень.

— Он странно произносит слова.

— Ну кто бы мог подумать! — заметила Элайн.

— Я пытаюсь вспомнить всё, что знаю о диалектах нашего языка. Но этой областью я почти не занимался.

— Неужели существует область знаний, которой ты почти не занимался?

Кермунд бросил на неё раздражённый взгляд.

— Я сказал «почти».

Элайн оглядела дома. За ближайшими окнами уже мелькали лица. Жители явно не разбежались далеко и теперь наблюдали за ними из укрытия.

— Что будем делать? Стучаться в двери?

Торин пожал плечами.

— Если все ушли по домам, нам придётся последовать их примеру.

Делать этого не понадобилось.

Парень уже возвращался. Теперь он шёл гораздо медленнее и держался на полшага позади пожилого мужчины.

На голове у старика была такая же круглая шапка. Только вместо тонкого шнурка с кисточкой её венчал большой пышный помпон. Элайн невольно выдохнула с облегчением. А затем широко улыбнулась.

Судя по всему, человек с помпоном обладал здесь властью.

Прежде чем пожилой мужчина успел подойти, парень наклонился к нему и торопливо что-то прошептал на ухо. Староста выслушал, покосился сначала на Торуна, потом на женщин, исчезнувших с площади, и остановился перед пришельцами.

Вместо приветствия он протянул руку ладонью вверх.

Элайн и Торин переглянулись.

— Торин, ты представляешь, что такое сольвер для этих людей? — негромко спросила она. — Теперь они будут просить у нас деньги всякий раз, когда увидят.

— Что же, этому не давать?

— Этому как раз придётся. Судя по шапке и выражению лица, он здесь человек важный. Поэтому давай два. Но на этом раздача заканчивается, иначе до города мы доберёмся без кошельков.

Торин достал ещё два сольвера и положил их на протянутую ладонь.

Мужчина внимательно осмотрел обе монеты, перевернул их, потёр большим пальцем чеканку. Затем сжал ладонь в кулак и неторопливо завёл руку за спину, словно серебро, исчезнувшее из виду, переставало существовать для всех, кроме него.

— Ктота вы? — спросил он скрипучим голосом.

— Мы заблудились, — ответила Элайн.

Она продолжала следить за площадью и ближайшими домами. В окнах мелькали лица. За изгородью кто-то шевельнулся, но вооружённых людей пока не появилось.

— Как называется ваша деревня?

— Заблудились? — удивился мужчина. — Так эта... Тут блудить негде. Дорога прямо — и до города.

— Какого города? — спросил Торин.

— Виртваль, вашество. Прямо дорога до него. Где тут блудить?

Торин резко повернулся к нему.

— Виртваль?

Кермунд тоже поднял голову. На мгновение он даже забыл о книгах, которые прижимал к груди.

— Да, Виртваль, — закивал староста. — Другого тут нету.

Элайн перевела взгляд с Торуна на Кермунда. Название явно было знакомо обоим — и не обещало ничего хорошего.

— Так, — сказала она. — А деревня ваша как называется?

— Аулбег, вашество.

— А ты, стало быть, староста?

Мужчина выпрямился и выпятил грудь.

— Ну так. Уже двадцать лет и двадцать одну зиму как.

— И как зовут человека, который двадцать лет и двадцать одну зиму как?

Мужчина заморгал.

Очевидно, попытку пошутить он не понял.

— Как тебя зовут? — пояснил Торин. — Как к тебе обращаться?

— А! Кевар. Кевар я.

— Отлично, значит, Кевар — сказала Элайн.

Теперь, когда выяснилось, с кем следовало разговаривать, она привычно принялась распоряжаться.

— Нам нужен дом на ночь. Или одна большая комната. Чистая. Без клопов. Три отдельные постели — тоже чистые. Горячая еда, питьевая вода и возможность умыться. До утра нам никто не мешает и ни с какими вопросами не приходит. За всё это ты лично получишь золотую марку.

Кевар переменился в лице.

Он постарался сохранить важный вид, но глаза его расширились, рот приоткрылся, а пальцы за спиной нервно зашевелились. Золотая марка за одну ночь казалась ему настолько невероятной платой, что он, похоже, решил: либо ослышался, либо эти чужаки окончательно лишились рассудка.

Элайн не дала ему опомниться.

— Но если еда окажется гнилой, вода — тухлой, в постелях будут клопы или хоть кто-нибудь потревожит нас до утра, ты не получишь ничего. Понял?

Кевар быстро закивал.

— И ещё одно. Если кто-нибудь в деревне снова попросит у нас денег просто за то, что подошёл поближе, — ты тоже не получишь ничего. Деньги за ночлег и еду я отдаю только тебе. А дальше сам решай, с кем делиться. Понятно?

Староста закивал ещё усерднее.

Чтобы окончательно исключить недоразумения, Элайн сняла с плеча длинный свёрток, откинула край холстины и поставила Чёрный Цветок перед собой. Остриё тяжело вошло в утопанную землю. Она положила ладони на навёршие.

— Хорошо запомнил?

Теперь Кевар смотрел не на неё, а на огромный чёрный клинок.

— Запомнил, вашество.

— Тогда выполняй.

Староста повернулся и торопливо зашагал к домам. Парень в шапочке с кисточкой поспешил следом, время от времени оглядываясь на меч.

Проводив их взглядом, Элайн снова завернула Чёрный Цветок и перекинула его за спину.

— Стоит позволить им решить, что здесь распоряжаемся не мы, а они - потом от их лишних требований не отделаешься.

— Но это их деревня, — пробурчал Кермунд. — И их земля. Значит, они здесь всё-таки главные.

— Когда мы уйдём — несомненно. А пока тут решаю я... — Элайн покосилась на Торуна и поправилась: — Мы. Иначе есть риск, что утром мы не проснёмся. Или проснёмся без денег и вещей.

— Очень обнадеживающе — сказал Торин.

— Я стараюсь.

Элайн оглядела спутников.

— Кто-нибудь хочет действовать иначе?

Торин промолчал. Кермунд поджал губы, но тоже ничего не сказал.

К ним направлялась немолодая женщина. Элайн узнала одну из тех, что недавно стояли возле колодца. Теперь женщина держалась увереннее, хотя старалась не смотреть на Чёрный Цветок за спиной Элайн.

Подойдя, она низко поклонилась.

— Идите за мной, вашество.

Она повернулась и повела их к одному из крепких домов на краю площади.

Глава 4

Староста сдержал обещание.

Комната была невелика, но пол хорошо выметен, а единственная неказистая кровать застелена серым, зато чистым полотном. Рядом на полу лежали два набитых сеном тюфяка, накрытые такой же тканью. В углу стоял ушат с водой для мытья, возле него — деревянный ковш и сложенное вчетверо полотенце.

На столе уже ждали каравай серого хлеба, варёные яйца, круг сыра, большая миска с разваренными овощами и кувшин воды. Рядом стояли три грубые глиняные кружки, ни одна из которых не походила на другую.

После сырого леса и почти пустой фляги всё это выглядело едва ли не роскошью.

Элайн окинула взглядом сельское великолепие, сбросила сумы возле стены и немедленно полезла за картой.

В своё время она потребовала у Хасслера полную карту всего мира, а не огрызок с одной дорогой от Рауссборга до Боума. На этот раз он согласился без долгих споров. В отличие от рыжего мехового костюма, ради карты ему не пришлось раз десять переступать через самого себя.

— Отодвиньте еду, — распорядилась Элайн. — И осторожнее с кувшином.

Торин сдвинул миску и хлеб на край стола. Кермунд успел отломить кусок каравая и теперь жевал, пока Элайн разворачивала плотный лист. Карта оказалась достаточно подробной: на ней были отмечены не только города и большие дороги, но даже некоторые мелкие селения.

Элайн прижала углы кружками. Все трое склонились над столом.

Первым нужное место нашёл Кермунд. Он ткнул в карту пальцем левой руки:

— Вот Виртваль. А вот... — палец скользнул влево по дороге, проходившей вдоль лесов, — Аулбег. Мы здесь.

Все трое посмотрели друг на друга. Потом снова на карту.

По крайней мере, теперь они знали, куда их занесло.

Плохо было то, куда именно.

— Значит, нас выбросило в Чаще Серых Свиной, — подвёл итог Торин. — Севернее солёных топей, в Западных Краях. Мы пошли... хм... налево и вышли к Аулбегу.

Он ещё раз прочёл подписи на карте и нахмурился.

— Что у них вообще за названия? Я не видел в том лесу ни одной серой свиньи.

Элайн очень хотелось сказать, что одну свинью она там всё-таки видела — и та до сих пор находится в этой комнате, но она удержалась.

Новая ссора сейчас была последним, что им требовалось.

— И Аулбег, — продолжал Торин. — Ну что это такое - Аулбег?

— А как, по-твоему, его следовало назвать? — спросила Элайн.

— Не знаю. Зелёная Лощина, например.

— Конечно. Или Жёлтая Бутылка.

Кермунд фыркнул так неожиданно, что едва не подавился хлебом. Несколько крошек упало на карту, и он поспешно смахнул их ладонью.

Это было первым звуком, хотя бы отдалённо похожим на смех, который Элайн услышала от него после аварии.

— Ладно, — сказала она. — Теперь давайте решим, как добраться до своих.

Торин провёл пальцем по северной части карты.

— Мы почти у самой северной границы Феора. Дальше начинаются земли Вольных городов. Они называют свой союз Хартией.

— Виртваль входит в неё? — спросила Элайн.

— Он главный город союза и крупнейший порт. По крайней мере, так написано в книгах.

— Там безопасно?

Торин замялся.

— Не знаю. Формально Виртваль не принадлежит Феору. Ни он, ни Булаль, ни Фиртваль не входят ни в одно государство. Но посмотри, насколько близко проходит граница. В городе наверняка много феорцев, а влияние Феора там должно быть огромным.

— «Должно быть»?

— Мои научные интересы не простирались так далеко на запад.

Элайн перевела взгляд на Кермунда.

— А твои?

— Тем более.

— Очень полезно путешествовать с двумя учёными.

— Я все-таки больше наследник, — напомнил Торин.

— Тогда с наследником и учёным. Это решительно всё меняет.

Она снова посмотрела на карту. Дорога из Аулбега действительно вела прямо к Виртвалю. Путь на юг уводил глубже в Феор, а дорога на восток упиралась в океан.

— В любом случае выбора у нас нет, — решила Элайн. — Идём в Виртваль. Там находим корабль, который плывёт через Море Спокойствия, покупаем места и возвращаемся в Империю.

Торин задумчиво протянул:

— Хм...

— Что значит «хм»? В чём проблема?

— Не во мне, — ответил Торин.

— Я не поплыву на корабле — сказал Кермунд, не поднимая глаз от карты.

Элайн повернулась к нему.

— Это ещё почему?

— Потому что не поплыву.

— Мы находимся на другом конце материка, а море — самый короткий...

— Я сказал: не поплыву. И всё. Хоть режьте.

На лице Элайн медленно появилась нехорошая улыбка.

— Это мысль. Если ты настаиваешь...

Торин быстро схватил её за руку. Элайн немедленно высвободилась и посмотрела на него.

— Ты зачем меня хватаешь?

— Давай выйдем, — тихо сказал Торин. — Мне нужно кое-что тебе объяснить. Это важно.

Она задержала на нём взгляд, затем пожала плечами.

— Хорошо. Пойдём.

Когда они вышли, солнце уже скрылось. На Аулбег опустились густые сумерки. В окнах зажигались редкие огни, из труб тянулся дым, а где-то за домами лениво брякнул колокольчик на коровьей шее.

На сельской площади было почти безлюдно и очень тихо.

Элайн отошла от двери, чтобы Кермунд не услышал разговор из комнаты, и скрестила руки на груди.

— Итак. Что ты хотел мне сказать?

— Понимаешь... Кермунд не переносит моря, — начал Торин. — Совсем.

Элайн молча ждала продолжения.

— Он давно мне рассказывал. Ещё когда мы только начали работать вместе. Для него любое плавание — настоящая пытка. Даже в лодке, недалеко от берега, ему становится плохо. А в последний раз, когда он оказался на корабле... Не помню, сколько лет назад это было. Он едва не потерял сознание. Потом его несколько дней рвало, хотя он уже сошёл на землю.

— Ну и ну — произнесла Элайн. — И ради этого мы должны идти только сушей?

— Получается, что так, — вздохнул Торин.

— Торин, ты видел карту. Чтобы добраться до Империи по суше, нам придётся пересечь весь Феор, а потом ещё Коррилен. Ты знаешь, что сейчас творится в Коррилене?

— Знаю, — тихо ответил он.

— Феор за тобой охотится. Это ты тоже знаешь?

— Знаю.

— Тогда попробуй сделать вывод. Я уверена, у тебя получится.

Торин долго смотрел на неё. В слабом свете, падавшем из ближайшего окна, его лицо казалось усталым и непривычно взрослым.

— У тебя ведь были близкие люди, с которыми ты... — Он запнулся. — Нет, не так. Ты же ходила в бой не одна?

— Разумеется. И не один раз.

— И если бы кому-то из этих людей было плохо от... ну, например, от похода, ты просто заставила бы его идти туда, куда нужно тебе?

— Если бы от этого зависели жизни людей — да.

Ответ прозвучал быстрее, чем Элайн успела его обдумать.

Торин нахмурился.

— Даже силой?

Элайн посмотрела ему прямо в глаза.

— Не заставляй меня вспоминать, что мне приходилось делать, чтобы остановить Мор.

Её голос остался тихим, но лицо словно окаменело. Кровь отхлынула от щёк, губы сжались в тонкую линию.

— Моя задача — доставить тебя в Рауссборг. Тебя, Торин. Потому что без этого я не получу помощи и не вернусь домой.

Последние слова прозвучали резче, чем она хотела.

Торин чуть отступил. Не от страха — скорее от неожиданности.

— Значит ты... Ты силой принуждала своих соратников?

— Я ставила их перед выбором, которого они не хотели. Иногда — перед свершившимся фактом. Иногда принимала решение за всех, потому что больше было некому его принимать.

Она замолчала.

В памяти на мгновение возникли лица. Те, кто спорил с ней. Те, кто доверял. Те, кто уходил, потому что не мог принять её выбор. И те, кто остался, хотя, возможно, не должен был.

Элайн прогнала воспоминания.

— Но никто из них не ставил меня в такое положение, как сейчас Кермунд. Никто не говорил: пусть отряд идёт навстречу смерти, потому что мне неприятен другой путь.

— Ему не просто неприятно.

— Мне тоже многое не приятно. Например, феорские маги-убийцы. Или перспектива провести несколько недель в землях, где нас будут активно искать. Или отношение Кермунда к женщинам.

— Элайн...

Голос Торина дрогнул. Она сразу это услышала.

— Я понял, что ты его терпеть не можешь. Но он действительно очень много для меня сделал. Когда никто не воспринимал мои занятия всерьёз, он... Он один понимал, чего я пыта-

юсь добиться. Он находил ошибки в моих расчётах. Доставал книги, которых не было даже в отцовской библиотеке. Помогал проводить опыты, хотя иногда это было опасно.

— Иногда?

— Довольно часто.

Элайн невольно подняла бровь, но промолчала.

Торин смотрел куда-то мимо неё, в темноту между домами.

— Тогда уговори его — сказала она уже мягче. — Объясни, что путь через Феор и Коррилен может закончиться тем, что его «хоть режьте» перестанет быть фигурой речи. Если он хочет и дальше заниматься наукой, ему прежде всего нужно остаться в живых.

— Я не могу.

— Почему?

Торин ответил не сразу.

— Потому что я его последняя опора.

Элайн нахмурилась.

— Что это значит?

— У него никого нет. Совсем. Ни семьи, ни друзей. Люди обычно не выдерживают его долго.

— Удивительно.

Торин бросил на неё короткий взгляд.

— Ты сама всё понимаешь. Он умеет сделать так, чтобы его возненавидели даже те, кто сначала хотел помочь. Но со мной... Со мной он всегда оставался.

— Потому что ты позволял ему оскорблять окружающих?

— Потому что я знал, какой он.

— Это не ответ.

— Другого у меня нет.

Торин провёл ладонью по лицу.

— Если теперь я заставляю его сделать то, чего он боится больше всего, чем я буду отличаться от остальных? Я останусь единственным человеком, которому он доверяет, — и сам использую это доверие, чтобы его сломать.

— Значит, ты хочешь, чтобы это сделала я?

Торин промолчал. Ответ был достаточно ясным.

— Прекрасно, — сказала Элайн. — То есть ты останешься добрым и понимающим, а я снова буду той, кто принимает неприятное решение.

— Я не это имел в виду.

— Но именно так и получится.

— Мы с ним столько всего сделали вместе... — тихо произнёс Торин. — Столько опытов. Столько ночей просидели над книгами. Когда отец запретил мне заниматься Дверями, Кермунд всё равно продолжал. Когда остальные смеялись, он не смеялся ни разу.

Он замолчал.

На площади было тихо. Где-то в хлеву переступила корова, звякнула цепь. Из дома донёсся приглушённый стук посуды, а потом всё снова стихло.

Элайн смотрела на Торуна и чувствовала, как раздражение понемногу уступает место чему-то гораздо менее удобному.

Он не расклеился. Он боялся потерять ещё одного близкого человека.

И, что хуже всего, Элайн понимала этот страх слишком хорошо.

Она могла бы сказать, что Кермунд не заслуживает такой преданности. Что его грубость, высокомерие и мерзкое отношение к женщинам давно лишили его права рассчитывать на чью-либо заботу. Могла напомнить, что из-за него они оказались здесь.

Но это было бы неправдой. Не только из-за него.

— Хорошо, — сказала она наконец.

Торин поднял голову.

— Что хорошо?

— Ты не будешь его ломать.

— Элайн...

— И я не стану тащить его на корабль связанным. По крайней мере, пока.

— Что ты собираешься делать?

Она тяжело вздохнула.

Конечно, Элайн с огромным удовольствием избавилась бы от этого отвратительного юноши. Оставила бы ему карту, немного денег и возможность самостоятельно доказать, что сухопутный путь через Феор — превосходная мысль.

Но лучше от этого не стало бы никому.

Кермунд был нужен Торину. Торин был нужен Империи. А Империя была нужна Элайн, чтобы вернуться домой.

Цепь получалась отвратительно простой.

Оставалось собрать волю в кулак и сделать то, что у неё всегда получалось лучше всего. Совершить невозможное.

— Я попробую уговорить его по-хорошему — сказала Элайн.

Торин уставился на неё так, словно она предложила поднять со дна Море Спокойствия.

— Ты?

— Еще раз спросишь, и я передумаю.

Открывая дверь, Элайн вдруг остановилась на пороге.

Решение было. Было всё это время — лежало в её собственных сумах.

Она едва не хлопнула себя ладонью по лбу.

— Создатель...

Торин, шедший следом, чуть не налетел на неё.

— Что?

Элайн не ответила. Ворвавшись в комнату, она бросилась к своим вещам, опустилась на колени и принялась вытаскивать из сумы свёртки, одежду и дорожные мелочи.

Торин спросил её

— Что ты так ищешь?

— Сейчас увидишь.

На дне сумы обнаружился небольшой жёсткий футляр из тёмной кожи. Элайн вытащила его, стряхнула приставшую травинку и положила перед Кермундом.

— Посмотри. Мне важно твоё мнение. В этом ты должен разбираться.

Последняя фраза подействовала лучше любого приказа.

Кермунд отложил хлеб, вытер пальцы о край ткани и придвинул футляр к себе. Откинув застёжку, он обнаружил внутри три маленьких пузырька, каждый в отдельном гнезде и перехваченный узким кожаным ремешком.

Он поднёс футляр ближе к светильнику.

— Здесь яд Чёрной Вдовы, — произнёс он, повернув первый красный пузырёк. — Мазь Пелленора... - он провел пальцами по зеленому. А это...

Кермунд осторожно взял третий, синий сосуд и посмотрел сквозь него на огонь.

— Сонный эликсир Вертвиг.

— Вот это да! А мне имен создателей не называли.

— Откуда это у вас?

— От Асвера Конига, Хранителя Мудрости. Он распорядился приготовить всё специально для меня. Работали его лучшие ученики.

Кермунд ещё раз повертел пузырёк, наблюдая, как жидкость стекает по стеклу.

— По цвету и прозрачности похоже на идеально приготовленный состав. Осадка нет. Сделано на совесть.

Он уже собирался вернуть сосуд на место, но Элайн не взяла футляр.

— Кермунд, мы пойдём в Виртваль.

Его пальцы замерли на кожаном ремешке.

— Я же сказал...

— Дослушай. Тебе не придётся мучиться на корабле. Обещаю.

Кермунд недоверчиво сощурился.

— Каким образом?

— Сначала ответь мне на один вопрос. Ты веришь моим обещаниям?

Он нахмурился и отвёл взгляд. Пауза затянулась.

— Верю, — наконец буркнул Кермунд.

Ещё бы ему не верить. Элайн уже достаточно наглядно показала, что относится к собственным обещаниям буквально — особенно к тем, которые собеседнику хотелось бы считать пустой угрозой.

— Хорошо. Тогда перед посадкой ты выпьешь две капли этого эликсира и уснёшь.

Кермунд вскинул голову.

— Вы даже не знаете, как он действует!

— Вот поэтому я с тобой и советуюсь.

— Две капли усыпляют взрослого человека только лишь на сутки. А до Империи мы будем плыть несколько дней!

— Значит, проснёшься через сутки, попьёшь воды, поешь и выпьешь капли снова.

— Повторный приём может вызвать сильную слабость. И действие не всегда прекращается в одно и то же время. Оно зависит от веса, возраста, еды...

— Прекрасно. Ты сам считаешь — сколько будет нужно.

Кермунд осёкся.

— Что?

— Ты же лучше меня разбираешься в эликсирах. Вот сам и определишь, сколько тебе нужно. Футляр останется у тебя. Никто не станет подмешивать зелье в еду или вливать его тебе в рот.

Торин, до сих пор стоявший у двери, посмотрел на Элайн с нескрываемым удивлением.

Она предпочла этого не заметить.

— Перед выходом в море ты примешь столько, сколько считаешь безопасным, — продолжила Элайн. — Торин будет рядом. Он проследит, чтобы ты пил, ел и принимал следующую дозу вовремя. Мы найдём тебе место, где ты не будешь видеть ни моря, ни палубы, ни волн. Большую часть пути ты проспишь.

— А если я проснусь раньше?

— Получишь следующую дозу, когда сам решишь, что её уже можно принимать.

— А если будет шторм?

— Тогда ты будешь еще больше хотеть спать.

Кермунд недовольно поджал губы, но возражать не стал.

Элайн сама себя не узнавала.

Вообще-то следовало поставить его перед фактом. Объяснить, что выбор у него невелик, а потом пообещать сломать вторую руку, если он попытается задержать Торина.

Вместо этого она терпеливо уговаривала Кермунда, как нянька Нэн когда-то уговаривала маленькую Элайн съесть ещё ложку каши. Не хватало только назвать его хорошим мальчиком и пообещать сладкое.

— Кермунд, — произнесла она, заставив себя говорить спокойно, — сухопутная дорога намного опаснее корабля. Не только для тебя. Для Торина тоже.

Кермунд покосился на наследника.

— В море мне становится очень плохо.

— Я знаю.

— Нет, не знаете.

— Увы, я отлично знаю, что такое очень плохо. Как видишь — я все еще жива и здорова.

Он снова посмотрел на неё.

Элайн положила ладонь на футляр, но не потянула его к себе.

— Ты будешь спать почти всё время, пока корабль находится в море. Я прослежу, чтобы тебя не вытаскивали на палубу, не будили без необходимости и не оставляли одного, если тебе станет плохо.

— Ты обещаешь?

— Обещаю.

— Именно это?

— Именно это.

Кермунд помолчал. Его пальцы всё ещё лежали на футляре.

— И зелье останется у меня?

Элайн чуть было не ответила, что распоряжаться её вещами будет она сама. Но что значил футляр против шансов попасть домой? За это она отдала бы все зелья этого мира не колеблясь ни секунды.

— Останется у тебя.

— До самого корабля?

— Навсегда.

— И сам буду принимать столько, сколько сочту нужным?

— Да, Кермунд. Это ты будешь решать сам.

Он ещё несколько мгновений изучал её лицо, словно искал подвох.

— Так ты веришь мне? — спросила Элайн.

Кермунд опустил взгляд на пузырёк с прозрачным эликсиром.

— Верю.

Элайн медленно выдохнула. Похоже, совершить невозможное всё-таки удалось.

* * *

Утром Кевар уже ждал их на площади.

Рядом с ним стоял тот самый парень в шапочке с кисточкой. Завидев чужаков, он сразу выпрямился и с любопытством уставился на заметно потяжелевшие сумы. Староста сдержал слово до конца: фляги были наполнены свежей водой, а к остаткам дорожных припасов прибавились ещё один каравай, кусок сыра и завернутые в ткань варёные яйца.

Элайн подошла к Кевару и достала кошелек.

Золотой монеты ровно в одну марку у неё не было, поэтому пришлось отдать два талера. Получалось немного больше обещанного. ¹

Внутренне Элайн поморщилась.

Трата была оправданной. Они получили чистую комнату, еду, воду, покой и возможность без помех решить, куда двигаться дальше. Кроме того, Кевар действительно не позволил жителям досаждать им просьбами.

¹ Марка — около 5 г золота; талер — около 3 г золота, или 15 серебряных сольверов. В сольвере 10 медных кобберов; половина коббера — хир.

И всё же в незнакомой стране деньги следовало беречь. Она пока не знала ни того, сколько будет стоить дорога до Виртвала, ни того, какие расходы ждут их в самом городе.

Элайн протянула монеты старосте.

— Держи. Ты заслужил.

Кевар принял золото почти дрожащими пальцами. Несколько мгновений он неотрывно смотрел на монеты, словно боялся, что они исчезнут, а затем торопливо спрятал их в кошель на поясе и прикрыл ладонью.

Парень следил за каждым его движением с такой завистью, что Элайн невольно усмехнулась.

Она уже собиралась уходить, но задержалась.

— Лошади у вас есть?

Кевар сразу закивал:

— Есть, вашество.

— Приведи. Если животное хорошее, я куплю.

Староста посмотрел на паренька и коротко кивнул. Тот сорвался с места и побежал между домами.

— Может, всё-таки повезёт с лошадьё, — сказал Торин.

— После вчерашнего я начинаю бояться твоих представлений о везении, — ответила Элайн.

Ждать пришлось недолго.

Парень вернулся, ведя за верёвочный недоуздок животное, которое только при очень большой любви к лошадям можно было назвать клячей.

Она была старая, тощая и почти вся седая. Рёбра проступали под тусклой шерстью, спина провалилась, а из воспалённых глаз тянулись мутные дорожки. Кобыла переставляла ноги осторожно, словно каждый шаг требовал отдельного решения.

Элайн осмотрела её с головы до копыт.

Покупать такую лошадь означало не облегчить дорогу, а приобрести ещё одну заботу. До Виртвала кобыла могла и не дойти.

— Нет, — сказала Элайн. — А получше у вас ничего нет?

Теперь стало понятно, почему Кевар так легко согласился продать животное, без которого в деревне обычно старались не обходиться.

Староста развёл руками.

— Нету. Четыре было. Две от горячки зимою померли. Ещё одна весной сгорела. Эта осталась. Мордашка.

Кобыла медленно повернула голову на звук своего имени.

— Может, купите? — с надеждой спросил Кевар. — Недорого отдам, вашество.

— Нет. Она съест больше, чем пройдёт.

— Совсем недорого.

— Кевар, если ты будешь настаивать, я возьму с тебя деньги за то, что я избавлю деревню от этой лошади.

Староста нахмурился, пытаясь понять, шутит она или действительно собирается потребовать плату.

— Мы уходим, — закончила Элайн.

Она взвалила сумы на плечо. Торин поправил ремень своей дорожной сумки, а Кермунд поудобнее перехватил книги.

Правая рука уже слушалась почти нормально. Плечо ещё отзывалось глухой болью при резких движениях, но пальцы больше не немели, и Кермунд старательно делал вид, будто никаких последствий вовсе не осталось.

— До Виртвала всё время по этой дороге? — спросил Торин.

— Прямо, вашество, — подтвердил Кевар. — Никуда не сворачивать.

— Если не заблудимся на прямой дороге, — сказала Элайн, — обязательно вспомним тебя добрым словом.

Кевар поклонился. Парень тоже попытался поклониться, не выпуская из рук недоуздок Мордашки.

Трое путников миновали последние дома и вскоре скрылись за околицей.

Кевар ещё некоторое время смотрел им вслед.

Когда дорога опустела, он повернулся и неторопливо направился к своему дому. Парень повёл Мордашку обратно, а староста, не оборачиваясь, велел ему запереть её в сарае и не забыть дать воды.

В доме Кевар первым делом задвинул засов.

Он вынул из кошелька оба талера, ещё раз осмотрел их на свету и попробовал один ногтем. Затем открыл большой окованный железом сундук, перебрал сложенную одежду и спрятал монеты на самое дно, под свёрток старого полотна.

Закрыв сундук, Кевар довольно улыбнулся.

Но только на мгновение. Он сел за грубый деревянный стол, достал из трещины между досками короткое перо и небольшой обрывок бумаги. Писал медленно, тяжело нажимая на перо и время от времени шевеля губами. На листке поместилось всего несколько неровных строк.

Кевар перечитал написанное, тщательно сложил бумагу в узкую полоску и снял с полки тонкую верёвочку.

Во дворе, под навесом, кроме коровы, поросят и кур, стояли две небольшие плетёные клетки. Это была не голубятня: в каждой сидело только по одной птице.

Кевар подошёл к клеткам и некоторое время рассматривал голубей, выбирая.

Наконец открыл левую.

Птица беспокойно забила крыльями. Староста поймал её обеими руками, прижал к груди и ловко привязал сложенную записку к лапке. Проверил узел, подтянул верёвочку и только после этого вышел на середину двора. Он поднял руки.

Голубь сорвался с ладоней, тяжело взмахнул крыльями и взмыл над крышей. Сделав над Аулбегом широкий круг, птица выбрала направление и вскоре исчезла над лесом.

Кевар постоял, прикрывая глаза ладонью, пока голубя ещё можно было различить в утреннем небе.

Потом вернулся под навес, почесал ближайшего поросёнка между ушами и вышел со двора. Дел у старосты оставалось много.

Глава 5

Военный лагерь стоял у дороги к Боуму — достаточно близко к городу, чтобы за несколько часов перебросить туда людей, и достаточно далеко, чтобы не привлекать лишнего внимания горожан.

Палатки вытянулись ровными рядами. Между ними тянулся дым походных очагов, возле коновязей фыркали лошади, часовые сменялись без крика и суеты. Обозные телеги поставили кругом у края лагеря, оставив свободным только узкий проезд. Всё находилось на своих местах.

Не на месте была только Элайн.

Хасслер стоял у походного стола и в который раз смотрел на дорогу.

Она уже должна была добраться из Нирхалла до Боума. Даже с учётом задержек, осторожности и её способности находить неприятности там, где другие находили только ночлег.

Следовало ли выслать людей навстречу?

Он мог взять десяток всадников и пройти по дороге до самого города. Но если Элайн выбрала другой путь, задержалась намеренно или уже покинула Боум, отряд только привлечёт внимание. Искать тайного посланника открытым военным разъездом было не лучшей мыслью.

— Подождём до вечера, — решил Хасслер.

Заместитель, стоявший у стола, кивнул, хотя по его лицу было видно: ждать ему нравится не больше, чем командиру.

Слава Хранителям, до вечера ждать не пришлось.

Сначала у въезда послышался шум. Затем часовой привёл к палатке худого мальчишку в запylённой одежде. За ним солдат держал под уздцы двух хороших лошадей — уставших, покрытых засохшей пеной, но явно не тех, которые могли себе позволить крестьяне.

Мальчик остановился перед Хасслером и, немного подумав, поклонился.

— Ты кто? — спросил заместитель.

— Мне к господину Хасслеру.

— Ты уже перед ним.

Мальчик перевёл взгляд на командира.

— Вы правда командир Хасслер, дяденька?

— Правда. — он слегка улыбнулся, вспоминая свои дознания.

— Мне велели вам сказать: «Рыжая и Сын уходят Дверью в столицу».

Хасслер не шевельнулся. Только пальцы его, лежавшие на краю стола, медленно сжались. Значит, Элайн добралась до Нирхалла. Нашла наследника. И вместо обратной дороги воспользовалась Быстрой Дверью.

Миссия завершена. Но... это только слова мальчика...

— Кто велел тебе это передать? — спросил он.

— Рыжая женщина. С большим мечом. Он у неё в тряпку был замотан, но всё равно длинный, вот такой.

Мальчик развёл руки, показывая размер, и едва не задел заместителя.

— Где это было?

— В Нирхалле.

— Когда?

— Вчера поздним утром. Она сказала ехать быстро и лошадей менять. Одну вести, на другой ехать, потом наоборот.

Хасслер посмотрел на животных внимательнее. И сразу узнал обеих.

Именно этих лошадей он покупал у Этил в «Белом Седле» перед отъездом Элайн. Хорошие, выносливые, подобранные для долгой дороги. Ошибиться было невозможно.

Значит, мальчишку действительно послала она.

— Кто был рядом с Элайн? — спросил Хасслер.

— Никого.

Он медленно поднял взгляд.

— Совсем никого?

— Когда она ко мне подошла — никого. Там до этого бой был. У дверей дворца.

Заместитель перестал усмехаться.

— Какой бой?

Мальчик пожал плечами.

— Стражники дрались. И ещё какие-то люди. Я не знаю, кто они. Я далеко стоял, за телегой. Смотрел украдкой.

— Элайн участвовала?

— Наверное. Я плохо видел. А потом она подошла ко мне и велела ехать.

— Она была ранена?

— Нет.

— В крови?

Мальчик задумался, припоминая.

— Нет, не была.

— А ещё кого-нибудь ты видел кроме неё?

— Нет.

Хасслер ненадолго замолчал. Элайн добралась до Нирхалла. У дворца произошёл бой. После боя она одна передала условленную фразу и отдала мальчишке обеих лошадей.

«Рыжая и Сын уходят Дверью в столицу».

Фраза означала, что наследник найден и принято решение воспользоваться Быстрой Дверью.

Но эта фраза вовсе не значила, что все остальное прошло благополучно.

— Дяденька, а вы мне дадите мою марку?

И мальчик протянул ладонь.

Заместитель уставился на него.

— Марку? Ты серьёзно?

Мальчик решительно закивал.

— Марку. Рыжая госпожа сказала, господин Хасслер даст. За то, что я быстро доеду и всё передам.

— За одну фразу?

— И за лошадей, — на всякий случай добавил мальчик.

Хасслер едва заметно шевельнул уголком рта.

— Выдайте ему марку.

Заместитель повернулся к нему:

— Командир, целую марку! Но он даже наследника не видел!

— Именно поэтому нам нужно немедленно выезжать.

Хасслер снова посмотрел на две знакомые лошади.

— Он привёз нам известие о бое у дворца. Сообщил, что Элайн после него была одна. И прибыл раньше человека, которого должны были отправить официально. Это знание стоит гораздо больше марки.

Заместитель помрачнел, но спорить больше не стал.

— Дайте ему деньги, — распорядился Хасслер.

Заместитель попытался оспорить такое расточительство в последний раз.

— Но командир...

— Двадцать пять сольверов.

Тот помолчал, затем нехотя достал кошель и отсчитал серебро. Мальчик принимал монеты обеими руками, не сводя с них глаз. Когда на ладонях выросла маленькая серебряная горка, он пересчитал её дважды.

— Всё, — сказал заместитель. — Теперь уходи.

— Сначала его накормят, — возразил Хасслер. — И напоят лошадей. Потом пусть едет куда хочет.

Мальчик поклонился уже гораздо ниже и позволил солдату увести себя.

Когда полог палатки за ним опустился, заместитель посмотрел на Хасслера.

— Марка за сообщение, которое через день-другой всё равно доставил бы официальный гонец. Они обязаны были отправить гонца.

— Не за сообщение, — ответил Хасслер. — За время.

Он наклонился над картой.

— Элайн не стала бы отправлять второй канал связи без причины. Через Дверь они ушли, но мы не знаем, вышли ли с другой стороны. И не знаем, что происходило в Нирхалле до перехода.

— Если бы случилось что-то серьёзное, мальчик сказал бы.

— Мальчик сказал только то, что видел.

Заместитель нахмурился.

Хасслер провёл пальцем по дороге от Боума к Нирхаллу.

— Соберите двадцать всадников. Возьмём сменных лошадей и провиант на несколько дней.

— Едем в Нирхалл?

— Да. Я хочу увидеть Дверь, поговорить с капитаном дворцовой стражи насчет боя и выяснить, не осталось ли там чего-нибудь, что мальчик не заметил или не счёл важным.

Отряд выступил ещё до полудня.

Официального гонца они встретили на следующий день.

Он ехал им навстречу лёгкой рысью, без сменной лошади и без малейших признаков спешки. Увидев военный отряд, всадник придержал коня и поднял руку.

— Послание командиру Хасслеру из Нирхалла!

— Я Хасслер.

Гонец торопливо спешил, достал из-за пазухи запечатанный свиток и протянул его командиру.

Печать принадлежала капитану дворцовой стражи.

В послании сообщалось, что наследник Торин Тосеролен вместе с доверенной посланницей Совета и научным секретарём Кермундом воспользовался Быстрой Дверью, направляясь в Рауссборг. Переход состоялся. Дворец находится под охраной. Попытка нападения отражена.

Ни слова о каких-либо неполадках.

Хасслер перечитал письмо ещё раз и убрал за пазуху.

— Почему вы не торопились? — спросил он.

Гонец растерялся.

— Мне не сказали, что дело срочное, господин командир. Наследник уже отбыл в столицу. Капитан велел только передать подтверждение.

Хасслер кивнул.

Гонец не был ленив. Он просто вёз известие о благополучном завершении дела и не понимал, что кто-то может ждать его как сигнала тревоги.

— Продолжайте путь в лагерь, — приказал Хасслер. — Там вас накормят.

Когда всадник удалился, заместитель посмотрел ему вслед.

— Выходит, мальчишка сказал правду.

— Выходит.

— И мы зря отдали ему марку.

— Возможно.

Заместитель явно не ожидал согласия.

— Но благодаря ему мы выехали раньше.

— На несколько часов.

— А не вам ли знать, какое значение имеют несколько часов в тех делах, которыми мы занимаемся?

Заместитель помрачнел.

— Знать-то знаю.

— Тогда будем считать, что марка потрачена не совсем зря.

Хасслер тронул поводья. Теперь он знал, что Элайн добралась до наследника и вошла с ним в Дверь.

Оставалось убедиться, что Дверь доставила их куда нужно.

Глава 6

Кабинет Хозяина Железа был велик, холоден и обставлен так, словно хозяин собирался прожить здесь ещё лет сто, но не намеревался получать от этого удовольствие.

Никаких гобеленов, резных сундуков или драгоценной посуды. Длинный стол из почти чёрного дерева, тяжёлые кресла, карта рудников на стене и несколько кусков руды под стеклянными колпаками. Даже письменный прибор был железным — грубым, тяжёлым и, судя по виду, способным пережить падение дворца.

Вебранд Пуссар сидел один по эту сторону стола.

Четверых мужчин, сидевших напротив Вебранда, в узком кругу называли Хозяевами Норлана.

За пределами этого круга такого титула не существовало. Хозяин Железа был всего лишь владельцем рудников и плавильен, Хозяин Хлеба — крупным торговцем зерном, Хозяин Моря — пайщиком промыслов и судов, Хозяин Золота — человеком, чьи люди извлекали из норланских гор золото и серебро. Их власть не простиралась на Кинлан, Сатлан и тем более на всю Империю.

Но здесь, в Норлане, мало что происходило без их ведома — и ещё меньше без их денег.

Хозяин Железа сидел во главе стола. Высокий, лощёный, с аккуратной маленькой бородкой, он не произнёс ни слова с того мгновения, как Вебранд вошёл. Лишь время от времени сцеплял пальцы и с негромким хрустом выворачивал суставы.

Справа от него устроился Хозяин Хлеба. Человек среднего роста, одетый неброско и дорого, он мог бы затеряться среди сотни состоятельных горожан, если бы не широкий шрам, пересекавший лицо от виска до нижней челюсти. Шрам остался от драчливой юности; любовь к дракам прошла, любовь к точности — нет. Перед ним лежали маленькие дорожные счёты.

Рядом перелистывал бумаги Хозяин Моря — слегка полноватый мужчина с обширными залысинами, старательно прикрытыми тёмно-синим бархатным беретом. На моряка он не походил совершенно. Вебранд подозревал, что тот и на корабль-то поднимался лишь в гавани, при ясном небе и по сходням, застеленным ковром. Однако рыбу, соль, сети, бочки и грузовые места он мог пересчитать быстрее любого капитана.

Хозяин Золота сидел ближе всех к Вебранду. Невысокий, жилистый, уже старый, но не дряхлый, он напоминал хищную птицу: крючковатый нос, узкое лицо, постоянно прищуренные глаза. Когда ему хотелось подчеркнуть особенно важную мысль, он щёлкал пальцами.

Но пока его пальцы были спокойны.

Это тревожило Вебранда больше всего.

Хозяин Хлеба провёл пальцами по счётам.

— Вебранд, — произнёс он раздражённо, — ваши результаты?

— Я как раз собирался...

— Вы уже несколько дней собираетесь, — перебил Хозяин Хлеба. — Но ничего толком так и не рассказали.

— Потому что сведения противоречивы. — Вебранд откинулся на спинку кресла, стараясь занять больше места. — У дворца произошло нападение. Люди, выдававшие себя за имперскую охрану, вступили в бой со стражей. На площади были убиты. Дворец заперли. Внутри никого не пускали.

— Кто напал? — спросил Хозяин Моря, заглянув в один из листов.

— Этого я не мог установить на месте.

— Вы видели наследника?

— Нет, но...

— Значит вы ничего не знаете?

Вебранд почувствовал, как воротник начинает давить на шею.

— Когда я прибыл, бой уже закончился.

Хозяин Моря перевернул страницу.

— То есть у вас ничего нет.

— Я говорю вам: весь дворец был окружён стражей. На ступенях стояла рыжая женщина с чудовищным мечом. Она утверждала, что на наследника совершено нападение и что внутри находится весь гарнизон.

— Она утверждала, — повторил Хозяин Хлеба.

— И не позволила мне войти.

Хозяин Железа снова хрустнул пальцами.

— Значит, вы всё провалили.

Сказано это было без раздражения. Буднично. Так мастер мог сообщить, что партия руды оказалась пустой породой. Вебранд повернулся к нему.

— Ничего подобного. Положение осложнилось, но мой план остаётся...

Хозяин Золота щёлкнул пальцами.

— То есть все наши затраты пошли впустую.

— Не пошли они впустую! — Голос Вебранда прозвучал громче, чем ему хотелось. — Мы всё ещё контролируем город. Стража слушает моих людей. В совете большинство...

Хозяин Хлеба толкнул первую костяшку.

Щёлк.

— Ровно четыреста двадцать одна марка.

Следующая костяшка стукнула о раму.

— На всю операцию.

— Деньги потрачены не зря, — сказал Вебранд. — Людей требовалось подготовить, доставить, разместить. Одно только молчание...

— Четыреста двадцать одна марка, — повторил Хозяин Хлеба. — На подготовку, которая закончилась тем, что вы стояли перед дворцом наследника и слушали женщину с мечом.

У Хозяина Моря едва заметно дрогнули губы.

— Это два новых корабля.

Хозяин Хлеба посмотрел на него через стол.

— Два корабля по двести марок — четыреста.

— Именно это я и сказал.

— Значит, мы потеряли два корабля. За год они принесли бы нам столько же, сколько стоили, а прибыль пошла бы со следующего года.

Хозяин Моря опустил взгляд в бумаги.

— В среднем двадцать марок за две недели с каждого...

— С обоих, — немедленно поправил Хозяин Хлеба.

— С обоих, — холодно согласился Хозяин Моря.

Костяшки побежали по проволокам.

Щёлк. Щёлк. Щёлк.

— Двадцать марок за две недели. За полный год — пятьсот сорок марок. Четыреста возвращают стоимость кораблей. Сто сорок составляют чистую прибыль. Со второго года — пятьсот сорок.

— При благоприятном рынке, — заметил Хозяин Моря.

— При неблагоприятном вы бы не стали строить два корабля.

— Я не строю корабли. Я ими владею.

— А я вам показываю стоимость.

Хозяин Золота щёлкнул пальцами. Оба замолчали.

Он повернул прищуренные глаза к Вебранду.

— Итак, вы уже должны нам пятьсот сорок марок.

Вебранд даже приподнялся.

— Я вам ничего не должен!

— Разумеется, — согласился Хозяин Золота. — Вы ведь не брали деньги взаймы.

На мгновение Вебранд решил, что старик готов его поддержать.

— Вы получили наше доверие, — закончил тот. — Оно стоит несравнимо дороже.

— Послушайте меня. — Вебранд положил ладони на стол. — Нападение не было предусмотрено. Никто не мог ожидать, что у наследника появится эта женщина. Она не нирхалльская, не из людей Совета и, судя по всему, вообще никому здесь не подчиняется. Одна она перебила половину нападавших и подняла дворцовую стражу.

— И эту женщину вы тоже не предусмотрели — сказал Хозяин Железа.

— Это не просто женщина.

— Ну разумеется.

Вебранд стиснул зубы.

— Мой план был безупречен.

Хозяин Железа хрустнул большим пальцем.

— Слова есть. Результата нет.

— Результат будет. — Вебранд заставил себя говорить медленнее. — Наследник остаётся в Нирхалле. Дороги контролируются. У меня люди у ворот, в страже, в совете, среди дворцовой прислуги. Он не сможет исчезнуть. Рано или поздно ему придётся говорить со мной.

Хозяин Моря нашёл нужный лист.

— Хасслер прибыл к Боуму неделю назад.

Вебранд осёкся.

— Откуда...

— А теперь он выехал в Нирхалл.

В кабинете стало очень тихо. Хозяин Железа медленно положил ладони на стол.

— Значит, вы так хорошо всё организовали, что вас уже кто-то сдал.

— Никто меня не сдавал.

— Хасслер едет любоваться городскими стенами? — спросил Хозяин Хлеба.

Вебранд повернулся к Хозяину Моря.

— Откуда сведения?

Тот снова сверился с бумагой.

— От моих лучших... сотрудников.

— Насколько надежны их данные?

— Настолько, что я сказал об этом здесь.

— Хасслер может ехать по сотне причин.

— Назовите три, — предложил Хозяин Хлеба.

— Императорский гонец. Движение войск. Обстановка на границе.

— Это одна причина, разделённая на три, — сказал Хозяин Хлеба и передвинул костяшку обратно.

Хозяин Моря закрыл папку.

— Он устроит расследование.

— Да какое расследование! — Вебранд ударил ладонью по столу. Железная чернильница даже не дрогнула. — У меня все люди куплены. Капитан стражи знает, кому обязан должностью. Писцы в ратуше служат мне. Никто ничего ему не скажет. Половина купеческого совета ест с моей руки.

— Не с вашей. С нашей. Но раз вас сдали, — ответил Хозяин Моря, — значит, куплены не все. Или же вы сделали негодные покупки.

Хозяин Железа снова хрустнул пальцами.

— Вы и тут всё испортили.
— Я ничего не испортил! — Вебранд подался вперёд. Обвисшие щёки налились багровым. — И Хасслер едет не расследовать!
Хозяин Золота щёлкнул пальцами.
— Вы полностью уверены?
— Да.
Старик продолжал смотреть на него.
— Да, уверен!
— Полностью?
— Да!
Хозяин Золота медленно обвёл взглядом остальных.
— А мы — нет.
Он помолчал.
— Кто-нибудь уверен, что Хасслер едет не расследовать?
Хозяин Моря первым едва заметно покачал головой.
Хозяин Хлеба придержал пальцем последнюю костяшку и тоже качнул головой.
Хозяин Железа не шевельнулся, но по его лицу ответ читался достаточно ясно.
Хозяин Золота щёлкнул пальцами.
— Значит?
На этот раз Хозяин Железа не стал хрустеть суставами.
— Значит, Вебранду здесь не место.
Вебранд замер.
— Что?
Хозяин Моря раскрыл папку, словно разговор уже закончился.
— Идите, Вебранд.
— Вы не можете обсуждать Нирхалл без меня.
— Это мы сейчас и проверим.
— Я бургомистр этого города!
— В ратуше, — произнёс Хозяин Хлеба. — Здесь вы человек, которому поручили дело. И передвинул костяшку. Раздался сухой щелчок.
Вебранд поднялся так резко, что кресло ударилось о пол. Никто не вздрогнул.
Он посмотрел на каждого по очереди. На бесцветное лицо Хозяина Железа. На изуродованную шрамом щёку Хозяина Хлеба. На бархатный берет Хозяина Моря. На узкие глаза старика, державшего золото и серебро крепче, чем иные короли держали свои земли.
— Вы ещё пожалеете, — сказал Вебранд.
Хозяин Золота прищурился сильнее.
— Возможно. Поэтому мы и хотим решить без вас, что с вами делать.
Несколько мгновений Вебранд стоял, ожидая, что кто-нибудь отведёт взгляд.
Никто не отвёл. Тогда он развернулся и пошёл к двери.
Только взявшись за ручку, он услышал за спиной голос Хозяина Моря:
— Закройте за собой.
Вебранд вышел, не исполнив просьбы.
Дверь осталась распахнутой. За ней виднелась часть коридора: тёмная обшивка стены, край ковра и неподвижная рука слуги, стоявшего снаружи.
Хозяин Золота поднялся сам.
Он не выглянул в коридор и не спросил, далеко ли ушёл бургомистр. Просто прикрыл дверь, подождал, пока защёлкнется замок, и для верности надавил на ручку.
Лишь затем повернулся к остальным.
— Жаль, — сказал он. — Понимающий был человек. Такая потеря для всех нас.

Хозяин Железа медленно сцепил пальцы. Сухо хрустнули суставы.

— Трагедия. Он ведь внезапно заболел, верно?

Хозяин Моря поднял голову от папки.

Несколько мгновений он смотрел то на одного, то на другого, словно не сразу понял услышанное. Потом его лицо изменилось.

— Да, — произнёс он осторожно. — Верно. Только все мои... подходящие сотрудники сейчас в Боуме.

— У меня есть знающие люди, — сказал Хозяин Золота. — Они умеют...

— Увольте нас от подробностей, — перебил Хозяин Хлеба.

Он передвинул одну костяшку на счётах, затем вернул её обратно.

— Подробности увеличивают число людей, которых приходится заставлять молчать. Нам достаточно знать, что Вебранд не расскажет Хасслеру ничего лишнего.

— Не расскажет, — заверил Хозяин Золота.

— Хорошо. — Хозяин Хлеба склонил голову. — Действительно тяжёлая утрата. Но остаётся его дочь.

Хозяин Моря нахмурился.

— Вегга?

— Другой у него, насколько мне известно, нет. Если Вебранд собирался выдать её за наследника, значит, она знает хотя бы часть замысла. Возможно, значительно больше, чем нам хотелось бы.

Хозяин Железа хрустнул пальцами.

— Значит, она тоже будет молчать.

— Тем же способом? — поинтересовался Хозяин Моря.

— Не обязательно. Пусть уедет с глаз долой. В Булаль, например.

Хозяин Хлеба посмотрел на Хозяина Моря.

— Вы же обеспечите ей самый быстрый корабль?

Тот прижал папку к животу и недовольно поджал губы.

— Хороший быстрый корабль - это расходы. Каюта, охрана, срочный выход из гавани...

— Он задумался. — А нельзя ли предположить, что безутешная дочь не перенесла смерти отца?

Хозяин Золота щёлкнул пальцами.

— Нет.

— Почему?

— Потому что Вегга — наследница Пуссаров.

Он вернулся к креслу, но садиться не стал.

— Дом, склады, городская недвижимость, люди в ратуше. Возможно, часть связей отца. Всё это может нам пригодиться.

— Если она согласится сотрудничать, — заметил Хозяин Моря.

— Наследство делает людей сговорчивее. Особенно если им объяснить, что наследство можно потерять.

Хозяин Хлеба провёл пальцем по рамке счётов.

— Разумно. Не стоит выбрасывать то, что позднее можно вложить с прибылью.

— Но пока в Империи ей делать нечего, — продолжил Хозяин Золота. — Она уедет в Булаль оплакивать отца. Там за ней присмотрят. Когда всё успокоится, решим, возвращать ли её.

— А если она откажется? — спросил Хозяин Моря.

Хозяин Железа посмотрел на него.

— Не откажется.

Тот выдержал его взгляд и кивнул.

— Тогда я найду корабль.

Хозяин Хлеба коснулся счётов.

— Стоимость запишите отдельно. К расходам Вебранда.

Хозяин Моря вздохнул и раскрыл папку.

— До Булаля скоро выходит «Северная птица». Не самый большой корабль, зато капитан не задаёт вопросов, если ему платят за отсутствие любопытства.

— Сколько? — немедленно спросил Хозяин Хлеба.

— Я ещё не договаривался.

— Когда договоритесь, тогда скажете кто и когда повезет Веггу.

Хозяин Железа поднялся.

Ему не потребовалось стучать по столу или повышать голос. Остальные сразу замолчали.

Он расправил рукава камзола и поочерёдно хрустнул пальцами на обеих руках.

— Господа, у всех нас достаточно дел. С ближайшими задачами мы определились.

Он посмотрел на Хозяина Золота.

— Вебранд не говорит с Хасслером.

Затем перевёл взгляд на Хозяина Моря.

— Девушка уезжает в Булаль.

На Хозяина Хлеба он даже не посмотрел.

— Я уверен, что вы все подсчитаете.

— До последнего сольвера, — подтвердил тот.

— Долгосрочные вопросы обсудим на следующей встрече. В том числе — кто займёт место Вебранда.

Хозяин Моря закрыл папку.

— Вы уже кого-то имеете в виду?

— Нескольких.

— И кто они?

Хозяин Железа посмотрел на дверь.

— Люди, которые понимают разницу между должностью и властью.

Первым поднялся Хозяин Хлеба, бережно убирая счёты во внутренний карман. За ним — Хозяин Моря. Хозяин Золота ещё раз проверил дверь, прежде чем отпереть её.

В кабинете на несколько мгновений воцарилось спокойствие. То особое спокойствие, которое люди их склада принимали за порядок.

Норлан оставался в надёжных руках. В их руках.

* * *

К воротам Нирхалла Хасслер подъехал под вечер.

Лошади были покрыты засохшей пеной и дорожной пылью. Люди в его отряде держались в седлах прямо лишь потому, что слишком устали, чтобы позволить себе расслабиться. Официальный гонец, которого они встретили по дороге, ехал позади и теперь старательно не смотрел на командующего гарнизоном.

Над воротами лениво колыхалось норланское знамя.

Двое стражников заметили приближающийся отряд, но не торопились открывать. Один вышел вперёд, опираясь на копьё.

— Назовитесь.

Хасслер остановил коня.

Несколько мгновений он разглядывал стражника. Не лицо — сапоги, ремень, положение рук, слишком чистый наконечник копья. Человек стоял на воротах, но явно не ожидал настоящей опасности.

— Фрегг Хасслер.

Стражник моргнул.

— Какой ещё...

Стоявший на стене десятник наклонился, всмотрелся в приехавшего и побледнел.

— Открыть ворота! — заорал он. — Быстро! Быстро, идиоты!

За створками заскрежетала цепь.

Хасслер повернул голову к своему заместителю.

— Пошлите двоих к дворцу. Пусть никого не предупреждают и ничего не спрашивают.

Только смотрят.

— А мы?

— В ратушу.

Официальный гонец кашлянул.

— Командующий, возможно, сначала следует известить бургомистра о вашем прибытии.

Хасслер посмотрел на него.

— Именно этого делать не следует.

Ворота начали расходиться.

Из города пахло дымом, навозом и вечерней стряпнёй. Обычный запах большого города, в котором, если верить гонцу, нападение на наследника уже закончилось, виновные были убиты, а все вопросы — разрешены.

Хасслер не верил гонцу. Он не верил закрытым воротам.

И меньше всего он верил городам, где все уверяли, что всё уже закончилось.

— Мы едем к Вебранду Пуссару, — приказал он. — Как можно быстрее.

Отряд въехал в Нирхалл. Теперь очередь была за Хасслером.

Глава 7

Последний солнечный свет лежал на краю стола узкой золотистой полосой.

До бумаг он уже не дотягивался. В кабинете Хранителя Войны сгушались ранние вечерние сумерки, однако Эймунд Хьяртилл не велел зажигать лампы. Пока буквам хватало света, следовало читать. Масло стоило денег, а глаза ещё служили ему достаточно хорошо.

Перед ним лежали три стопки листов.

В первой были донесения с границы. Во второй — отчёты о гарнизонах. Третья состояла из торговых реестров, таможенных выписок и перечней покупок, которые на первый взгляд не имели к войне ни малейшего отношения.

Именно поэтому Эймунд читал её внимательнее остальных.

По другую сторону стола стоял Главный Дознаватель.

Тёмный плащ скрывал его фигуру почти до пола, капюшон был надвинут так низко, что из-под него виднелась лишь нижняя часть лица. Эймунд знал, как выглядит Рибор. Более того, знал, где тот родился, сколько раз был женат, чем болел в детстве и какую руку сломал, упав с крыши в двенадцать лет. Однако привычку Главного Дознавателя скрывать лицо не осуждал.

Людам его ремесла полезно выглядеть так, словно лица у них нет вовсе.

Эймунд перелистнул страницу.

— Итак, вы подняли пошленные записи по всем крупным сделкам за указанный срок.

— Да, одн Эймунд.

Голос из-под капюшона был ровным и почтительным. Ни слишком низким, ни угодливым. Рибор умел разговаривать так, чтобы собеседник сам решил, насколько важны были сказанные слова.

— Недвижимость исключили?

— Сразу.

— Корабли и драгоценности отложили отдельно?

— Именно так. Остальное оставил вам: некоторые покупки могут оказаться не тем, чем выглядят.

Эймунд поднял на него глаза.

— Вы знаете толк в проверках, Рибор.

Из-под капюшона не донеслось ни звука, но молчание стало чуть более довольным.

Эймунд позволил ему насладиться похвалой несколько мгновений.

— Уверен, вы заслуживаете большего.

Капюшон едва заметно приподнялся.

— Когда у нас появится это самое большее, — закончил Эймунд.

Из темноты донёсся лёгкий вздох.

— Не унывайте. Некоторые люди годами ждут повышения.

— Именно годами, одн Эймунд.

— Вот видите. Значит, у вас есть опыт.

Эймунд вновь опустил взгляд к листам.

— В результате мы имеем... Кайдамский фарфоровый сервиз.

Его палец лёг на первую строку.

— Вычёркиваем.

— Я уже вычеркнул.

Эймунд посмотрел внимательнее. Строку действительно пересекала тонкая аккуратная черта.

— Отлично. Вы прямо опережаете мои мысли.

Рибор промолчал.

— Кровать из тарморского красного дерева с шёлковым пологом, — продолжил Эймунд.
— Заказана для дома фрейа Лисвег. 50 марок.

— Вдова владельца трёх соляных складов. Шестьдесят два года. Страдает от болей в спине и дурного вкуса.

— Последнее не преступление.

— К сожалению.

— Вычёркиваем.

Он провёл пальцем ниже.

— Мраморная статуя для коллекции барона Торгена. 65 марок. Тоже нет. Если барон решил посмотреть на голую каменную женщину, к нашей задаче это не относится.

— Статуя изображает Священного Хранителя Воллуна, одн Эймунд.

Эймунд задержал палец на строке.

— Мда. Там все ещё хуже, чем я думал. Всё равно вычёркиваем.

Следующий лист зашелестел под его рукой.

— Зеркало для спальни виртвальской работы. Покупатель — глава купеческого совета, подарок дочери на свадьбу. 70 марок.

Эймунд поставил короткую черту рядом со строкой.

— Зеркало для комнаты судовладельца Адена Пирта в Оссоре. 100 марок.

Эймунд поставил короткую черту и тут. И двинулся дальше.

— Не то. Не то... Это тоже нет.

Он перевернул страницу, потом вернулся к предыдущей.

Некоторые перечни умели скрывать важное не в отдельных строках, а в их однообразии. Шёлк, резное дерево, стекло. Дорогие вещи переходили из рук в руки каждый день, и большинство покупателей всего лишь хотели жить удобнее, чем их соседи.

А вот большие зеркала...

Не маленькие ручные зеркальца, которыми пользовались женщины. Не тусклые пластинки полированного металла. Настоящие зеркала из дорогого стекла, привезённые через западные города, достаточно большие, чтобы человек мог увидеть себя целиком. Невероятно дорогие.

Эймунд остановил палец.

— Вот.

Рибор чуть подался вперёд.

— Большое зеркало для Феррена Лютрига. 6 футов высотой. Город Сонсборг. 150 марок. 6 футов? Это почти дверь! Дверь...

Эймунд ещё раз прочёл строку.

— Кто такой Феррен Лютриг?

— Пока не знаем, одн Эймунд.

— Он богатый дворянин?

— Не указано.

— Судовладелец или же купец? Владелец рудников?

— Не указано.

— А что тогда что указано? Это же 150 марок, Рибор!

— Имя. Город. Стоимость покупки. Размеры зеркала и имя посредника.

Эймунд откинулся на спинку кресла.

— И вы ещё не начали проверку?

— Это результат первоначального поиска по вашему заданию. Мы выделили сделки, соответствующие условиям, и ждём распоряжений.

— Вы их получили.

Рибор едва заметно наклонил голову.

— Начните с Феррена Лютрига.

— Почему с него?

Эймунд постучал ногтем по строке.

— Потому что человек, способный купить такое зеркало, обычно оставляет за собой больше следов, чем одно имя. У него есть титул, занятие, торговый дом, родня или хотя бы враги. Здесь нет ничего.

— Возможно, сведения не внесли при покупке.

— Вот и узнайте, почему их не внесли.

Он подвинул лист ближе к краю стола.

— Кто оформлял сделку?

— Посредник из торгового дома «Белая чайка».

— Поговорите с ним.

— Официально?

— Сначала вежливо. Если окажется, что он забыл всё на свете, помогите ему вспомнить.

— С удовольствием.

— Не сомневаюсь. Затем сходите к Лютригу в гости.

Из-под капюшона показался край улыбки.

— В качестве кого?

— В качестве человека, который умеет смотреть.

Улыбка исчезла. Эймунд стал загибать пальцы.

— Дом. Размер. Число слуг. Охрана. Запасы. Конюшня. Кто входит и выходит.

Он загнул второй палец.

— Спросите соседей. Не о зеркале — о нём самом. Давно ли живёт в Сонсборге, чем зарабатывает, принимает ли гостей, уезжает ли по ночам, любит ли шумные пиры или предпочитает, чтобы о нём забывали.

Он загнул третий.

— Узнайте все про изготовителя и почему покупка прошла без указания статуса владельца.

— А само зеркало?

Рибор сцепил руки под плащом. Пальцы одной ладони обхватили запястье другой — жест, напоминавший рукопожатие с самим собой.

Эймунд видел его и раньше. Главный Дознаватель делал так, когда уже раскладывал поручение на людей, сроки и способы давления.

— Что именно следует искать? — спросил он.

— Не знаю.

Молчание на этот раз было иным. Эймунд провёл ладонью по перечню.

— Принесите мне всё. Что можно узнать и что узнать нельзя. По Лютригу — в первую очередь. Затем по каждому владельцу большого зеркала из этого списка.

— Даже по дочери главы купеческого совета?

— По всем.

Рибор склонил голову.

— Срок?

— Дорога до Сонсборга - пять дней. День на расследование. Значит первые сведения голубем через 7 дней.

— Через 7 дней. — повторил Рибор и слегка кивнул.

— И ещё одно.

Он остановился уже у двери.

— Не трогайте эти зеркала.

Рибор медленно обернулся.

— Совсем?

— Не разбивайте. Не снимайте со стены. Не пытайтесь заглянуть за раму и не позволяйте вашим людям делать тоже самое.

— Вы полагаете, они опасны?

— Я полагаю, что пока мы этого не знаем.

— Понял.

— Вот теперь идите.

Дверь закрылась почти беззвучно.

Эймунд ещё некоторое время смотрел на то место, где стоял дознаватель, затем собрал листы, выровнял края и отложил перечень зеркал отдельно от прочих бумаг.

За окнами уже темнело. Слуги зажгли огни во внутреннем дворе, и в стекле проступило отражение кабинета: стол, карты на стенах, пустое кресло, сам Эймунд в тусклом золоте уходящего дня.

Он не любил расследований, начинавшихся с вещей.

Человек мог солгать. Свидетель — ошибиться. Шпион — оказаться двойным. В этом была привычная логика: кто-то хотел денег, власти, мести или спасения собственной шкуры.

Вещи ничего не хотели. И оттого было гораздо хуже, когда они начинали складываться в узор.

Фарфоровый сервиз оказался сервизом. Кровать — кроватью. Статуя — дорогой безвкусицей. Зеркало, подаренное невесте, вероятно, тоже останется зеркалом.

Вероятно.

Зеркала пересекали границы Империи. Их покупали люди, которых объединяли деньги, корабли и связи с западом. А теперь среди них обнаружился Феррен Лютриг — человек без звания, без занятия, без прошлого, по крайней мере на бумаге.

Эймунд поднялся и подошёл к окну.

Собственное отражение двинулось навстречу.

За ним темнел кабинет, но в сумеречном стекле углы комнаты расплывались, и казалось, будто за плечом Хранителя Войны стоит кто-то ещё. Не человек — всего лишь вытянутая тень от высокого шкафа.

Эймунд не обернулся. Он знал, что там никого нет. И всё же ощущение не исчезло.

Словно в безлунную ночь он опустил руку в чёрную воду и медленно шарил по дну, не зная, что первым коснётся пальцев: ил, коряга или чьи-то зубы.

Расследование не было пустышкой.

Он пока не мог доказать этого даже самому себе, но слишком долго занимался войной, чтобы не узнавать её запаха до появления первых солдат. Иногда война начиналась с пограничной стычки.

Иногда — с письма. А иногда кто-то просто покупал зеркало.

Эймунд задёрнул штору. Подождём результатов. День закончился.

Глава 8

Вильбранд уложил вещи в небольшую дорожную сумку.

Две смены белья. Чистая рубашка. Бритва в кожаном футляре. Гребень. Носовые платки. Коробочка с иглами, нитками и запасными пуговицами — вещь, без которой разумный человек не должен покидать дом, даже если собирается бежать из него навсегда.

Остальное было несущественно.

Платья ему не требовались. Книг он не держал. Памятными безделушками не обременялся. Всё, что действительно могло пригодиться в дороге, помещалось в сумку, а всё, что могло открыть любую дверь, лежало в увесистом кошель.

Вильбранд взвесил кошель на ладони, расстегнул его и бегло пересчитал верхний ряд монет.

Хватит.

Он затянул шнурок, убрал кошель под камзол и только после этого подошёл к небольшому зеркалу на стене.

Волосы следовало поправить. Поездка могла быть поспешной. Внешний вид — никогда.

Вильбранд тщательно провёл гребнем от пробора к вискам, пригладил выбившуюся прядь и проверил воротник. Затем вытер влажной тканью дорожные сапоги, хотя они ещё не успели запылиться, застегнул камзол на все пуговицы и надел перчатки.

В зеркале стоял безупречный дворецкий, собиравшийся выйти из комнаты по вполне обычному делу.

Вильбранд посмотрел на него несколько мгновений.

Затем взял сумку и решительно вышел.

* * *

Дорога на Боум уходила между холмами серой лентой.

День выдался прохладным. Ветер налетал порывами, забирался под одежду и шевелил полы тёплого плаща. Широкополая шляпа хорошо защищала лицо от мелкого дождя, но её приходилось придерживать всякий раз, когда дорога выходила из-под прикрытия леса. Вильбранд ехал быстро.

Он не гнал лошадь до изнеможения, но и не позволял ей долго идти шагом. На подъёмах спешивался, на спусках придерживал повод, на ровных участках снова пускал рысью. Отдыхал ровно столько, сколько требовалось животному, ел, не слезая с седла и ни разу не задержался в придорожном трактире дольше необходимого. Позади оставались верстовые камни, деревни, мосты и постоялые дворы.

Вильбранд не оглядывался.

* * *

Боум встретил его рыбным запахом. Тот лежал над городом тяжёлым слоем, забивался между домами, тянулся от складов и причалов, смешивался с дымом, солью, мокрыми канатами и гнилой чешуёй под ногами. Но Вильбранду было все равно.

За годы дворцовой службы ему доводилось иметь дело с куда более неприятными вещами, чем несвежая селёдка. Некоторые из них при этом носили дорогие камзолы и требовали обращаться к себе «ваша милость».

Первого лошадирика он нашёл недалеко от городских ворот.

Невысокий мужчина с красным носом и войлочной шапкой долго осматривал кобылу: заглянул ей в рот, провёл ладонью по ногам, сжал сухожилия и даже зачем-то понюхал седло.

— Лошадь усталая, — объявил он наконец.

— Она проделала долгий путь.

— И задняя левая подбита.

— Нет.

Лошадник ещё раз ощупал ногу, надеясь, вероятно, что за несколько мгновений она успела подбиться.

— Всё равно много не дам.

Он назвал цену.

Она была настолько низкой, что даже человек, никогда не торговавший лошадьми, счёл бы её оскорбительной.

— Седло и сбруя остаются вам, — сказал Вильбранд.

Лошадник насторожился.

— За ту же цену?

— За ту же.

— Договорились.

Он вытащил кошель быстрее, чем Вильбранд успел передумать.

Вильбранд взял деньги, не пересчитывая. Передал повод, снял сумку с седла и направился к гавани.

Лошадник некоторое время смотрел ему вслед. Потом поспешно увёл кобылу во двор, словно опасался, что странный господин всё же вспомнит о существовании торга.

* * *

Вильбранд шёл между рядами складов, внимательно оглядываясь.

Он не вертел головой и не задерживал взгляд надолго. Отмечал перекрёстки, людей у ворот, городскую стражу, вывески трактиров и суда у причалов. Один раз остановился возле торговца канатами, будто рассматривая товар, и посмотрел назад. За ним никто не шёл.

По крайней мере, достаточно умело.

* * *

В поисках нужно человека на пирсе, он подошел к Гидеону Триллу, который стоял возле нефа с тёмным бортом и свежей смолой на швах.

Капитан рядом со сходнями спорил с грузчиком о бочке. По мнению Гидеона, бочка должна была находиться на корабле. По мнению грузчика — сначала следовало заплатить за её доставку. Разговор уже приблизился к той стадии, когда каждая сторона начинала повторять собственные доводы громче, не делая их от этого убедительнее.

Вильбранд остановился рядом.

Гидеон заметил его, оборвал спор на середине слова и окинул быстрым взглядом: хороший плащ, чистые перчатки, небольшая сумка, обувь человека, недавно проделавшего долгий путь.

— Что угодно почтенному одну?

— Мне нужно лучшее место на самом быстром корабле до Булаля. Вы можете указать такой корабль?

Гидеон расплылся в улыбке.

— Вам нужно быстро добраться до Булаля, так?

— Так.

— Значит, вы должны плыть на моём нефе «Хелльсвир». Так?

— Возможно.

Улыбка Гидеона стала чуть менее широкой.

— Самый быстрый неф в гавани. Надёжный капитан. Отличная команда. Ни одного серьёзного происшествия за последние три плавания.

— Что произошло в четвёртом?

Гидеон на мгновение замолчал.

— Давняя история.

Вильбранд ждал.

— Совершенно не относящаяся к делу, — добавил Гидеон. — Вам ведь нужен Булаль, так? Так.

— Цена.

Гидеон ещё раз посмотрел на плащ, перчатки и сумку.

— Десять марок.

Лицо Вильбранда не изменилось. Он просто повернулся и пошёл прочь.

— Пять! — крикнул Гидеон ему в спину.

Вильбранд продолжал идти.

— Пять марок за лучшую каюту!

Ни один его шаг не стал медленнее.

Гидеон бросился следом.

— Три! — Он поравнялся с Вильбрандом и вынужден был перейти на быстрый шаг. — Три марки. Лучшая каюта на корабле. С ковром!

Вильбранд шёл дальше.

— И мягкой постелью! — добавил Гидеон.

Вильбранд остановился.

Гидеон едва не проскочил мимо, но вовремя развернулся.

— Еда за ваш счёт, — сказал Вильбранд.

— Конечно. То есть... разумная еда. Без излишеств.

— Горячая еда дважды в день. Чистая вода. Вино за обедом. Мясо, если оно есть у команды.

Гидеон поморщился.

— Морское путешествие, одн. На море едят то, что имеется.

— Тогда у вас будет иметься мясо.

Несколько мгновений они смотрели друг на друга.

— Будет, — сдался Гидеон. — Когда вам нужно отплыть?

— Это я хотел спросить у вас.

— Завтра утром. Сразу после утреннего колокола.

Вильбранд промолчал.

Гидеон терпеливо ждал сначала несколько мгновений, затем менее терпеливо ещё несколько.

— Завтра утром, — повторил он. — Быстрее до Булалы никто не уходит.

— Расчёт: одна марка после отплытия. Две — после швартовки в Булале.

Лицо Гидеона вытянулось.

— Так не делается.

Вильбранд снова повернулся.

— Пойдите.

Он остановился, но не обернулся.

— Одна после отплытия, — быстро произнёс Гидеон. — Остальные две — после швартовки. Но до того, как вы сойдёте на берег.

Вильбранд повернул голову.

— Разумеется.

Гидеон несколько секунд изучал его лицо, пытаясь понять, одержал ли он хоть какую-нибудь победу.

— Договорились, одн. Завтра после утреннего колокола жду вас здесь. Не опаздывайте.

Вильбранд посмотрел на него долгим невозмутимым взглядом.

Затем едва заметно скривил губы.

— Это вы не опаздывайте.

Он поправил перчатку.

— До завтра.

Гидеон остался на пирсе, провожая его взглядом. На этот раз он, кажется, уже понимал, что нашёл не клиента. А клиент нашёл его.

* * *

Булаль был очень похож на Боум. Тот же солёный ветер, пропитанный рыбой, смолой и мокрой древесиной. Тот же лес мачт над крышами, тот же бесконечный стук бочек о мостовую, скрип воротов и окрики грузчиков. На причалах лежали спутанные канаты, под ногами блестела раздавленная чешуя, между складами сновали тележки, нагруженные тюками, корзинами и пузатыми бочонками.

Даже дома казались знакомыми. Высокие, узкие, тесно прижатые друг к другу, с каменным первым этажом и тяжёлыми подъёмными балками под самой крышей. Богатство здесь выражалось так же, как в Боуме: шириной окон, резьбой над дверью, медными водостоками и числом складов во дворе.

И всё же это был другой город.

Люди двигались медленнее, чем в Боуме. Не ленивее — просто без той лихорадочной поспешности, с которой боумские торговцы, приказчики и грузчики будто ежеминутно спасали от гибели весь свой товар. В Булале человек сперва смотрел, потом решал и лишь затем делал шаг. На лицах чаще встречались высокие скулы, носы с заметной горбинкой и чуть иной разрез глаз. Мужчины носили широкие пояса, за которыми почти у каждого виднелась рукоять загнутого кинжала. Даже у портowych писцов и лавочников оружие выглядело не украшением, а частью одежды.

Вильбранд замечал всё это, не задерживая взгляда.

«Хелльсвир» вошёл в гавань ещё до полудня. Гидеон Трилл получил оставшиеся две марки, пересчитал их дважды и предложил почтенному одну обращаться к нему снова, если понадобится быстро, надёжно и недорого добраться куда угодно. Вильбранд выслушал его до конца.

— Благодарю.

По лицу Гидеона было видно, что он ожидал более сердечного признания своих заслуг. Вильбранд не стал его разочаровывать объяснениями. Он сошёл на берег с той же небольшой сумкой, с которой покинул Нирхалл, и вскоре растворился среди портовой толпы.

До нужного дома он добрался пешком.

Дом стоял в стороне от самых шумных улиц, но достаточно близко к гавани, чтобы из верхних окон можно было видеть мачты. Три этажа, светлый камень, тёмная черепица. Богатый, ухоженный, ничем не примечательный. У дверей не было ни герба, ни вывески, ни фонаря с названием торгового дома. Только гладкая медная колотушка, отполированная множеством рук.

Вильбранд оглядел улицу.

На противоположной стороне старуха вытряхивала половик из окна. Мальчик катил деревянный обруч. Двое носильщиков ругались из-за тележки. Никто не смотрел на него дольше положенного.

Он взялся за колотушку.

Два удара. Пауза. Три удара. Пауза. Один.

Колотушка опустилась на медную пластину в последний раз, и улица снова наполнилась обычными звуками.

Дверь открылась не сразу.

Сперва за ней что-то едва слышно скользнуло. Потом створка отступила ровно настолько, чтобы внутрь мог протиснуться один человек — без багажа, спутников и лишних вопросов.

Вильбранд вошёл боком. И дверь сразу закрылась у него за спиной.

В тёмной прихожей стоял человек. Лица его было не различить: то ли из-за полумрака, то ли потому, что он умел держаться так, чтобы взгляд не находил ничего примечательного. Темная одежда и бесцветный голос.

— Подождите. Я доложу.

Он шагнул в глубину дома и исчез.

Не удалился по коридору, не открыл другую дверь — просто перестал быть заметным, словно с самого начала был одной из теней на стене. Вильбранд остался ждать.

В прихожей не было ни скамьи, ни картин, ни зеркала. Гостю предлагалось стоять, смотреть на голую стену и думать только о том, зачем он пришёл. Ждать пришлось недолго.

Человек возник снова так же неслышно.

— Вас примут. Поднимайтесь. Лестница здесь.

Он показал на узкий проход, который Вильбранд уже заметил, но не приблизился к нему без разрешения.

Приветствиями они не обменялись. В этом доме не говорили ничего сверх необходимого.

Лестница была крутой, с высокими ступенями. Наверху тянулся короткий коридор. В конце его стояла приоткрытая дверь.

— Сюда.

Вильбранд вошёл.

Комната оказалась небольшой и немного душной. После сырого морского ветра воздух показался тяжёлым. Пахло дорогими духами — не сладкими и не цветочными, а пряными, с горечью древесной коры и чего-то смолистого.

Мебели было мало: стол, два кресла, закрытый шкаф. Единственная свеча горела в настенном подсвечнике так неудачно, словно её поставили туда нарочно. Она хорошо освещала пустое кресло перед столом, край ковра и руки вошедшего, но почти не касалась человека, сидевшего напротив.

Тёмная одежда сливалась с тенью.

Нельзя было различить ни черт лица, ни цвета глаз. Только общий силуэт и глубокий, хорошо поставленный мягкий голос. Голос человека, который мог произнести угрозу так, что она прозвучала бы любезным советом.

— Вы вернулись раньше, чем мы вас ждали, Сэлсум.

Имя, которым его не называли много лет, прозвучало совершенно обыденно.

Вильбранд не вздрогнул.

Потому что Вильбранда в этой комнате уже не было.

— События значительно ускорились, ринн Гилкрис, — ответил Сэлсум.

В полумраке стало видно, как сидящий за столом скрестил руки на груди.

— Продолжайте.

Сэлсум положил сумку возле пустого кресла, но садиться не стал.

Докладывать стоя было удобнее.

— Женщина, называвшая себя Элайн Вейр, прибыла во дворец наследника во второй половине дня. Одна. Она предъявила медальон Совета Хранителей и сообщила, что должна доставить наследника в Рауссборг.

— Медальон был подлинным?

— Да. Наследник это ей подтвердил.

В тени едва заметно качнулась голова.

— Дальше.

— Женщина потребовала немедленно готовиться к отъезду. Наследник предложил воспользоваться Быстрой Дверью во дворце. Пока шли приготовления, к дворцу прибыл человек под видом имперского гонца, сопровождаемый вооружённым отрядом.

— Наш человек.

— Предположительно.

— Почему предположительно?

— Я его не знаю.

Несколько мгновений стояла тишина.

— Правильно, — сказал ринн Гилкрест. — Продолжайте.

— Женщина распознала обман раньше дворцовой стражи. Подошла к магу под видом приветствия. После этого начался бой.

— Каким образом она распознала его?

— Не знаю.

— Она применила магию?

— Я не видел.

— Вы видели смерть мага?

— Нет. Я находился рядом с наследником.

— Но маг погиб.

— Так мне сообщили выжившие стражники. Иллюзия исчезла сразу после его смерти.

Женщина забрала его поясную сумку и амулет.

Руки на груди немного сжались.

— Какой амулет?

— Чёрный с красным. Форму я не рассмотрел.

— Его лири?

— Вероятно, находился в сумке. Она содержимое при мне не показывала.

— Дальше.

Ни сожаления, ни раздражения в голосе не прозвучало. Утрата мага была фактом, который следовало внести в расчёт, а не поводом для скорби.

Сэлсум продолжил тем же ровным голосом.

Он рассказал о Вебранде Пуссаре, явившемся к дворцу с дочерью и легистами. О том, как Элайн Вейр не позволила бургомистру войти, хотя тот привык считать дворец почти собственной приёмной. О дворцовой страже, внезапно обнаружившей в себе преданность наследнику. О сборах в нижних помещениях и о Кермунде, настраивавшем Дверь.

Не упомянул только того, чего не видел. Не предположил того, чего не мог подтвердить. Не добавил ни одного слова ради красоты рассказа.

— В круг вошли трое, — закончил он. — Наследник, Кермунд и женщина. Дверь была запущена. Они исчезли.

Ринн Гилкрест снял руки с груди и положил обе ладони на стол.

— Значит, наследник попал в Рауссборг.

Сэлсум выдержал короткую паузу.

— Судя по всему, да. Дверь сработала.

— Без повреждений?

Перед глазами на мгновение возник подвал: синие линии, ставшие ослепительно белыми; дрогнувший воздух; вспышка, от которой пришлось закрыть лицо рукой.

— Свет был значительно ярче, чем при обычном переходе — сказал Сэлсум. — Но после его исчезновения помещение осталось цело. Принимающий круг я, разумеется, не видел.

В тени снова шевельнулась голова.

— Следовательно, подтверждено исчезновение. Прибытие нужно еще подтвердить.

— Верно, ринн Гилкрест.

— Но это задача других людей.

Ринн Гилкрест несколько раз постучал пальцами по столу.

— Вы отправитесь в Феортан. Как можно скорее.

— Сегодня?

— Первым подходящим кораблём через Виртваль или по суше, если так выйдет быстрее. Вы прекрасно справились с наблюдением. Уверен, там вас наградят.

Сэлсум чуть приподнял подбородок.

— Я мог не только наблюдать, ринн.

— Мы знаем.

В голосе человека за столом не появилось ни насмешки, ни утешения.

— Вашей задачей было наблюдать. Не предупреждать нашего мага. Не спасать его. Не мешать женщине. Не помогать наследнику. Не выдавать себя ни словом, ни движением, пока исход событий оставался неизвестен.

— Я мог изменить исход.

— Именно поэтому вам было приказано этого не делать.

Сэлсум промолчал.

— Человек, живущий под чужим именем, всегда находит момент, когда ему кажется, будто он понимает положение лучше тех, кто дал ему приказ, — продолжил ринн Гилкрест. — Иногда он даже прав. И тогда особенно опасен.

Пальцы Сэлсума на мгновение сжались, но голос остался ровным:

— Приказ был выполнен.

— В точности.

Теперь в бархатном голосе прозвучало одобрение.

— А точность в нашей работе ценится дороже золота. Золото можно добыть снова. Испорченное дело — не всегда.

Фигура за столом поднялась. Даже стоя, ринн Гилкрест оставался лишь тёмным силуэтом на фоне ещё более тёмной стены.

— Ну что же, Сэлсум. Вильбранда больше нет.

Фраза прозвучала не как соболезнование и не как приказ. Как запись, сделанная в нужной книге. Сэлсум наклонил голову.

Во дворце Нирхалла остались комната, несколько предметов одежды и люди, которые ещё некоторое время будут вспоминать безупречного дворецкого наследника. Возможно, кто-нибудь решит, что он отправился вслед за хозяином. Кто-нибудь другой — что испугался беспорядков и бежал.

Их догадки не имели значения.

— Езжайте, — сказал ринн Гилкрест. — Да хранит вас Высший Вершитель.

— И вас, ринн Гилкрест. Прощайте.

Сэлсум взял сумку.

— До свидания, Сэлсум.

Он вышел, не оглядываясь.

Глава 9

Новые зеркала установили на Верхней башне три дня назад. Тиррсис успел дважды при-
слать Урвегу подробный доклад, один раз — сокращённый и ещё один — полный, с просьбой
лично осмотреть устройство и принять все изменения до ближайших дождей. Последний довод
был разумным. Дождь и низкие облака могли на несколько дней превратить лучшие связные
зеркала Феора в дорогие украшения на вершине очень высокой башни.

Поэтому Урвег пришёл сам. У подножия башни его уже ждали двое.

Тиррсис держал под мышкой свёрнутые чертежи. Он ведал дальней связью Феортана и
сейчас выглядел как человек, готовый защищать каждую новую лампу от врагов, казначеев и
невежественных начальников — именно в таком порядке.

Рядом стоял Рунус с тонкой кожаной папкой в руке. Через него проходили донесения
всех феорских агентов. В отличие от Тиррсиса, он не пытался скрыть недовольство тем, что
важный разговор предстоит вести на лестнице.

— Итак, зеркала готовы к осмотру? — спросил Урвег.

— Готовы, ринн. Восточное и северное направления выверены. Новые лампы дают почти
вдвое более сильный свет, заслонки работают быстрее, а цветные стёкла теперь можно менять,
не гася огня.

— Почти вдвое?

Тиррсис слегка поморщился.

— В ясную погоду — вдвое. При влажном воздухе в полтора раза меньше.

— Хорошо.

Урвег повернулся к Рунусу.

— А у вас, как я понимаю, что-то очень срочное?

— Вернулся. Сэлсум.

— Живой?

— Да.

— Хм, так быстро... Его раскрыли?

— Нет.

— Тогда расскажете по дороге.

Он вошёл в башню.

На первом ярусе было прохладно и пахло камнем, маслом и пылью. Дежурные писцы
сидели за длинными столами, переписывая принятые сигналы в книги. На стенах висели доски
с часами отправки и получения сообщений. Возле каждой строки стояли короткие отметки:
принято чисто, повторено, задержано туманом, искажён цвет, отсутствует ответ.

Люди вставали при появлении Урвега. Он отвечал кивком, не замедляя шага.

— Сколько времени теперь занимает подготовка и отправка сообщения с принятием под-
тверждения до Булала? — спросил он у Тиррсиса.

— При хорошей видимости — меньше четверти часа.

— А при плохой?

— При плохой видимости это задача не имеет решения. Сообщения просто не доходят.

Урвег посмотрел на него.

— Рад, что новые зеркала не лишили вас честности.

— А ещё я просил средства на расчистку леса возле третьей промежуточной башни.

— Вы просили столько, будто собирались расчистить все леса Феора.

— Видите ли, лес растёт сам по себе. А вот убирать его приходится за деньги.

Они начали подниматься по винтовой лестнице.

Ступени были узкими, истёртыми посередине. К третьему пролёту воздух стал немного холоднее и пах мокрым камнем. Тиррсис шёл первым и продолжал рассказывать о новых зеркалах, не сбивая дыхания. Рунус следовал за Урвегом. Кожаная папка время от времени задевала каменную стену.

— Как я понимаю, Сэлсум прибыл из Булаля? — спросил Урвег.

— Да, вчера вечером. И сразу же все должен мне лично.

— Коротко.

Рунус раскрыл папку на ходу.

— Как я говорил, его не раскрыли. Так вот, женщина под именем Элайн Вейр, прибыла в Нирхалл с высшими полномочиями Совета. Наследник практически сразу стал выполнять её указания.

— Дальше.

— Наш маг попытался войти во дворец под видом имперского гонца. Но эта женщина сумела его распознать и убить. Амулет и поясная сумка у неё.

Урвег остановился на площадке между этажами.

Тиррсис, успевший подняться ещё на три ступени, обернулся.

— Как она его распознала?

— Сэлсум не знает. Он находился рядом с наследником и самого столкновения не видел.

— Кто подтвердил смерть мага?

— Дворцовые стражники. После его гибели морок исчез.

— Женщина тоже маг?

— Асвер утверждает, что нет. Она ничем не проявляла своих предполагаемых магических способностей, даже случайно.

— Но иллюзию распознала.

— Да.

Урвег продолжил подъём.

— Что с наследником?

— Он, женщина и Кермунд воспользовались Быстрой Дверью во дворце.

— У них нашлось столько лирна?

— По словам Сэлсума, она принесла две сумки лирна.

— Так. - Урвег помрачнел - Сэлсум видел вход?

— Да.

— Как я понимаю, про выход он ничего не знает.

— Нет.

Рунус на мгновение замолчал.

— По его словам Дверь сработала.

— Это не ответ.

— Он четко подтверждает их исчезновение из Нирхалла.

Рунус закрыл папку.

Урвег хмыкнул.

— Вот теперь я слышу точное определение. Как выглядел переход?

— Свет стал белым. Ярче обычного. Сэлсум предположил, что это могло быть связано с количеством лирна или особенностями настройки.

— Он предположил?

— Да.

— Тогда предположение так останется предположением.

Они поднялись на следующий ярус.

Здесь башня переставала быть просто каменной трубой. Вдоль стен тянулись медные тяги, цепи и зубчатые колёса. Через узкие окна проходили толстые стержни, соединённые

с поворотными рамами снаружи. Двое служащих вращали большой ворот. Где-то за стеной тяжело, почти неслышно двигалось зеркало.

По полу шли цветные линии, нанесённые краской: синяя к северному устройству, жёлтая к восточному, красная к лампам. На крюках висели плотные кожаные фартуки и очки с затемнёнными стёклами.

Тиррсис оживился.

— Старые рамы приходилось поворачивать четырём людям. Новые двигают двое. При необходимости справится один, хотя медленнее.

— Почему тогда сейчас работают двое?

— Я хочу показать вам устройство исправным, а не доказать, что его можно сломать одним упрямым дежурным.

Он подвёл Урвега к узкому окну.

За ним, на наружной площадке, на вращающемся постаменте стояло огромное круглое зеркало в бронзовой оправе. Оно медленно поворачивалось, ловя тусклый свет вечернего неба. Поверхность на мгновение отразила облака, потом крыши Феортана, затем ослепительно вспыхнула.

Урвег отвернулся раньше, чем свет ударил в глаза.

— Именно поэтому — сказал Тиррсис, — я просил не подходить без предупреждения.

— Вы слишком поздно это сделали.

— Зато теперь предупреждение лучше запомнится.

Рунус не отрывал взгляда от окна.

— Это зеркало достаёт до Булаля?

— Нет. До первой промежуточной башни. Та передаёт следующей.

— Значит, одно сообщение видят десятки людей.

Тиррсис посмотрел на него с холодным терпением человека, которому снова приходится объяснять очевидное.

— Они видят свет. Не содержание. Код не знает никто кроме узкого круга лиц. И он меняется.

— И всё же...

Урвег поднял руку.

— Тиррсис отвечает за то, чтобы сообщение дошло. Вы, Рунус, — за то, чтобы дошедшее сообщение было использовано правильно. Не пытайтесь делать работу друг за друга прямо сейчас.

Оба замолчали.

Они снова двинулись вверх.

— Что ещё сообщил Сэлсум? — спросил Урвег.

— Женщина рыжая. Высокая. Носит за спиной длинный свёрток, в котором скрывает огромный двуручный меч. Держится уверенно, приказы отдаёт так, будто привыкла, что их исполняют. Наследник ей доверился.

— Двуручный меч. Вот как. Откуда в Хорманне рыжая - он сказал это с явным нажимом - женщина, да еще с двуручным мечом? И с высшими полномочиями Совета Хранителей?

— Я тоже спросил Сэлсума об этом. Он не знает.

— А себя вы спрашивали?

— Спрашивал, ринн. И я тоже не знаю. А предположения, как вы сами сказали, пусть останутся предположениями.

— Верно. А что Кермунд?

— Был с ними. Нёс книги и записи.

— Они взяли вещи?

— Да. Сумки, оружие, книги.

— Сэлсум вернулся вовремя — сказал Урвег. — Данные ценнейшие, но вопросов стало еще больше.

Рунус едва заметно поджал губы.

— Свою задачу он исполнил безупречно.

— Это безусловно. Но также безусловно ответы на эти вопросы нам придется отыскать.

Над ними хлопнула дверь. В лестничную клетку ворвался ветер.

Верхний ярус был наполовину открыт. Каменные арки поддерживали тяжёлую крышу, но между ними не было стен. Феортан лежал далеко внизу: серые и красные крыши, башни храмов, длинные полосы улиц, сады за городской стеной. Ещё дальше темнели холмы. На одном из них, едва различимая без подзорной трубы, стояла первая сигнальная башня восточной линии.

Здесь находились новые лампы. Три больших медных корпуса стояли на поворотных основаниях. Перед каждой лампой помещалась линза толщиной в ладонь, а за ней — рама с цветными стёклами и подвижными заслонками. Трубки для масла уходили в закрытые сосуды. Рядом дежурили двое магов и трое служащих в кожаных фартуках.

При появлении Урвега они вытянулись.

— Продолжайте работу, — велел он.

Тиррсис указал на центральную лампу.

— Эта — для дальних ночных сигналов. Новая смесь горит ярче и почти не коптит. Если ветер не слишком силён, свет можно различить на первой башне даже при лёгком тумане.

— Если ветер силён?

— Пламя защищено.

— Я спросил о сигнале.

— Зеркало, увы, дрожит.

Урвег подошёл к наружной раме и положил ладонь на бронзовый край. Под пальцами ощущалась слабая вибрация.

— Насколько сильно это искажает передачу?

— При коротких сигналах почти никак. Длинные приходится повторять.

— Покажите.

Тиррсис дал знак служащим.

Лампу зажгли. Сперва внутри корпуса родилось тусклое жёлтое пламя, затем оно втянулось в линзу и превратилось в плотный белый луч. Один из магов опустил синее стекло. Другой взялся за рычаг заслонки.

— Испытательный сигнал восточной линии, — объявил Тиррсис. — Три коротких, один длинный, два коротких. Запрос подтверждения.

Заслонка щёлкнула.

Свет ударил в вечерний воздух — исчез, появился снова, вытянулся длинной вспышкой. Огромное зеркало принимало луч и направляло его на далёкий холм.

Все смотрели туда. Несколько мгновений ничего не происходило. Затем на горизонте дрогнула крошечная белая точка.

Раз. Два. Три.

— Приняли, — сказал Тиррсис.

В его голосе не было торжества, но плечи расправились.

Урвег посмотрел на Рунуса.

— Вот видите. Свет дошёл. Теперь осталось понять, что именно следует им передать.

На лестнице послышались торопливые шаги.

Кто-то поднимался слишком быстро. Один из служащих нахмурился.

— Я же велел никого не пускать наверх.

В проёме появился юноша. Судя по всему - смотритель голубятни. На рукаве у него белели перья, на щеке темнела полоса грязи. Обеими руками он держал серого голубя. Птица тяжело дышала, распутив одно крыло, и раздражённо пыталась клюнуть его в большой палец.

Голубятник остановился, увидел Урвега и побледнел.

— Простите, ринн. Мне сказали, что наверх нельзя, но...

— Вы всё-таки поднялись, — заметил Урвег, подняв бровь.

— Срочное сообщение.

Тиррсис посмотрел на голубя так, словно тот лично оскорбил все новые зеркала.

— Откуда?

— Из Аулбега.

Рунус резко повернул голову.

— Повторите.

— Аулбег, ринн. Птица старосты Кевара.

Рунус протянул руку.

— Давайте.

Голубятник осторожно повернул птицу. К лапке была привязана узкая костяная трубочка, закрытая красным воском. Рунус снял её, проверил знак на печати и передал Урвегу. Голубь воспользовался свободой, чтобы всё-таки клюнуть служащего. Тот едва не выругался, но вовремя сжал губы.

Урвег сломал красную печать, обозначавшую высшую срочность.

Внутри находился маленький, туго свёрнутый клочок бумаги. Строки были короткими, буквы — крупными и неровными. Он прочёл записку один раз.

Потом второй.

— Что там? — спросил Рунус.

Урвег протянул ему бумагу.

Рунус прочёл вслух:

— «Трое пришли со стороны Чащи Серых Свиной. Рыжая женщина с длинным тяжёлым свёртком. Молодой господин. Книжник с книгами. Платили золотыми монетами Хорманна. Ушли пешком дорогой на Виртваль».

Над башней шумел ветер. Белый луч новой лампы по-прежнему бил в восточное зеркало. На горизонте ждала сигнальная башня, способная за несколько минут передать приказ через полстраны.

Никто на неё больше не смотрел.

Первым заговорил Тиррсис:

— В Аулбеге часто бывают хорманнцы?

— Почти никогда, — ответил Рунус. — Деревня стоит у Чащи, в стороне от больших торговых дорог. Чужаков там практически не бывает.

— Рыжие женщины у нас не такая уж и редкость, как в Империи.

— Не редкость, — согласился Урвег.

Он забрал записку и положил её на медный корпус сигнальной лампы.

— Как и молодые мужчины. Как и книги. Как и хорманнское золото. По отдельности всё это ничего не значит.

Палец лёг на первую строку.

— Но Сэлсум видел, как в Быструю Дверь вошла рыжая женщина с длинным свёртком.

Передвинулся на вторую.

— Вместе с молодым наследником.

И на третью.

— И Кермундом, который спасал прежде всего книги.

Тиррсис подошёл ближе.

— Вы думаете, Дверь выбросила их возле Аулбега?

— Возможно.

— Быстрые Двери не выбрасывают людей посреди леса.

— Да, обычно не выбрасывают. Также обычно и женщины не ходят с двуручными мечами.

— Для выхода нужен принимающий круг.

— Обычно нужен.

Тиррсис нахмурился. Как всякий человек, посвятивший жизнь точным устройствам, он плохо переносил слово «обычно» применительно к законам их работы.

— У нас нет данных о таком сбое.

— Возможно, теперь они у вас будут.

— Или это другие трое — сказал Рунус.

Урвег посмотрел на него.

— Вы сами верите в это?

— Нет. Но я должен был это предположить.

— Предположения останутся предположениями. А мы должны принимать решение.

Он повернулся к одному из свободных столиков, где лежали схемы зеркал. Сдвинул чертежи в сторону и положил рядом два документа: чистовой пересказ доклада Сэлсум и клочок бумаги Кевара.

Один был написан ровным почерком, проверен, переписан, снабжён пометами и печатями.

Второй пах голубятней.

— Что именно увидел Сэлсум? — спросил Урвег.

Рунус ответил сразу:

— Трое исчезли в круге Быстрой Двери в Нирхалле.

— Что увидел Кевар?

— Трое пришли со стороны Чащи Серых Свиней. Ни имен, ни кличек, ничего точного.

— Только рыжая женщина, молодой мужчина и юноша с книгами.

— Да.

— Значит, пока у нас нет подтверждения, что это они. Но...

Рунус чуть склонил голову и закончил фразу за Урвега.

— Но мы обязаны считать, что это они.

— Именно так.

Тиррсис посмотрел на записку.

— Из-за длинного свёртка женщины?

— Из-за совокупности.

Урвег загнул палец.

— Рыжая женщина.

Второй.

— Длинный тяжёлый свёрток, совпадающий с описанием оружия.

Третий.

— Молодой господин и книжник.

Четвёртый.

— Хорманнское золото.

Пятый.

— Появление со стороны Чащи вскоре после исчезновения троих из Нирхалла.

Он раскрыл ладонь.

— Для случайного совпадения признаков слишком много.

— Но рыжие волосы - не очень хорошая примета для поиска — сказал Рунус. — В Виртвале и окрестностях рыжие встречаются не так уж и редко. У нас их не считают отмеченными несчастьем, как у косных имперцев.

— А мы не будем искать одну лишь рыжую женщину, — ответил Урвег. — Мы будем искать троих.

Он начал перечислять, уже не как рассуждение, а как приказ:

— Рыжая женщина с длинным свёртком за спиной. Двое мужчин. Один молод, держится как человек высокого положения. Другой несёт книги или особенно ими дорожит. Они идут пешком. Платят хорманнскими монетами. Пришли с дороги из Аулбега.

— Женщина может спрятать волосы, — заметил Тиррсис.

— Может. Может перекрасить. Или состричь. Но если кто-то найдет женщину пусть даже не рыжую, а темную, светлую, да хоть лысую - но с двуручным мечом - сообщать немедленно.

Рунус ещё раз посмотрел на записку.

— Но она пока не спрятала волосы.

— Верно.

Ни Урвег, ни Рунус не знали, почему женщина, скрывавшая имя и происхождение, не изменила самую заметную черту своей внешности. Возможно, не подумала. Возможно, не успела. Возможно, просто не захотела. Причина не имела значения. Упрямство тоже оставляло следы.

— От Аулбега они идут на Виртваль — сказал Рунус. — Другой дороги там нет.

— Дороги нет, — согласился Урвег. — Но люди иногда сходят с дороги.

Тиррсис развернул лежавшую на соседнем столе карту западных земель.

— К югу топи. Дальше без проводника они далеко не уйдут. Севернее лес, ручьи и старые просеки. Обход возможен, но очень медленный и крайне ненадежный.

Урвег наклонился над картой.

Аулбег был обозначен маленькой точкой. Виртваль — тёмным пятном на берегу Моря Спокойствия. Между ними тянулась единственная уверенная линия дороги.

— Основные наблюдатели — в Виртвале — сказал он. — Городские ворота, постоянные дворы, рынки, менялы, гавань.

Рунус начал запоминать.

— Стражу привлекать?

— Нет.

— Даже городскую?

— Особенно городскую. Трое чужаков могут насторожиться при виде открытых поисков.

Нам нужны глаза, а не копыя.

— Купеческие дома?

— Только те, чьи люди умеют молчать. Поставьте наблюдение у менял. Хорманнское золото придётся обменивать.

— Они могут платить им напрямую.

— Тогда монеты заметят торговцы.

Урвег провёл пальцем по карте севернее города.

— Здесь поставьте два поста.

— Северная дорога и старая просека? — уточнил Рунус.

— Да.

Палец переместился южнее Виртваля.

— И здесь.

Тиррсис взглянул на него.

— Если они идут из Аулбега, зачем южные посты?

— Потому что сообщение Кевара могло опоздать. Они могут уже пройти город. Могут обогнуть его. Могут нанять повозку, лодку или человека, который знает тропы. Мы не знаем, когда именно они изменят решение.

— Значит, ловим не на дороге, а вокруг Виртваля — сказал Рунус.

— Мы пока никого не ловим.

Рунус поднял глаза.

— Наблюдаем?

— Находим. Устанавливаем личности. Считаем людей вокруг них. Выясняем, куда они собираются. После этого решаем, как брать.

— Наследника живым — сказал Рунус.

— Да, наследник нужен живым. Но если обстоятельства сделают это невозможным... задача Феора всё равно окажется выполненной.

— Кермунда?

— Тоже желательно живым. Человек, способный настроить Быструю Дверь, ценнее его книг. Но... и тут я не буду проявлять непреклонность.

— Женщину?

Урвег задержал взгляд на строчке о рыжей.

— Она смогла распознать морок. Значит... Она невероятно ценная добыча. Но именно как живая добыча.

— Она убила нашего мага.

— Тем более мы просто обязаны расспросить её, как ей это удалось.

— Сэлсум считает её опасной.

— Сэлсум считает её сильной и решительной. Это не одно и то же, хотя часто идёт рядом.

Урвег постучал пальцем по записке.

— Не предупреждайте наблюдателей, что она чудовище. Испуганный человек видит нападение там, где его нет, и начинает действовать раньше приказа. Скажите правду: женщина вооружена, сумела распознать иллюзию и участвовала в бою у дворца. Не приближаться без необходимости.

— Рыжая станет главным ориентиром, — заметил Тиррсис.

— Не главным. Первым.

Рунус закрыл папку Сэлсума и спрятал записку Кевара отдельно.

— Я передам приказ в Виртваль.

Тиррсис посмотрел на сияющую лампу.

— Через новые зеркала?

— Нет, — сказал Рунус. — Слишком много подробностей.

— Подробности можно зашифровать.

— И передать через шесть башен, на каждой из которых сидят люди.

Тиррсис уже открыл рот, но Урвег остановил спор взглядом.

— Короткое предупреждение нашим людям — зеркалами. Полные приметы — птицей и гонцом.

— Птицей будет медленнее — сказал Тиррсис.

— Зато птица не перепутает длинную вспышку с короткой из-за ветра.

— Птица может попасть к ястребу.

— Поэтому отправьте две.

Тиррсис вздохнул.

— Зеркала, птицы, гонцы. Иногда мне кажется, что моя служба нужна лишь для того, чтобы сообщать остальным, почему они предпочитают старые способы.

— Ваша служба нужна, чтобы приказ о начале поисков в Виртвале получили сегодня, а не завтра, — ответил Урвег. — А точные подробности доставят птицы и гонцы. Мы должны действовать всеми средствами, которые у нас есть, а не только чем-то одним.

Он подошёл к краю площадки.

Внизу лежал Феортан — огромный, каменный, уверенный в собственной защищённости. На дальнем холме мерцал ответный свет башни. Новые зеркала могли перебрасывать сигналы от города к городу быстрее самой быстрой лошади. Новые лампы стоили столько, сколько небольшая деревня не зарабатывала за несколько лет.

А то, что изменило весь расчёт, прилетело на лапке серой птицы из Аулбега.

— Передайте в Виртваль, — сказал Урвег. — «Трое хорманнцев идут с востока. Наблюдение без задержания. Особая примета — рыжая женщина с длинным свёртком. Подробности будут переданы письмом».

Тиррсис повторил сообщение связистам.

Маг поднял жёлтое стекло. Служащий положил руку на рычаг заслонки.

Белый луч начал отсчитывать слова.

Урвег повернулся к Рунусу.

— Сэлсума пока не отправлять дальше.

— Гилкрис приказал ему ехать в Феортан за новым назначением.

— Он приехал. Его задача сейчас быть наготове. И я хочу поговорить с ним сам.

— Повторный допрос?

— Не допрос. Разговор. Обо всём, что он счёл несущественным.

Рунус кивнул.

— А Кевар?

Урвег посмотрел на голубятника. Тот всё ещё держал птицу. Голубь уже успокоился и теперь с сосредоточенным видом клевал медную пуговицу на его рукаве.

— Кевару передайте подтверждение получения.

— Награду?

— Позже.

— Он может решить, что сообщение оказалось бесполезным.

— Тогда передайте, что оно принято людьми, которые умеют помнить обязательства.

Рунус впервые за весь подъём улыбнулся.

Тиррсис дождался конца передачи и подошёл к ним.

— Восточная башня подтвердила приём. Продолжать полное испытание ламп?

Урвег взглянул на громадные зеркала, медные корпуса, цветные стёкла и людей, ожидавших его решения.

— Продолжайте.

Он указал на птицу.

— А голубя накормите. Сегодня он сработал лучше всех вас.

Тиррсис оскорблённо поднял брови.

Рунус посмотрел на испачканного голубятника, на серую птицу и на клочок бумаги в своей руке.

— Просто голубь оказался в нужном месте раньше всех. — сказал он.

Урвег снова повернулся к карте.

— Тогда постарайтесь не отставать.

Глава 10

Эрк Хорссор сидел в самом дешёвом трактире Боума и маленькими глотками пил тёплое, давно выдохшееся пиво.

Растягивать кружку приходилось не ради удовольствия. Вторую он позволить себе не мог.

Последние недели жизнь словно решила разом припомнить ему все прежние удачи.

Из стражи пришлось бежать. После провала слежки его отправили чистить выгребные ямы, и уже на второй день Эрк понял, что скорее станет преступником, чем проведёт там ещё хотя бы одно утро. Служба государю, верность начальству и прочие высокие слова пахли совсем иначе, пока их не приходилось выгребать лопатой.

Потом пришлось бежать и от феорского куратора.

Разговор в тёмном подвале начинался с вопросов, на которые Эрк не собирался отвечать, а заканчивался, судя по приготовленным ремням и ведру воды, чем-то гораздо худшим. Он не стал дожидаться конца. Выбрался через угольный лаз, оставив куратору старую куртку, свежую царапину на щеке и несколько особенно выразительных ругательств.

Остатков денег хватило добраться до Боума.

Дальше началась жизнь, состоявшая из коротких приказов:

«Подай». «Принеси». «Сбегай». «Разгрузи».

Иногда удавалось поесть дважды за день. Иногда — ни разу. Ночевал Эрк то в общей комнате ночлежки, где люди лежали бок о бок, как сельди в бочке, то в соломе над конюшной, если хозяин позволял отработать место.

Сегодня он заработал пять медяков, перетаскав с телеги в подвал двенадцать тяжёлых бочек. Спина ныла, ладони саднили, а всех денег хватило на кружку пива и кусок чёрствого хлеба.

Где-то в Булале жил дальний родственник его матери. Эрк никогда его не видел и даже не был уверен, что тот ещё жив, но всё чаще думал: незнакомая родня всё же лучше голодной смерти в Боуме.

Оставалась одна мелочь — переправиться через пролив.

Бесплатно его никто брать не хотел. За работу — тоже. Капитаны предпочитали нанимать людей, которые хотя бы выглядели так, будто не свалятся за борт при первой качке. Эрк пока выглядел человеком, способным свалиться даже с неподвижной пристани.

Он сделал ещё один глоток и посмотрел на тонкую полоску пены, прилипшую к стенке кружки.

На скамью напротив сел мужчина.

Невысокий, чисто выбритый, в неброской, но добротной одежде. Не купец и не грузчик. Скорее приказчик из хорошего дома — из тех, кому доверяют ключи, деньги и неприятные поручения.

Несколько мгновений он рассматривал Эрка: рваные рукава, стёртые сапоги, впалые щёки.

— Работы нет?

Эрк поднял глаза.

— А у вас есть?

— Есть.

— Какая?

— Слуги нужны. В хороший дом.

Эрк недоверчиво прищурился.

— Почему ищите их здесь?

Мужчина усмехнулся.

— Потому что люди, которым действительно нужна работа, сидят здесь. А не в трактире напротив.

— Сколько платят?

— Для такого оборванца, как ты, достаточно.

— Сколько?

Усмешка исчезла.

— Пять сольверов в месяц. Кормят в доме. Кровать под крышей. Одежда за счёт хозяев. Плата была так себе. Но в положении Эрка выбор был не плохим. Его просто не было.

— Что делать?

— Что прикажут.

— Кому служить?

— Узнаешь на месте.

Это должно было заставить его встать и уйти.

Вместо этого Эрк посмотрел на остатки пива, на хлеб, который уже приходилось размачивать слюной, и спросил:

— Когда начинать?

— Сейчас.

* * *

Дом стоял в тихом переулке неподалёку от северной стены.

Высокий каменный забор, крепкие ворота, тёмные верхушки деревьев во дворе. С улицы почти ничего нельзя было разглядеть. Не было ни герба, ни вывески, ни толпы слуг у входа — только привратник, который молча открыл после двух коротких ударов.

Эрк ожидал увидеть кухню, конюшню и управляющего с перечнем обязанностей.

Вместо этого его вместе с ещё шестью новыми слугами провели в отдельный флигель, велели вымыться, выдали чистые рубахи и накормили густой мясной похлёбкой.

Это было первым, что показалось подозрительным.

Мясо в похлёбке попадалось настоящее. Не жилы, не хрящи и не мелкие обрезки — хорошие куски. Людей, найденных по дешёвым трактирам, так не кормили.

Вторым стало то, что один из старых слуг записывал, кто сколько съел.

— Зачем? — спросил Эрк.

— Чтобы знать, — ответил тот.

— Что знать?

Слуга поднял на него совершенно пустые глаза.

— Сколько ты съел.

Потом новоприбывших осмотрели.

Проверили зубы и глаза. Заставили открыть рот, показать язык, вытянуть руки. Рассматривали кожу, ногти, волосы. Щупали шею. Велели несколько раз пройти из конца комнаты в конец, присесть и снова подняться.

Худенькую девушку с кашлем увели сразу.

— Куда её? — спросил кто-то.

— Не подходит.

Больше ничего не объяснили.

По коридорам тянулся странный запах: сушёные травы, уксус, горький дым и что-то сладковатое, от чего першило в горле.

За одной дверью звякало стекло. За другой кто-то кашлял и просил воды.

Обе двери были заперты снаружи.

К вечеру новоприбывших выстроили в большой светлой комнате.

Хозяйка вошла без сопровождения.

Эрк узнал Веггу Пуссар, хотя прежде видел её только издали.

Дочь бургомистра нельзя было назвать красавицей, но и некрасивой она не была. Дорогая одежда сидела на ней безупречно. Волосы были тщательно уложены, ни одна прядь не выбивалась. Однако постоянно прищуренный взгляд и выражение безразличного недовольства портили лицо сильнее любого природного изъяна.

Она медленно пошла вдоль шеренги.

Не задавала вопросов. Только смотрела: на глаза, руки, шею, цвет лица. Иногда касалась подбородка кончиком пальца, заставляя человека повернуть голову. Один раз велела мужчине открыть рот и долго разглядывала его зубы.

Словно выбирала не слуг. Товар.

Возле Эрка она задержалась.

Он похудел, оброс и выглядел хуже, чем месяц назад, но привлекательное лицо никуда не исчезло. Вегга окинула его взглядом от растрёпанных волос до изношенных сапог и едва заметно приподняла бровь.

Затем указала на него.

— Этого.

Палец переместился к худенькой темноволосой девушке в конце ряда.

— И эту.

Вегга ещё раз посмотрела на обоих.

— Отдельно. Я подумаю, как их лучше использовать.

На следующее утро за Эрком пришли двое слуг. Не связали. Не объяснили, куда ведут. Просто поставили по обе стороны и провели через главный дом. Здесь всё выглядело иначе.

Полы были покрыты коврами. На стенах висели картины в тяжёлых рамах. В нишах стояли мраморные статуэтки, а окна закрывали шёлковые занавеси. Пахло воском, дорогим деревом и цветочными духами.

Комната Вегги могла бы принадлежать избалованной дочери очень богатого человека.

Могла бы — если бы не отдельный стол возле окна.

Его уставляли стеклянные колбы, реторты и узкогорлые склянки. В тяжёлых каменных ступках лежали истолчённые корни. На небольших весах блестели крохотные гирьки. С потолочной перекладины свисали пучки высушенных трав. Рядом стояли тигли, воронки, щипцы и несколько ножей с длинными тонкими лезвиями.

В одной прозрачной банке плавало что-то бледное и бесформенное.

Эрк отвёл глаза.

Вегга сидела возле камина и листала книгу. При его появлении подняла голову.

Прищурилась. И вдруг улыбнулась.

Зубы у неё оказались мелкими, острыми и слишком многочисленными. Улыбка сразу напомнила Эрку крысу, добравшуюся до мешка с мукой.

— А ты красивый парень.

Он ошеломлённо смотрел на неё, не зная, что следует ответить.

Улыбка исчезла.

— Где твоё «да, госпожа»?

— Э... Да, госпожа, — пробормотал Эрк.

— Радостным голосом! — рявкнула Вегга.

Он вздрогнул.

— Да, госпожа!

Эрк вложил в эти слова всю радость, какую смог отыскать после бессонной ночи в запертой комнате.

Вегга склонила голову, прислушиваясь.

— Лучше.

Она встала. Откуда-то из складок платья в её руке появился тонкий металлический ошейник. Серебристая полоса была узкой, гладкой, с маленьким замком и кольцом спереди.

— Ты будешь моим котиком. Надень.

Она бросила ошейник Эрку. Он не успел — или не захотел — его поймать. Металл звякнул о пол.

Несколько мгновений Вегга смотрела на ошейник.

Потом пронзительно крикнула:

— Буррот!

Боковая дверь распахнулась.

В комнату вошёл здоровенный детина с лицом, похожим на дубовый пень. Шея почти не отделялась от плеч, руки свисали вдоль тела тяжёлыми дубинами. По тому, как быстро он появился, Эрк понял: Буррот всё это время ждал за дверью.

— Научи этого... мальчика, как следует меня слушаться.

Буррот не ответил. Он подошёл к Эрку и коротко ткнул его кулаком под рёбра. Со стороны удар выглядел почти ленивым.

Глаза Эрка залила белая пелена. Воздух исчез из лёгких. Боль согнула его пополам прежде, чем он понял, что произошло. Следующий удар пришёлся сбоку по шее.

Пол рванулся навстречу.

Эрк рухнул на колени, затем на бок. Комната качнулась, ковёр поплыл перед глазами. Он слышал собственное судорожное дыхание, но никак не мог втянуть достаточно воздуха.

— Иди, Буррот, — бросила Вегга, не отрывая от Эрка взгляда.

Детина сразу вышел.

Ни злости, ни удовольствия на его лице Эрк не увидел. Ударить человека или переставить сундук — для Буррота, похоже, было одним и тем же поручением.

Когда дыхание немного вернулось, Эрк упёрся ладонью в пол и попытался подняться.

Твёрдый носок туфли наступил ему на пальцы.

— Куда?

Вегга надавила сильнее.

— Надень ошейник.

Эрк смотрел на её туфлю. Его выворачивало от желания схватить Веггу свободной рукой за лодыжку, дёрнуть на себя, повалить и показать, чего он стоит. Он ещё умел драться. Ещё не превратился в бездомную собаку, которую можно пнуть и заставить лизать сапог.

Но за боковой дверью стоял Буррот. И, вероятно, не один.

— Мне снова его позвать? — спросила Вегга, словно слышала мысли Эрка.

Он промолчал. Она сильнее вдавила носок в его пальцы.

— Ещё немного — и я в тебе разочаруюсь. Тогда будешь не котиком, а кроликом.

Почему-то Эрк подумал, что прыгать и есть морковь ему в таком случае не позволят.

Он потянулся свободной рукой к ошейнику.

Вегга убрала ногу и с лёгкой улыбкой наблюдала, как он подбирает металлическую полосу, оборачивает вокруг шеи и нащупывает замок. Щёлк.

Ошейник оказался холодным и тесным. Дышать не мешал, но при каждом движении напоминал о себе.

Вегга отошла к столику у окна и налила себе вина из хрустального графина.

— Вот видишь. Можешь, когда хочешь.

Она отпила и посмотрела на Эрка поверх края бокала.

— Теперь отойди к стене.

Эрк поднялся. Бок продолжал пульсировать болью.

— Зачем?

Вегга поставила бокал. В её глазах появилось почти искреннее удивление.

— Ты уже начал задавать вопросы?

— Нет, госпожа.

— Радостнее.

— Нет, госпожа!

— К стене.

Он подчинился. На столике возле кресла лежал маленький серебряный колокольчик. Вегга взяла его и позвонила. Боковая дверь открылась. Буррот вошёл снова.

— Заводи образец.

Он исчез и через несколько мгновений вернулся, втолкнув в комнату оборванного мужчину.

Тот едва держался на ногах. Волосы слиплись, на щеке темнел кровоподтёк. Глаза бегали по комнате, не задерживаясь ни на чём.

— Я ничего не сделал! — выпалил он. — Госпожа, клянусь, я ни в чём не виноват!

Вегга приблизилась к нему. Лицо её сразу стало мягче.

— Я знаю. Не волнуйся.

Мужчина растерянно заморгал.

— Ваши люди... Они меня били. Не давали воды. И еды. Они...

— Были грубы?

— Да! Да, госпожа!

— Я обязательно с ними поговорю.

Она обернулась к алхимическому столу и взяла приготовленный заранее кубок.

— А пока успокойся. Выпей вина. Потом всё расскажешь.

Мужчина схватил кубок обеими руками и жадно выпил до дна. Несколько капель потекли по подбородку.

— Спасибо, госпожа. Я вам всё...

Он замолчал. Вегга смотрела на него с неподдельным интересом.

В левой руке она держала короткую нить жемчуга. Медленно, одну за другой, перебирала бусины большим пальцем. Сначала мужчина просто побледнел.

Потом пошатнулся и провёл ладонью по груди.

— Что-то... жарко.

Он попытался вдохнуть глубже. Не смог.

Лицо стало красным. На висках выступили жилы. Он раскрыл рот, ловя воздух, и повернулся к Вегге, словно всё ещё ждал от неё помощи. Она передвинула следующую жемчужину.

Губы мужчины посинели. Глаза закатились.

Еще одна жемчужина.

Из горла вырвался хрип. Он схватился за шею и рухнул на колени, опрокинув пустой кубок.

Пальцы заскребли по ковру. Ноги несколько раз судорожно дёрнулись.

Затем всё стихло.

Вегга передвинула последнюю жемчужину и посмотрела на нить.

— Тринадцать.

Она подошла к телу, наклонилась и кончиком туфли повернула голову мертвеца в сторону.

— Долго. Слишком долго.

Вегга задумчиво провела пальцами по четкам.

— Надо добавить чёрного корня. Или уменьшить винную вытяжку.

Эрк стоял у стены и смотрел на мёртвого мужчину. Его мучило.

Желудок сжался, хотя с утра он ничего не ел. Холодный металл ошейника вдруг стал тяжёлым и стал сжимать шею.

Зачем всё это? Куда он попал?

Хранители...

Тёмная волна паники накрыла его с головой.

— Буррот, убери мусор.

Детина поднял мертвеца под мышки. Голова безвольно запрокинулась, пятки заскользили по ковру. На полу осталась тонкая влажная полоса.

Когда дверь закрылась, Вегга повернулась к Эрку.

— Всё понял?

— Д-д-да...

Она нахмурилась.

— Ничего. Освоишься.

Вегга подошла ближе.

— Все мои желания выполняются немедленно. Без вопросов, без обсуждения, с радостью и благодарностью. Понял?

— Да.

— Радостно.

— Да, госпожа!

— Попытка побега — и ты кролик. Попытка болтать — и ты кролик. Непослушание, недовольное лицо, медленный ответ — кролик. Понял?

Эрк посмотрел на пустой кубок, валявшийся возле стола.

«Кролик... Хранители, спасите меня»

— Ддда, госпожа.

— Без заикания.

— Да, госпожа!

— Умница.

Вегга даже потрепала его по волосам, словно действительно ласкала послушное домашнее животное.

— Тебе несказанно повезло. Теперь ты будешь хорошо есть, пить вволю, носить чистую одежду и спать в тёплой постели. Больше не придётся таскать бочки и ночевать в конюшне.

Она провела пальцем по металлическому ошейнику и остановилась на кольце.

— Но я должна быть довольна.

Вегга помолчала.

— Каждый день.

Её палец опустился ниже и коротко, почти деловито толкнул Эрка в пах.

— Если захочу - то и несколько раз.

Эрк застыл. Она смотрела на его лицо, наслаждаясь не столько смущением, сколько моментом понимания.

— Не разочаруй меня.

Вегга вернулась к столу с ретортами и взяла чистый лист бумаги.

Разговор для неё закончился.

Эрк остался стоять у стены. Холодный ошейник плотно охватывал шею.

И впервые с того дня, как он бежал из стражи, Эрк понял: прежде ему ещё очень везло.

Глава 11

К окрестностям Виртвалля они добрались на третий день — измотанные настолько, что даже показавшаяся вдали городская стена сперва не вызвала никакой радости.

Элайн гнала их почти без передышки.

Она позволяла остановиться, перевести дух, сделать несколько глотков воды — и поднимала спутников раньше, чем те успевали решить, что начался настоящий привал. Торин дважды пытался возражать. В первый раз спокойно, почти рассудительно. Во второй — уже с заметным раздражением.

На третий он просто сбросил сумку на землю.

— Всё, — объявил он. — На сегодня достаточно.

Сумка тяжело упала на дорогу. Торин вытер рукавом мокрый лоб и остался стоять над ней, широко расставив ноги. Волосы прилипли к вискам, на сапогах засохло несколько слоёв грязи, а ворот рубахи давно потерял всякое сходство с тем, каким его утром застегнул человек, привыкший к помощи слуг.

Кермунд, шедший в нескольких шагах позади, остановился с таким облегчением, словно только и ждал чужого мятежа. Он уже присматривал место, куда можно будет опуститься — желательно без разговоров и с намерением не вставать до следующего утра.

Элайн повернулась к Торину.

— Чем быстрее мы доберёмся до Рауссборга, тем меньше времени останется у тех, кто может помешать нашему возвращению.

— Мы не знаем, что кто-то собирается мешать.

— Именно поэтому лучше не давать им возможности.

— А если мы свалимся посреди дороги, это очень поможет?

Элайн несколько мгновений смотрела на него.

Она знала, куда ударить. И не особенно гордилась тем, что решила это сделать.

— Твой отец очень болен, Торин. Неужели ты хочешь к нему опоздать?

Он замер. Раздражение исчезло с его лица так быстро, словно его смыло дождём.

Торин медленно провёл ладонью по лбу, посмотрел на Элайн, затем наклонился и поднял сумку.

— Давай идти, — тихо сказал он.

Кермунд, уже успевший согнуть колени, снова выпрямился.

Последние события многому его научили. В частности, тому, что возможное возражение: «Ну и что, что он болен?» — в присутствии Элайн почти неизбежно приведёт к катастрофе. Какого именно рода — зависело от её настроения, но проверять Кермунд не собирался. Он молча поправил ремень сумки.

Они пошли дальше.

После этого Торин больше не просил остановиться. Даже Кермунд перестал демонстративно вздыхать, хотя по его походке было видно: в мыслях он уже несколько раз лёг на дорогу и умер, окружённый спасёнными книгами.

Вечерело, когда впереди, за редкими верхушками деревьев, показалась тёмная полоса городской стены.

Виртваль ещё лежал достаточно далеко. Отсюда нельзя было различить ни ворот, ни домов, только зубцы укреплений и несколько высоких крыш, поднявшихся над ними. За стенами медленно сгустился дым сотен очагов. Торин остановился.

— Мы дошли.

В голосе его прозвучала почти детская надежда на горячую воду, чистую постель и людей, которым можно будет поручить приготовление ужина.

Элайн огляделась.

— Вон там видите? — Она указала в сторону от дороги. — Деревья редуют. Похоже, там поляна.

Оба мужчины посмотрели туда, куда она показывала. Торин некоторое время добросовестно вглядывался между стволами.

— Конечно, — сказал он наконец.

Кермунд кивнул с учёным видом человека, полностью согласного с наблюдением, которого не смог проверить.

На самом деле ни один из них не заметил, чтобы деревья хоть сколько-нибудь редели. Но усталость требовала соглашаться с Элайн даже тогда, когда хотелось задать уточняющий вопрос.

Она снова оказалась права.

После нескольких минут тяжёлой ходьбы через мокрую траву, бурелом, торчащие корни и ямы, заботливо скрытые прошлогодней листвой, они вышли на небольшую прогалину.

Поляна была настолько мала, что её скорее следовало назвать просветом между деревьями. У одного края громоздился поваленный ствол. Часть ветвей обломалась при падении, остальные торчали во все стороны, будто дерево даже после смерти собиралось оборонять занятое место.

Земля оказалась неровной. Сухие ветки перемешались со сгнившей листвой, низкими кустиками и папоротником. В нескольких местах темнели влажные впадины.

Торин оглядел поляну без восторга.

— Не самый удобный ночлег. Может, сделаем последнее усилие и дойдём до города? Там наверняка найдутся хорошие постели.

— Ну ты и засоня, Торин.

— Какой есть, таким и останусь. Но всё-таки...

— Нет.

Он посмотрел на неё.

— Почему?

— Ты поймёшь. Я тебе обязательно объясню.

— А Кермунду объяснишь?

— Всем объясню. А сейчас давайте расчистим место. Я спать на этом месиве не собираюсь.

Торин с сожалением посмотрел в сторону далёких стен, но спорить не стал. Они сняли сумки.

Торин и Кермунд принялись собирать сухие нижние листья папоротника и укладывать их поверх земли. Работа шла не слишком быстро. Торин старался выбирать самые сухие растения, а Кермунд сначала долго рассматривал каждое, словно определял его пригодность для научного собрания, и только потом отрывал.

Элайн направилась к поваленному дереву.

Она обломала несколько тонких ветвей, затем ещё несколько. Сухая древесина трещала в руках. Вскоре большая часть ствола очистилась, и на нём уже можно было сидеть.

Оставался один сук.

Он отходил от ствола почти под прямым углом и был толще её предплечья. На нём сохранились несколько коротких отростков, которые упирались бы в спину всякому, кто попытался устроиться на бревне.

Элайн ухватила за сук обеими руками и потянула. Древесина скрипнула, но не поддавалась.

Она качнула его вверх и вниз. У основания хрустнуло, однако сук остался на месте.

Элайн отпустила его и отступила на шаг.

— Ах вот как, значит.

Торин перестал рвать папоротник. Кермунд тоже поднял голову.

Элайн сердито посмотрела на дерево.

— Я тебе покажу, как меня не слушаться.

Она снова ухватила за сук, упёрлась сапогом в ствол и навалилась всем телом. На щеках заходили желваки. На висках выступил пот. Сук медленно качнулся. Элайн потянула сильнее. Под корой с сухим треском начали рваться волокна. Она сжала губы, глухо зарычала и резко дёрнула сук на себя.

Древесина лопнула.

Элайн вместе с оторванной ветвью покатила на спину и едва успела отвернуть голову, чтобы не получить собственным трофеем по лицу.

Несколько секунд она лежала, глядя в небо и тяжело дыша.

— Фу-ух... Ну и скотина.

— Это дерево, — заметил Кермунд.

Элайн приподнялась на локтях.

— Это ты дерево. А это - скотина.

— Сама ты дерево!

Торин замер с охапкой папоротника в руках. Кермунд, кажется, и сам не ожидал, что ответит именно так. Он надул и отвернулся, словно хотел убедить всех, что ничего не говорил.

Элайн села.

— Я — волчица.

— Волчицы не спорят с поваленными деревьями, — пробормотал Кермунд.

— Тебе предстоит узнать много нового о волчицах.

Торин опустил голову, пряча улыбку.

Кермунд с ещё более оскорблённым видом достал огниво и принялся устраивать костёр. Сложил щепки, вытащил трут, развернул тряпицу и застыл. Трут был влажным.

Он потрогал его пальцем, понюхал, словно надеялся установить иной диагноз, и недовольно засопел.

Элайн бросила отломанный сук в сторону.

— Что случилось?

— Ничего.

— По твоему лицу видно, что случилось всё что можно и чего нельзя.

Кермунд снова полез в сумку, теперь уже обеими руками.

— Элайн, — позвал Торин.

— Что?

— Откуда у тебя такая сила?

Она посмотрела на него. Торин положил папоротник на землю и выпрямился.

— Ты сильнее любого мужчины, которого я когда-либо видел. А я видел очень сильных мужчин.

— Значит, ты не видел по-настоящему сильных мужчин.

— Возможно. Но ты всё равно невероятно сильна. Каким образом?

Элайн потёрла ладони, счищая приставшие кусочки коры.

— Тебе действительно хочется это узнать?

— Очень.

— Берегись. Это знание не сделает тебя счастливее.

Из-за сложенных веток донёсся голос Кермунда:

— Любое знание является достижением разума. Оно не может приносить несчастье.

Элайн вздохнула.

— Точно дерево.

Кермунд демонстративно не ответил.

— Так ты расскажешь? — спросил Торин.

Вопрос был простым. Ответ — нет.

Элайн не горела желанием рассказывать о прошлом. В нём было слишком много такого, что она предпочла бы забыть: лица мёртвых, запах крови, чужие голоса, решения, за которые приходилось платить ещё долго после победы.

Она посмотрела на Торуна.

Хороший парень. Пожалуй, именно так она могла бы его назвать, хотя самому Торину это определение наверняка не понравилось бы. Он стоял в самом начале своей жизни — той её части, когда человек уже должен принимать собственные решения, но ещё не знает, во что они могут превратиться.

Элайн это начало давно прошла. Не прошла — прорубилась. Прорвалась. Иногда по чужим телам, иногда по собственным ошибкам.

Может быть, её рассказ поможет Торину однажды сделать правильный выбор.

А может быть, нет.

Чужой опыт вообще редко останавливал людей от собственных глупостей. Но иногда позволял хотя бы узнать яму перед тем, как в неё упасть.

Элайн обернулась к Кермунду.

Тот наконец извлёк из глубины сумки небольшой бумажный свёрток. Развернул его, подцепил ногтем щепотку мелкой лирновой крошки и высыпал на сложенные щепки. Затем сделал пальцами короткое движение. Воздух над костром дрогнул.

Щепки задымились и вспыхнули ровным пламенем.

— Ого, — сказала Элайн. — Ты колдуешь?

— Как видишь.

— Зачем? У нас же есть огниво.

Кермунд поднял влажный трут.

— Он отсырел.

— Как он мог отсыреть? Он должен лежать в трутнице.

Торин виновато кашлянул.

— После последнего привала я не убрал его обратно. Завернул в тряпицу.

Элайн посмотрела на него.

— Зачем?

— Мы торопились. Я не знал, что этого недостаточно.

— Ошалеть можно. Быстрые Двери запускать вы умеете, а трут держать сухим — нет.

Кермунд нахмурился.

— А разве он непременно должен лежать в этой коробочке? Где это написано?

Элайн несколько мгновений смотрела на него.

— Я бы сказала, что сейчас думаю, но, пожалуй, говорить этого не стоит.

— Отчего же?

— Потому что ты снова обидишься.

Она указала на влажный трут.

— И запиши: трут всегда должен храниться в сухом месте, недоступном для воды. Желательно в трутнице. Её придумали не для украшения сумки, представляешь?

Торин не поддержал насмешки.

— Элайн, такими вещами у нас занимались специальные люди. Мы с Кермундом учились совсем другому.

Она уже открыла рот, чтобы высказать всё, что думает о людях, способных перемещаться между городами, но неспособных развести обычный огонь.

И закрыла.

В другое время и с другими спутниками она бы обязательно объяснила им, чего стоит образование, не позволяющее человеку пережить одну ночь без слуги. Но сейчас устраивать разнос было бессмысленно.

Огонь Кермунд всё-таки добыл.

Пускай при помощи самого ценного вещества в Империи.

— Уф... Ладно. Сколько у нас осталось кристаллов лирна?

— Шесть, — немедленно ответил Кермунд.

— Целых?

— Разумеется. Для огня я использовал крошку.

— И на сколько заклинаний хватит шести кристаллов?

Кермунд оживился.

— Это зависит от структуры заклинания, продолжительности поддержания, необходимой мощности и...

— Сначала ты расскажешь о своей силе, — быстро перебил его Торин. — А потом мы расскажем тебе о заклинаниях. Идёт?

Элайн повернулась к нему.

— Кажется, ты отлично перенимаешь мою несносность. Я тебя просто не узнаю.

— Ага, ты согласна.

— Я этого не сказала.

— Но и не отказалась.

— Негодяй!

Элайн звонко рассмеялась.

Смех вырвался неожиданно даже для неё самой — лёгкий, почти беззаботный. Впервые за последние дни плечи перестали казаться каменными, а дорога до Рауссборга — бесконечной.

— Ты ужасный мальчишка!

Торин довольно расправил плечи, словно только что одержал важную победу.

— Хорошо, — сказала Элайн. — Будь по-твоему.

Она поднялась и села на очищенное бревно.

Кермунд немедленно придвинулся ближе к костру. Торин устроился напротив, забыв и о папоротнике, и о городской стене, за которой его ожидали мягкие постели. Элайн протянула ладони к огню.

Веселье понемногу уходило из её лица. Элайн протянула ладони к огню.

— Что вы знаете о драконах?

Торин вопросительно посмотрел на Кермунда.

Тот нахмурился, будто подозревал, что речь идёт о редком термине, который ему почему-то не встречался.

— Ничего — признался Торин. — А что это такое - дракон?

Элайн некоторое время молчала. Ей и в голову не приходило, что может существовать мир, в котором люди не знают драконов даже по сказкам.

— Огромная крылатая ящерица. Или ящер. — сказала она наконец. — Взрослый дракон выше дома. У него чешуя, которую не пробивают стрелы и очень плохо - мечи. Когтями он может разорвать лошадь вместе со всадником, а пастью перекусить человека пополам. Он летает. И может дышать огнём.

Торин медленно опустил ветку, которой поправлял костёр.

— Он дышит огнём?

— Да.

— Настоящим?

— Самым что ни на есть настоящим.

Кермунд подался вперёд.

— Каким образом живое существо способно создавать пламя? В его теле должны находиться по меньшей мере два вещества, которые...

— Кермунд.

— Что?

— Я не разрезала дракона, чтобы это выяснить.

Он недовольно поджал губы. Торин продолжал смотреть на Элайн.

— И ты с ним сражалась?

— Не я одна, конечно же. И не с тем, о котором сейчас рассказываю. Позже мне доводилось убивать драконов. Но свою силу я получила иначе.

Она взяла тонкую ветку и пошевелила угли. Пламя поднялось выше, на мгновение осветив её лицо снизу.

— Мы искали лепесток Священной Розы Иссетеры. Иссетера была великой пророчицей нашего мира. После смерти её похоронили в горах, и рядом с могилой выросли три розовых куста. Они цвели много веков и никогда не увядали. Один лепесток мог исцелить любую болезнь.

Кермунд сразу поднял голову.

— Любую?

— Любую.

— Независимо от причины? Отравление, зараза, повреждение внутренних...

Элайн посмотрела на него.

— Кермунд.

Он осёкся.

— Хорошо. Лечебные свойства были подтверждены?

— Подтверждены.

По тому, как она это сказала, Кермунд понял, что дальше расспрашивать пока не стоит.

Элайн снова пошевелила угли.

— Нам нужно было спасти человека, от которого зависела судьба целого королевства. Немедленно. Мы добрались до гор, нашли старый храм и прошли через катакомбы под ним. А возле выхода из катакомб жили люди, поклонявшиеся драконам.

Торин нахмурился.

— Люди поклонялись огромному ящеру?

— Они считали его земным воплощением Иссетеры.

— А он сам что-нибудь говорил по этому поводу?

— В основном он ел тех, кто подходил слишком близко.

Торин поморщился.

— Убедительное божество.

— Некоторым именно такие и нравятся.

Уголок её рта едва заметно дрогнул, но улыбка тут же исчезла.

— Главу культа звали Леар. Он знал, зачем мы пришли, и предложил сделку.

— Какую?

— Ему нужны были три лепестка Священных Роз. По одному с каждого куста. Зачем именно три, он не объяснил. Взамен обещал провести обряд на драконьей крови и дать мне часть силы дракона.

Элайн бросила веточку в костёр. Огонь с сухим треском проглотил её.

— Была только одна неприятность. Если сорвать со Священной Розы хотя бы один лепесток, весь куст погибает. Лепестки увядают и осыпаются. А Роз было три.

Торин долго смотрел на неё.

— Значит, если отдать ему три...

— Не останется ни одной.

— И ты согласилась?

— Да.

Ответ прозвучал спокойно. Не вызываяще. Не виновато.

Просто «да».

— Но вы ведь пришли именно за лепестком для больного — сказал Торин.

— Пришли.

— И ты знала, что он действительно его исцелит?

— Знала.

— Тогда вы могли взять один.

— Могли.

— Но ты отдала Леару все три?

Теперь Элайн подняла голову. Торину вопрос явно дался нелегко, но взгляд он не отвёл.

— Отдала.

— Зачем?

Вот этого она и не хотела слышать. Не потому, что не знала ответа. Наоборот.

Ответ был слишком прост.

— Мне нужна была сила.

Торин нахмурился.

— Настолько сильно?

Элайн некоторое время смотрела на собственные руки.

— Тогда мне казалось, что да.

Она сжала пальцы и разжала снова.

— Впереди был Мор. Не очередная война за крепости, золото или клочок земли. Если бы мы проиграли, погиб бы не только Феннивар. Я хваталась за всё, что могло дать нам преимущество. За оружие. За магию. За союзников.

Она помолчала.

— За кровь дракона.

Кермунд посмотрел на толстую ветвь, которую она недавно отломила от дерева одним движением.

— Значит, обряд действительно подействовал.

— Подействовал.

— Что именно изменилось?

Элайн задумалась.

— Почти всё, что связано с телом. Я стала намного сильнее. Быстрее. Я могу дольше сражаться и переносить раны, после которых другой человек уже не поднимется. Боль никуда не исчезла, просто она меня не останавливает. Тело продолжает работать там, где раньше должно было сдаться.

Торин слушал уже без прежнего любопытства.

Теперь он смотрел на неё так, будто впервые увидел не только результат, но и цену того, что прежде казалось просто невероятной силой.

— Поэтому ты можешь отламывать такие ветви?

— Поэтому я могу поднять человека одной рукой, одним ударом проломить медведю череп и пользоваться тяжёлым двуручным мечом так, как обычный воин не сможет никогда.

Кермунд оживился.

— И всё это дала кровь дракона?

— Всё это.

Она посмотрела на него.

— И кое-что ещё, о чём вам пока знать не требуется.

Кермунд открыл рот. Подумал и закрыл.

Торин спросил:

— А тот человек?

Элайн посмотрела в огонь.

— Какой?

— Которого вы собирались спасти.

Она некоторое время молчала.

— Его вылечили другим способом. Позже.

— Значит, он всё-таки выжил?

— Да. Но то, что могло занять несколько мгновений, растянулось надолго. А пока он лежал между жизнью и смертью, вокруг него продолжали спорить, предавать и убивать.

Торин помолчал.

— Он узнал про Розы?

— Узнал.

— И простил тебя?

Элайн подняла на него глаза.

— Я его об этом не спрашивала.

Она потянулась за другой веткой, но передумала.

— А Лойва ушла.

— Кто?

— Лойва. Лучшая целительница из всех, кого я знала.

Элайн чуть нахмурилась, глядя в огонь.

— И один из немногих людей, чьё мнение обо мне тогда действительно что-то значило.

— Она ушла из-за Роз?

— Из-за меня.

Некоторое время слышался только треск костра.

— Потом меня долго называли Кровавой Кусланд — продолжила Элайн. — Кто-то со страхом. Кто-то почти с восхищением. Людям нравится чужая сила, пока она ломает их врагов. Позже появилось другое имя — Рыжая Волчица. Оно оказалось громче, и первое постепенно забыли.

Торин тихо сказал:

— Но ты не забыла.

— Нет.

Элайн провела ладонями по лицу. Она уже рассказала больше, чем собиралась.

Не всю жизнь. Всего одно решение.

Но иногда одного решения действительно хватало, чтобы многое понять о человеке.

— Хуже всего было то, что история с Розами на этом не закончилась.

Кермунд повернулся к ней.

— Что ещё?

— Когда кусты погибли, остальные лепестки увяли и осыпались. Но часть силы в них сохранилась. Позже несколько таких лепестков попали в руки одной колдуньи.

Элайн помрачнела.

— Очень умной. Очень злой. И терпеливой настолько, что это было хуже всего.

— Что она с ними сделала? — спросил Кермунд.

— Подчинила целую деревню. Мужчин, женщин, детей. Люди выполняли её приказы и были уверены, что поступают по собственной воле.

Торин перестал шевелиться.

— Зачем?

— Ей нужны были их жизни и их вера. С их помощью она собиралась заставить одну древнюю силу исполнить одно её желание. К счастью, я так и не знаю какое именно.

— Эта сила действительно могла исполнять желания?

— Говорили, что она могла исполнить любое.

Торин побледнел.

— У неё получилось?

— Нет. Но это уже другая история.

Он не отступил.

— Значит, колдунья смогла сделать всё это потому, что ты когда-то сорвала лепестки со всех трёх Роз?

Элайн долго смотрела в огонь.

— Да.

Ни Торин, ни Кермунд ничего не сказали. И она была им за это благодарна.

Элайн подняла с земли тонкую ветку и принялась медленно крутить её между пальцами. Сухая кора потрескивала и осыпалась на траву.

— Эта сила потом спасала мне жизнь — произнесла она наконец. — Не раз. Возможно, без неё я погибла бы задолго до последней битвы. Возможно, Мор победил бы и Фенниvara больше не существовало бы.

Кермунд некоторое время молчал, обдумывая услышанное.

— Тогда выбор был правильным.

Элайн криво усмехнулась.

— Вот в этом и беда. Он оказался полезным.

Кермунд не понял. Торин, кажется, понял.

— Полезное решение не обязательно становится хорошим, — грустно сказал он.

Элайн взглянула на него.

— Именно.

— Ты жалеешь?

Она сжала ветку. Древесина хрустнула в пальцах и переломилась.

— Иногда.

— То есть иногда жалеешь, а иногда нет?

— Иногда вспоминаю тех, кого спасла благодаря этой силе, и думаю, что сделала бы всё снова.

Она бросила обломки в огонь.

— Но я до сих пор не знаю, стоило ли оно того. Наверное, если человек легко отвечает на такой вопрос, он либо врёт, либо еще недостаточно заплатил.

Торин опустил взгляд на её руки.

Теперь он знал, откуда взялась её сила. И впервые понял, что Элайн получила её не как дар.

Она её купила. И продолжала расплачиваться.

Несколько минут никто не говорил.

Торин достал из сумки закопчённый котелок, налил в него воды — совсем немного, чтобы хватило каждому по кружке, — и повесил над огнём. Котелок висел криво, поэтому пришлось подложить под одну из опор плоский камень. Кермунд молча наблюдал за его усилиями и на этот раз благоразумно не давал советов.

Элайн разделила остатки хлеба и сыра.

Хлеб за три дня окончательно превратился в камень. Торин попытался откусить серую горбушку, с трудом оторвал кусок и несколько мгновений жевал его, вспоминая дворцовые завтраки с такой тоской, какой прежде достаивал лишь утраченные рукописи.

Горячая вода немного помогла. Он обмакнул в неё хлеб, дождался, пока корка размокнет, и только после этого смог проглотить.

Элайн тем временем срезала ножом засохший край сыра. Кермунд принял свою долю, придирчиво осмотрел её и начал отламывать крошечные кусочки, стараясь не уронить ни одной крошки на лежавшие рядом книги.

Когда котелок опустел наполовину, Торин наконец нарушил молчание:

— Ты обещала объяснить, почему мы не вошли в город.

Элайн проглотила твёрдый кусок сыра и посмотрела в сторону Виртвала. За деревьями уже не было видно стен, но над лесом всё ещё поднимался далекий дым городских очагов.

— Да. Теперь о том, почему мы сегодня туда не вошли.

Она отложила нож.

— Первое: мы на феорской земле.

— Нет, — немедленно возразил Кермунд. — Это земли Хартии. Виртваль, Булаль и Фиртваль являются независимыми Вольными городами. Согласно географическому трактату Ронна Видящего...

— Трактат тебя не спасёт, когда люди Феора будут связывать тебе руки.

Кермунд надулся.

— Формально это не феорская территория.

— Формально — нет, — согласилась Элайн. — А на деле феорские агенты ходят по Хорманну, как у себя дома. Один из них под видом имперского гонца чуть не вошёл во дворец наследника. Здесь, рядом с Феором, их людей должно быть не меньше.

— Это предположение.

— Разумеется. И пока я не узнаю обратного, буду считать, что нас уже ищут.

Торин согрел ладони о кружку.

— Почему они должны знать, где мы оказались?

— Они могут не знать. Но они знают, что их человек не вернулся. Знают, что ты соби-
рался уходить через Дверь. Возможно, знают и то, что в Рауссборге ты не появился.

Она посмотрела на него прямо.

— В чужой, враждебной стране опаснее всего оставаться тем, кто ты есть. Особенно если ты наследник соседней Империи.

Торин больше не улыбался.

— Ты думаешь, у ворот могут знать моё лицо?

— Не обязательно. Достаточно описания: молодой мужчина, Кермунд и рыжая женщина с огромным свёртком за спиной.

Кермунд покосился на Чёрный Цветок, лежавший возле бревна.

— Описание довольно заметное.

— Наконец-то мы согласны.

Элайн подобрала сухую ветку и провела ею по земле три короткие черты.

— Нас трое. Мы пришли с востока. Идём пешком. Вы выглядите как люди, которые нико-
гда прежде не носили собственные сумки. Я выгляжу как женщина, способная снять ворота с
петель, если они будут плохо открываться.

— Это тоже заметно, — сказал Торин.

— Теперь второе. Поэтому в город войдём не мы.

Кермунд насторожился.

— А кто?

Элайн указала веткой на их сумки.

— Сколько у нас осталось лирна?

— Шесть целых кристаллов, — ответил Кермунд. — И небольшое количество крошки.

— Вы можете наложить на себя такой же морок, каким пользовался феорский маг?

Торин и Кермунд переглянулись.

— Можем, — сказал Торин. — Но устойчивый морок требует много лирна.

Кермунд выпрямился. Вопрос наконец перешёл в область, где он чувствовал себя увереннее остальных.

— Поддержание полноценной зрительной иллюзии расходует приблизительно одну унцию лирна в час на человека. Средний вес одного из наших кристаллов — около шести унций. Следовательно, одного кристалла должно хватить примерно на шесть часов.

— Должно?

— Кристаллы различаются по весу и чистоте. К сожалению, точных весов у нас нет. При наличии весов я мог бы рассчитать продолжительность с точностью до нескольких минут.

Элайн медленно повернула к нему голову.

— Мы что, ещё и весы должны были тащить?

— Я предлагал Торину взять основные инструменты...

— В Рауссборге имелась полностью оборудованная мастерская, — напомнил Торин. — Не было смысла нести их через Дверь.

— А теперь онигодились бы.

— Вы оба с ума сошли? — Элайн едва не ударила ладонью по бревну, но вовремя вспомнила, что уже один раз выясняла отношения с деревом. — Какие весы? Какие инструменты? Мне не нужно знать, на сколько минут хватит кристалла. Мне нужно знать, продержится ли морок пять часов.

Кермунд задумался.

— Вероятнее всего.

— Не «вероятнее всего».

— Без измерения массы невозможно...

— Кермунд. Пять часов он продержится?

— Да.

— Точно?

— Не точно. Возможно, значительно дольше.

Элайн шумно выдохнула. Пламя качнулось в её сторону, словно тоже решило отодвинуться.

— Значит, минимум пять часов.

— Да, — неохотно признал Кермунд. — Если заклинание наложено правильно и кристалл не имеет скрытых повреждений.

— Прекрасно. Завтра утром, примерно за час до входа в город, вы наложите на себя морок. Каждый возьмёт по два кристалла. Один будет питать заклинание, второй останется запасным.

— Почему по два? — спросил Торин.

— Потому что ворота могут задержать. Корабль может не отойти вовремя. В гавани могут начать проверять пассажиров. Я не собираюсь смотреть, как у одного из вас посреди разговора отрастают усы.

Кермунд нахмурился.

— Морок не исчезает мгновенно. Сначала начинаются небольшие искажения.

— Тем более. Кристаллы завернёте отдельно и положите под одежду. Не рядом с монетами, ножами и прочим железом.

— Это очевидно.

— Трутницу вы тоже считали очевидной.

Кермунд отвернулся к костру. Торин сделал глоток горячей воды.

— Какой именно морок ты предлагаешь?

Элайн показала на него веткой.

— Ты будешь пожилой женщиной.

Торин медленно опустил кружку.

— Нет.

— Что именно нет?

— Я не буду женщиной.

— Что ты имеешь против женщин?

— Ничего. Они мне очень нравятся. Но я предпочитаю оставаться мужчиной.

— Оставаться ты будешь мужчиной. А вот выглядеть будешь пожилой женщиной.

— Почему именно пожилой?

— Потому что ты слишком хорошо держишься для слуги и слишком плохо — для человека, привыкшего ходить пешком. Пожилой женщине позволительно двигаться медленно, часто останавливаться и смотреть на всех так, будто они лично испортили ей жизнь.

— Последнее я уже умею, — заметил Торин.

— Вот видишь. Половина работы сделана.

Она окинула его взглядом, оценивая рост и сложение.

— Морок должен сохранить твой настоящий рост. Если сделать тебя ниже, ты начнёшь смотреть людям поверх головы или хвататься за вещи не там, где они кажутся. Одежда простая, но добротная. Платье, тёплая накидка, платок. Лицо старше лет на тридцать.

— На тридцать?

— Будешь спорить - на сорок.

Кермунд издал звук, подозрительно похожий на смешок. Элайн сразу повернулась к нему.

— А ты будешь молодой девушкой.

Смешок оборвался.

— Кем?

— Невысокой темноволосой девицей. Твоего роста.

— Я не невысокий.

— Завтра будешь.

— Морок не изменит настоящий рост.

— Тогда будешь девушкой именно такого роста. Люди бывают разные.

Кермунд поджал губы.

— И что эта девушка будет нести?

— Не книги.

— Я не оставляю их здесь.

— Никто не предлагает их бросать. Снаружи они будут выглядеть как закрытая плетёная корзина. Сверху положим ткань.

— Если кто-нибудь её коснётся, он почувствует переплёты.

— Поэтому держи корзину при себе и не позволяй посторонним в неё лезть. Девушке разрешается дорожить собственными вещами.

— Это всё равно рискованно.

— Вот и будешь выглядеть испуганной и застенчивой. Наконец-то твоё недовольное лицо принесёт пользу.

— Все это нелепо.

— Почему нелепо? Неужели тебе не интересен подобный опыт? Устойчивый морок на человеке и отдельная зрительная подмена предмета. Когда ещё тебе представится возможность пройти через город в образе девицы?

Кермунд задумался. Торин покачал головой:

— Ты бессовестно используешь наши научные склонности.

— И буду использовать.

Элайн бросила ветку в огонь.

— Чтобы вы добрались до Рауссборга живыми, я буду использовать всё, что угодно.

Она помолчала и добавила:

— Всё, что угодно - это не фигура речи.

Кермунд насупился, но возражать не стал.

Торин тоже молчал. Однако не выглядел ни обиженным, ни испуганным. Он смотрел на Элайн так, словно услышал не угрозу, а правило, которому собирался соответствовать.

Она почему-то первой отвела глаза.

— Итак, — продолжила Элайн, — в город входят три женщины. Ты, Торин, — пожилая мать семейства. Я — твоя взрослая дочь. Кермунд — моя дочь и твоя внучка.

— Я не хочу быть её дочерью, — немедленно заявил Кермунд.

— Слава Создателю, по-настоящему ты ею и не будешь.

— А если бы был?

— Не дай Создатель.

— Ты бы меня порола?

Элайн посмотрела на него.

— Это ты сказал.

— Значит, порола бы.

— Кермунд, это прикрытие. Магическая маскировка. Не семейный договор.

Торин прикрыл улыбку кружкой.

— Имена не называем, — продолжила Элайн. — Вообще. Я обращаюсь к тебе «мама». К Кермунду — «доченька» или «девочка». Он называет тебя «бабушка», а меня...

— Никак, — перебил Кермунд.

— Именно. Лучше вам обоим вообще молчать.

— Морок не меняет голос, — напомнил Торин.

— Поэтому говорить буду я. Если к вам обратятся, кашляйте, кивайте или изображайте крайнюю застенчивость. Кермунду это будет особенно трудно, но ради науки он справится.

— А легенда? — спросил Торин.

— Две женщины и девушка пришли из деревни к родне в Виртваль. Или хотят купить места на корабле. До утра решим, что проще проверить. Главное — добраться до гавани и найти судно, идущее через Море Спокойствия.

— В Империю? — уточнил Кермунд.

— Настолько близко к ней, насколько получится.

Элайн потянулась за кружкой, но Торин не отдал её сразу.

— Ты рассказала, как должны выглядеть мы. А что будет с тобой?

— Ничего.

— Почему?

— Потому что на меня ваша магия не действует.

Кермунд резко поднял голову.

— Совсем?

— Совсем. И сквозь морок я вижу.

— Ты видела настоящее лицо мага у дворца?

— Да.

— Но Быстрая Дверь тебя перенесла. Но твоя невосприимчивость... Это же...

— Это вы будете изучать в Рауссборге.

— Получается, местная магия не воздействует непосредственно на твоё тело, но устройства, изменяющие пространство...

— Кермунд.

Он замолчал, хотя по его лицу было видно: мысленно уже составлял перечень опытов.

— Меня придётся маскировать без магии — сказала Элайн. — Волосы уберу под платок. Одежду перепачкаем. Меч останется в свёртке. В городе я постараюсь не поднимать ничего тяжелее собственной сумки и не ломать стражникам оружие.

— Постарайся? — переспросил Торин.

Элайн посмотрела на него как на деревенского дурачка.

— Я тоже устала от этого перехода.

— Да неужели?

— Ещё одно слово — и завтра тебе будет девяносто.

Торин всё-таки отдал ей кружку. Элайн допила остывающую воду и поднялась.

— Если все поели и всё поняли, устраиваемся на ночь. Костёр перед сном погасим, угли закопаем. Дежури́м по очереди.

— Даже рядом с Виртвалем? — спросил Торин.

— Особенно рядом с Виртвалем.

Она оглянулась в сторону города.

— Завтра будет сложный день. Сегодня наша главная задача — не дать ему начаться раньше времени.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ВСПЫШКИ В ЗЕРКАЛАХ

Мы источник веселья — и скорби рудник.

Мы вместилище скверны — и чистый родник.

Человек словно в зеркале мир — многолик.

Он ничтожен — и он же безмерно велик

Омар Хайям

Глава 12

Мужчина тихо выскользнул из спальни Вебранда и прикрыл за собой дверь. Коридор был пуст.

Он остановился лишь на мгновение, прислушиваясь. Из дальнего крыла доносился приглушённый разговор слуг, где-то внизу звякнула посуда. Дом ещё не спал, но жил своей обычной жизнью и пока не знал, что хозяин больше не отдаст ни одного распоряжения.

На мужчине была тёмная, ничем не примечательная одежда — такая, какую мог носить небогатый приказчик, дорожный слуга или мастеровой. Нижнюю половину лица закрывала плотная тканая полоса, сшитая в кольцо и натянутая до переносицы.

Он направился к комнате Вегги.

Не крался, не прижимался к стенам и не перебегал от двери к двери. Шёл обычным уверенным шагом.

Только шагов его не было слышно.

У покоев Вегги дежурил Буррот.

Он сидел на тяжёлой скамье, широко расставив ноги и сложив руки на груди. В полумраке его грузная фигура почти заслоняла дверь. Увидев приближающегося человека, Буррот нахмурился и начал подниматься. Мужчина снял ткань с лица.

В его руке появилась короткая трубка, похожая на тонкую свирель без отверстий. Он поднёс её к губам.

Буррот успел только удивлённо прищуриться. Мужчина резко выдохнул.

Крошечная стрелка впилась Бурроту в щёку.

— Ай!

Он хлопнул себя ладонью по лицу, выдернул тонкую иглу и недоумённо посмотрел на неё.

— Укусил, что ли, кто...

Язык перестал его слушаться. Буррот покачнулся, ухватился за стену. Огромные пальцы соскользнули по деревянной панели. Он попытался сделать шаг, но ноги уже подгибались. Мужчина молча наблюдал.

Буррот осел на колени, потом тяжело завалился набок. Из груди вырвался хриплый, беспомощный звук. Глаза оставались открытыми. Он всё видел и, судя по ужасу в них, всё понимал, но тело больше ему не принадлежало. Мужчина убрал трубку, перешагнул через него и открыл дверь.

Вегга сидела у окна. Эрка она отпустила ещё до ужина, приказав явиться утром чистым, выпавшимся и в хорошем настроении. Теперь ничто не мешало ей читать.

На коленях лежал алхимический трактат. На отдельном столе возле стены теснились склянки, реторты, ступки и небольшие весы. В воздухе пахло сушёными травами, винным уксусом и чем-то горьким, оставшимся после недавнего выпаривания. Вегга перевернула страницу.

Дверь за её спиной закрылась так тихо, что она ничего не услышала.

Мужчина приблизился к ней абсолютно бесшумно. И стилет коснулся её горла прежде, чем она успела заметить чужое отражение в оконном стекле. Холодное остриё легло точно под подбородком. Едва надавило — достаточно, чтобы кожа натянулась и Вегга поняла: ещё одно движение, и металл войдёт глубже.

— Не поворачивайся, — произнёс мужчина почти ей в ухо. — И слушай. Если закричишь, умрёшь раньше, чем кто-нибудь войдёт.

Вегга замерла. Только пальцы сильнее вцепились в края книги.

Она едва заметно кивнула, боясь задеть остриё.

— Твой отец очень подвёл серьёзных людей, — продолжил незнакомец. — Пять минут назад с ним от горя и обиды случился удар. Он сразу скончался.

Вегга рванулась вперёд. Книга соскользнула с колен и с тяжёлым хлопком упала на пол. Стиллет на мгновение впился в кожу. Боль была острой, горячеей.

Чужая рука схватила её за плечо и резко вернула к спинке кресла.

— Я велел не двигаться.

— Отец...

— Теперь ты тоже очень огорчена. Настолько, что решила немедленно уехать в Булаль.

Вегга тяжело дышала через нос. На шее под остриём уже собиралась тёплая капля крови.

— Не завтра, — продолжил мужчина. — Не после похорон. Сегодня. Прямо сейчас соберёшь необходимые вещи и выедешь из города.

— Куда?

— В Булаль. В гавани тебя ждёт «Северная Птица».

— Кто меня там встретит?

— Кто нужно.

— А когда я смогу вернуться?

— Когда будет надо, тебя позовут. Тот, кому нужно, тот и позовёт.

Он убрал руку с её плеча, но стиллет остался на месте.

Вегга осторожно пошевелила пальцами.

На правой руке был надет тонкий перстень с вытянутым камнем. Под камнем скрывалась короткая игла. Достаточно повернуть кольцо, провести по чужой коже — и через несколько вдохов человек уже не сможет удерживать оружие.

Нужно было лишь добраться до его руки.

— Твой громила лежит за дверью — сказал мужчина. — Он больше тебе не поможет.

Вегга снова застыла.

— Ты убил его?

— Возможно.

Это могло быть правдой. Буррот был огромным, тупым и неприятным, но надёжным. Если он не остановил этого человека, больше в доме никто не сможет его остановить.

— Не вздумай хватать со стола склянки, — продолжил незнакомец. — Не успеешь ни бросить, ни плеснуть. Любое быстрое движение рукой — и в твоей шее появится отверстие.

Он словно видел её мысли. Вегга медленно разжала пальцы.

— Даже лучшие твои яды действуют медленнее меня — сказал мужчина.

Свободной рукой он достал из-за пазухи сложенный пергамент и положил перед ней поверх раскрытого трактата.

— Прочти.

Вегга опустила глаза.

Документ был составлен аккуратно и вполне законно. В нём говорилось, что на время её отсутствия управление всем вступающим к ней наследством передаётся человеку, чьё имя стояло внизу.

Вегга узнала имя.

И окончательно поняла, кто прислал ночного гостя.

— Подпишешь здесь и здесь — сказал мужчина. — Затем поставишь личную печать.

— Это начало моего конца.

— Нет. Это начало твоего путешествия в Булаль.

— Вы заберёте всё.

— Если будешь разумна, получишь достаточно, чтобы жить как уважаемая дама. Потом, когда скажут, вернёшься и вступишь в наследство.

— А если я не буду разумна?

Остриё надавило сильнее.

— Тогда горе окажется слишком тяжёлым и для тебя.

Вегга посмотрела на алхимический стол. До ближайшей склянки было не больше двух шагов. В синем стекле хранился состав, от которого человек слеп на несколько минут. В маленьком зелёном пузырьке — кислота. Перстень оставался на пальце. Но между мыслью и движением стоял стилет.

И человек за её спиной об этом знал.

— Вставай, — приказал он. — Медленно.

Вегга поднялась.

Он отступил вместе с ней, не убирая клинок от горла. Подвёл к письменному столу, заставил сесть и вложил в её руку перо. Пальцы дрожали.

Она макнула перо в чернильницу и поставила подпись. Первая буква вышла слишком жирной, вторая расплылась. Пришлось остановиться и начать заново на второй строке.

— Печать.

Вегга сняла с пояса маленький футляр. Достала личную печатку, нагрела воск над свечой и прижала металл к красной капле.

Мужчина дождался, пока воск застынет.

Пергамент исчез у неё из-под рук.

— Я могу собрать вещи? — спросила Вегга.

— Можешь.

— Мне нужны деньги.

— Возьмёшь сколько унесешь.

— А мои записи?

— Сколько унесешь, столько и бери. На сборы у тебя очень мало времени.

Вегга сжала губы.

— Мало это сколько?

— До смены ночной стражи.

— Я могу не успеть собраться. Женщине нужно намного больше вещей, чем ты думаешь.

— Придется успеть.

Стилет наконец отодвинулся от её шеи.

Вегга не повернулась.

— Ты обещаешь, что меня не тронут в Булале?

— Я ничего не обещаю. Я даю тебе указания.

— Тогда почему я должна верить, что там меня не убьют?

— Потому иначе я убью тебя здесь.

Ответ прозвучал спокойно, почти буднично. Вегга почувствовала, как холодеет спина.

— Если выполнишь всё в точности, — продолжил мужчина, — у людей, которые меня послали, не будет причин от тебя избавляться. Нарушишь приказ, попробуешь предупредить кого-либо, отправишь письмо или голубя — и тебя больше не будет.

Она услышала лёгкое движение за спиной.

— Не поворачивайся, — напомнил он.

— Я поняла.

— Хорошо.

Что-то твёрдое резко ударило её сбоку по голове. Мир вспыхнул белым.

Вегга успела схватиться за край стола, но пальцы не удержали. Пол качнулся ей навстречу, свеча растянулась в золотую полосу — и всё исчезло.

Очнулась она на ковре. Во рту стоял металлический привкус. В виске тяжело и глухо билось сердце. Несколько мгновений Вегга не понимала, где находится и почему лежит на полу собственной комнаты.

Потом вспомнила стилет. Она резко прижала ладонь к горлу. Пальцы нащупали тонкий порез и уже подсыхавшую кровь. Пергамента не было. Дверь осталась приоткрытой.

Вегга с трудом поднялась, придерживаясь за стол. Комната качнулась, но устояла. Она подошла к двери.

В коридоре лежал Буррот. Он был жив.

Глаза двигались. Грудь едва заметно поднималась. Из приоткрытого рта вырывалось невнятное мычание. Огромное тело оставалось неподвижным, будто всё ниже шеи превратилось в мокрый песок.

Вегга опустилась рядом с ним.

— Буррот?

Он моргнул. Сначала один раз. Потом ещё.

Вегга посмотрела в сторону спальни отца.

Коридор казался таким же, как прежде: лампы горели, ковёр лежал ровно, двери были закрыты.

Только теперь этот дом стал чужим.

* * *

Эрка разбудили среди ночи. Он едва успел натянуть рубаху, когда в дверь снова забарабанили. Молодой слуга из главного дома стоял в коридоре с лампой.

— Госпожа требует тебя. Немедленно.

— А что случилось?

— Сам спросишь.

По его лицу Эрк понял, что лучше не спрашивать. В доме горели почти все лампы. По коридорам торопливо ходили слуги, но никто толком не знал, что делать. Одни шептались возле лестницы, другие зачем-то носили воду. У дверей покоев Вегги лежал Буррот. Огромное тело уже перенесли к стене, под голову подсунили сложенный плащ. Он был жив, но мог только двигать глазами и издавать глухое мычание.

Эрк замедлил шаг.

— Что с ним?

— Укусило что-то, — прошептал слуга. — Наверное.

Судя по лицу Буррота, сам он не соглашался с таким объяснением.

Веггу Эрк застал в спальне. Обычно она не позволяла никому видеть себя небрежно одетой. Теперь волосы выбились из причёски и спутанными прядями лежали на плечах. Одна шпилька ещё держалась над ухом, другая запуталась в воротнике. На шее темнел тонкий порез с засохшей полоской крови. Платье было измято, на одном рукаве осталось чернильное пятно, а на щеке — красный след от ковра.

На кровати лежали раскрытые сундуки. Вегга бросала в них одежду без обычной придирчивости, сминая дорогие ткани и не заботясь о вышивке. Рядом уже высилась стопка алхимических книг, перевязанная ремнями.

— Что случилось, госпожа? — спросил Эрк.

Она обернулась. Взгляд был мутным от боли и ярости.

— Это ты?

Эрк растерялся.

— Вы же меня позвали, госпожа.

— Да, вспомнила. Тогда не стой столбом. Уйди с дороги.

Он послушно отступил к стене. Вегга схватила со стола шкатулку, открыла, высыпала на покрывало украшения и начала быстро перебирать их, выбирая самые дорогие. Руки у неё всё ещё немного дрожали. Один перстень упал на пол. Она выругалась и пнула его под кровать. Эрк молчал.

Он не знал, что произошло, но понимал главное: сегодня госпожа была опаснее обычного. Возможно, даже опаснее, чем тогда, когда превратила невинного человека в труп ради проверки яда.

Вегга снова посмотрела на него. Сначала — как на лишний предмет, который мешает закрыть сундук. Потом её глаза слегка сузились.

Эрк видел этот взгляд прежде. Так она смотрела на склянку, решая, куда её поставить, или на человека, прикидывая, для чего он ещё может пригодиться.

Лицо Вегги прояснилось.

— Котик, ты умеешь править лошадьми?

Голос стал приторно-мягким.

Эрк выпрямился.

— Да, госпожа! — ответил он с той радостью, которую научился изображать без промедления.

— Хорошо. Беги во двор и вели закладывать дорожный возок. Шестёркой.

— Куда мы едем?

Улыбка исчезла.

— Вопросы?

Эрк сглотнул.

— Нет, госпожа.

— Ты уже научился задавать мне вопросы без разрешения?

— Нет, госпожа.

— Тогда почему всё ещё стоишь?

— Уже бегу!

Он выскочил из комнаты.

Вегга проводила его взглядом и вернулась к сборам. За полчаса она взяла всё, что успела вспомнить: несколько платьев, бельё, тёплую накидку, лекарства, алхимические принадлежности и самые важные книги. Что-то наверняка осталось в шкафах и ящиках. Теперь это уже не имело значения.

Главное лежало в комнате отца.

Дверь в спальню Вебранда была приоткрыта. Возле неё никого не было. Слуги ещё не решались войти без приказа.

Вегга вошла одна. Отец сидел в кресле у стола.

Голова тяжело откинулась на спинку, рот приоткрылся. Лицо приобрело синевато-серый оттенок, особенно вокруг губ. Одна рука лежала на животе, вторая свесилась к полу. Опрокинутая чаша оставила на ковре тёмное пятно.

Вебранд Пуссар выглядел так, словно просто заснул в неудобной позе. Только грудь не двигалась.

Вегга остановилась перед ним.

Ни слёз, ни крика не последовало. Она несколько мгновений смотрела на мёртвого отца, затем взяла его за подбородок и повернула лицо к свету. Зрачки были неподвижны.

Она наклонилась, понюхала губы, потом бороду и край опрокинутой чаши. Коснулась языком капли, оставшейся на серебряном ободке, и сразу сплюнула в платок.

Ничего знакомого.

Ни горечи чёрного корня. Ни сладковатого запаха лунного гриба. Ни металлического привкуса тех составов, с которыми она работала сама.

«Надо выяснить, чем его отравили».

Мысль пришла холодная, почти восхищённая.

«Очень хороший яд. Я хочу такой же».

Только после этого Вегга позволила себе посмотреть на отца не как алхимик.

— Во что же ты вляпался, папа? — тихо спросила она.

Вебранд не ответил. На столе лежали раскрытая счётная книга, несколько писем и лист с перечнем выплат. Вегга быстро просмотрела записи. Обычные городские расходы, пошлины, жалованье, покупки. Ничего, за что стоило убивать бургомистра. Она подошла к бюро.

Отец считал свой тайник надёжным. Он не знал, что однажды Вегга подсмотрела из-за неплотно закрытой двери, как тот открывает его. Правый подсвечник нужно было повернуть один раз вправо. Затем дважды влево.

Внутри бюро тихо щёлкнуло. Боковая планка отодвинулась, открывая узкий потайной ящик.

В нём лежали небольшой мешочек с лирном, кошель с талерами и тонкая тетрадь в тёмном кожаном переплёте. Вегга открыла её.

На первых страницах шли даты и суммы. Дальше появились имена — настоящие имена людей, которых отец в разговорах называл только титулами. Хозяин Железа. Хозяин Хлеба. Хозяин Моря. Хозяин Золота.

Платежи. Посредники. Поручения.

Отдельные записи были сделаны условными знаками, но Вегга знала привычки отца достаточно хорошо, чтобы понять большую часть.

Она перелистнула ещё несколько страниц. Страх понемногу отступал, освобождая место чему-то более привычному и надёжному. Злости.

— Теперь я знаю, во что ты вляпался, папа, — прошептала она. — И кто тебя убил.

Она ещё не знала, что сделает с этими людьми. Но уже знала, что не забудет ни одного имени.

Тетрадь исчезла под платьем. Мешочек с лирном Вегга убрала в поясной карман. Затем выгребла всё золото из тайника и письменного стола, не оставив даже мелких монет.

С отцом она больше не попрощалась. В коридоре её уже ждал Эрк.

— Возок закладывают, госпожа. Конюх сказал, шестёрка будет готова через четверть часа.

— Хорошо. Перетащи с моей кровати перину и все подушки.

Эрк моргнул.

— В возок?

— А куда еще, дуралей! Конечно, в возок.

— Да, госпожа!

Он побежал. У лестницы появился дворецкий Вебранда — пожилой мужчина с совершенно белым лицом. Он попытался что-то сказать, но Вегга ткнула пальцем ему в грудь.

— Ты. Две корзины еды в возок. Хлеб, мясо, сыр, всё, что можно есть в дороге. И небольшой бочонок вина.

— Фрейя Вегга, ваш отец...

— Я знаю.

Дворецкий закрыл рот.

— Я должна немедленно ехать в Боум. Всё положить в возок. Быстро.

— Но ночью...

— Ты оглох?

— Нет, фрейя.

— Тогда исполняй.

Во дворе уже запрягали лошадей. Крытый дорожный возок стоял под навесом. Его высокий деревянный кузов был расписан зелёными и золотыми полосами, узкие окна закрывались кожаными занавесями. Но у таких возков не было рессор. Даже при медленной езде внутри трясло так, что после нескольких часов начинали болеть зубы. Перина и подушки должны были сделать дорогу хотя бы терпимой.

Три пары лошадей нетерпеливо били копытами по камню. Конюхи затягивали постромки и проверяли упряжь. Из ноздрей животных в прохладном воздухе шёл пар.

Вегга вытащила маленькую склянку.

Она велела принести шесть ломтей хлеба, плеснула на каждый золотистой жидкости и лично скормила лошадям. Животные жадно подбирали хлеб мягкими губами, не зная, какую услугу им предстояло оказать хозяйке. Эрк устроился на козлах и взял в руки вожжи.

— Гони во всю мочь без остановок до первой сменной станции, — приказала Вегга. — Не береги их. Там возьмём свежих.

— А они выдержат, госпожа?

— Я дала им «Золотую силу». Пока она действует, они будут бежать как ветер.

Эрк с интересом посмотрел на пустую склянку.

— Я тоже хочу такое средство.

Вегга поднялась на подножку.

— Хочешь сдохнуть в судорогах, как только оно перестанет действовать?

Его лицо вытянулось.

— Нет, госпожа.

— Вот и я не хочу. Ты мне ещё понадобишься.

Она забралась внутрь. Перину уложили поперёк узкого сиденья, подушки навалили по углам. На полу теснились сундук, корзины, книги и бочонок вина. Вегга устроилась среди них, захлопнула дверцу и задёрнула занавеску.

— В Боум! — крикнула она.

Эрк взмахнул кнутом.

Возок рванулся так резко, что Веггу отбросило на подушки. Колёса загрохотали по камням. Лошади понеслись к воротам, вытянув шеи и уже не чувствуя ни тяжести упряжи, ни страха перед темнотой.

* * *

Хасслер находился примерно на полпути к ратуше, когда из боковой улицы вылетел расписной возок.

Он ехал верхом вместе с заместителем и шестью солдатами. Пришлось резко осадить лошадей и прижаться к краю дороги.

Шестёрка неслась во весь опор. Подковы высекали искры, кузов подпрыгивал на камнях, колёса грохотали так, будто сейчас разлетятся. На козлах сидел молодой возница в распахнутой рубаше и обеими руками удерживал натянутые вожжи.

Возок промчался мимо, обдав отряд пылью.

Заместитель проводил его взглядом.

— Возница сошёл с ума. Они же так падут через час.

— Возможно, — ответил Хасслер.

— И куда можно так спешить среди ночи?

— Возможно, везут богатого больного к альтмедику.

Заместитель оглянулся на удаляющиеся огни.

— А почему тогда не привезти альтмедика к богатому больному?

— Может быть, везут альтмедика.

— В перинах и с бочонком вина?

Хасслер повернул к нему голову.

— Вам удалось всё это рассмотреть?

— Окна были не закрыты.

— Тогда вы наблюдательнее меня.

Он снова направил лошадь к ратуше.

— Но нам нужен бургомистр, а не альтмедик. Сосредоточимся на этой задаче.

За их спинами постепенно затих грохот колес о брусчатку.

Глава 13

После полудня они снова собрались в комнате наследника.

Осмотр дома Вебранда закончили. Слуг допросили по двое, затем по одному, после чего наиболее перепуганных допросили ещё раз. Никто ничего не видел. Никто ничего не слышал. Даже те, кто ночью почему-то не спал, замечали лишь других слуг, которые тоже ничего не слышали.

На столе Торина лежали исписанные листы, перечни, показания и несколько изъятых писем. Рядом стояла тарелка с нетронутой холодной едой. Хасслер уже дважды собирался поесть и оба раза забывал.

Комната выглядела так, словно хозяин вышел ненадолго. Кровать была застелена, книги аккуратно расставлены, у окна оставалось кресло с пледом на спинке. Только дорожная сумка исчезла, а на письменном столе остался открытый футляр без любимой бритвы наследника.

Заместитель закончил читать очередное показание и отложил его в сторону.

— Буррот так и не пришёл в себя.

— Он хотя бы жив?

— Дышит. Глазами двигает. Иногда мычит. Дворецкий Вебранда находится в крайнем затруднении и спрашивает, что с ним делать. Может вызывать альтмедика?

Хасслер потёр переносицу.

— Да-да. Того самого, про которого вы вспомнили, когда мы увидели возок.

Заместитель кашлянул, скрывая улыбку. То самый возок Хасслер видел собственными глазами.

Расписной кузов, шестёрку взбесившихся лошадей, молодого возницу на козлах. Возможность остановить его у Хасслера была. Достаточно было поднять руку, перегородить улицу и потребовать открыть дверцу. И Вега была бы в их руках.

Но в тот момент не существовало ни одной разумной причины это делать.

Богатые люди спешили по самым нелепым поводам. Ехали к умирающим родственникам, везли альтмедиков, бежали от семейных скандалов или торопились заключить сделку прежде, чем передумает вторая сторона. Останавливать каждый возок только потому, что он движется слишком быстро, было бы не предусмотрительностью, а самодурством.

И всё же теперь тот грохот колёс вспоминался особенно отчётливо.

Хасслер вздохнул.

— Кстати, есть новости от погони за дочерью Вебранда?

— Только что вернулся командир отряда.

— Быть провидцем — занятие неблагодарное, но я попробую. Первое: не догнали.

— Не догнали.

— Что-нибудь нашли?

Заместитель перелистнул записи.

— На первой сменной станции подтвердили, что возок проходил у них ночью. Станционный смотритель запомнил упряжку.

— Шестёрка?

— Да. Все шесть лошадей добежали до станции самостоятельно. Вот его слова: «Пришли на ногах, одн. Все шесть. А потом начали падать. Сперва коренная, за ней пристяжная. Через четверть часа ни одной живой не осталось».

Хасслер перестал барабанить пальцами по столу.

— Значит, они не пали от такой скачки, а всё-таки добежали до станции.

— Да. Там Вега потребовала свежую шестёрку. Деньги предложила сразу, поэтому ей не отказали. Трупы животных станционный смотритель велел оттащить за конюшни.

— Не устали, не охромели, а умерли одна за другой?

— В судорогах.

Хасслер вспомнил алхимический стол в комнате Вегги, ряды склянок и странные запахи.

— Значит она что-то дала своим лошадям. Раз так их гнала их с самого начала.

— Похоже на то.

— Второе, — продолжил Хасслер, — в Боуме её не нашли.

Заместитель помедлил.

— Не совсем.

— Поясните.

— Её след нашли. Саму — нет.

Хасслер взял чистый лист.

— Продолжайте.

— Возок обнаружили недалеко от пирса. Брошенным. Внутри остались перина, несколько подушек, пустая корзина и разбитая бутылка вина.

— Свидетели?

— Сторож пирса видел молодую женщину и парня. Всё происходило ночью, поэтому он их и запомнил. Обычно в такое время суда не отходят. А тут на одном корабле зажгли огни, начали таскать груз. Погрузили сундук, несколько свёртков и корзины. Потом подняли сходни и почти сразу отплыли.

— Название судна?

— «Синяя Косатка».

— Куда направлялась?

— В портовой канцелярии утверждают, что она приняла груз до Виртвала и должна была выйти утром.

Хасслер поднял глаза.

— Но ушла ночью.

— Да.

— Почему?

— Это знает только капитан.

— Когда вернётся?

— Если рейс пройдёт без задержек — через две недели. Возможно, через три.

Хасслер написал на краю листа:

Расспросить капитана «Синей Косатки»: почему вышел ночью.

Поставил рядом жирную отметку.

— Значит, Вегга не просто бежала. Она заранее нашла корабль или купила его срочный выход. Она уходила по заранее продуманному пути.

— Или купила капитана прямо на месте.

— За несколько минут?

— У неё было много золота.

Хасслер посмотрел на записи, изъятые из дома Пуссаров.

— Теперь, возможно, значительно меньше.

Он отложил перо.

— Такая поспешность... Неужели дочь отравила отца?

— Альтмедик говорит, что следов яда не видит.

— Не видит?

— Именно так.

— А кроме глаз он что-нибудь применял?

— Магического анализа ещё не проводили. Альтмедик ищет лири. Его собственные запасы закончились.

Хасслер откинулся на спинку кресла.

Коррилен. Он вспомнил тяжёлый разговор с Элайн — ещё до её отъезда, когда они обсуждали бунт, перекрытые поставки и то, как исчезновение лирна отзовётся далеко за пределами одного похода.

Теперь мёртвый бургомистр лежал в собственной спальне, а альтмедик не мог определить причину смерти, потому что ему нечем было провести исследование. Это будет отзываться им всем ещё очень долго.

— А вы как думаете? — спросил Хасслер. — Действительно удар?

Заместитель помедлил.

— Думаю, ему помогли получить этот удар.

— Кто?

Тот развёл руками.

— Вот тут я в затруднении. В доме никто не видел посторонних. Двери не взломаны. Слуги утверждают, что Вебранд вечером никого не принимал.

— А Буррот?

— Пока не может ничего рассказать.

— Вы же видели в спальне Вебранда открытое бюро?

— Да. И выдвинутый потайной ящик. Пустой. Оттуда явно что-то забрали.

— Вегга?

— Вероятнее всего. Она собиралась в большой спешке, забрала золото, книги и всё, что сочла ценным.

— Или открыла ящик уже после того, как кто-то забрал главное.

Заместитель нахмурился.

— Тоже возможно.

— Кто ещё был посвящён в секреты её отца?

— Мы не знаем.

— Прекрасно.

Хасслер постучал пальцами по столу.

— Теперь вернёмся к наследнику. Кто видел, как Элайн, Торин и Кермунд вошли в Быструю Дверь?

— Из слуг — никто.

— Стража?

— Тоже нет. После боя дворец оцепили, но в подвальные помещения стражников не пускали.

— Даже ближайший слуга Торины ничего не видел?

— Если вы о Кермунде, начальник дворцовой стражи чуть не начал плевать, когда я назвал его слугой.

— Кермунд был учёным секретарём наследника. - скучным голосом поправил Хасслер.

— Теперь я это знаю. Начальник стражи объяснил подробно. Несколько раз.

— Кто ещё мог присутствовать?

Заместитель сверился с листом.

— Дворецкий. Вильбранд.

Хасслер поднял голову.

— Где он?

— Уехал в тот же день.

— Куда?

— Никто не знает.

— Когда именно?

— Через несколько часов после исчезновения наследника. Собрал небольшую сумку, взял деньги и покинул дворец. Одни слуги решили, что он отправился следом в Рауссбург. Другие — что испугался возможного возвращения людей Вебранда.

— И никто не спросил?

— Он был дворецким наследника. Здесь привыкли, что спрашивает он.

Хасслер медленно кивнул.

— Значит, у нас есть мёртвый бургомистр, исчезнувшая дочь бургомистра, парализованный громила, пустой тайник, корабль, ушедший ночью в Виртваль, пропавший наследник, пропавшая Элайн и дворецкий, отправившийся неизвестно куда.

— Да.

— Нам срочно нужно найти разбитое корыто.

Заместитель озадаченно посмотрел на него.

— Зачем?

— Чтобы я мог в точности описать Совету, с чем мы остались.

Он собрал листы в одну стопку.

— Всем отдыхать. Завтра утром возвращаемся в Рауссбург. Здесь мы больше ничего не узнаем, пока Буррот не начнёт говорить или не вернётся капитан «Синей Косатки».

За дверью слышались быстрые шаги.

Не успел Хасслер поднять голову, как в комнату вбежал стражник. Он остановился на пороге, тяжело дыша, и протянул маленькую металлическую трубочку.

— Оди Хасслер... Голубь из Рауссбурга.

— Давайте сюда.

На крышке стояла печать Совета.

Хасслер сломал её и вытащил свёрнутую полоску пергамента. Послание состояло всего из двух строк.

Он прочитал их один раз. Потом ещё раз, медленнее.

— Что там? — спросил заместитель.

Хасслер положил письмо на стол.

— «Немедленно возвращайтесь, несмотря ни на что. Император скончался сегодня утром».

В комнате стало очень тихо.

Заместитель первым прикоснулся к оберегу, висевшему у него под воротом.

— Лайен, Великий и Всемогуший, прими душу Императора.

Хасслер тоже коснулся своего оберега.

Несколько мгновений оба молчали.

За окном слышались обычные звуки дворцового двора: ржание лошади, стук ведра, чей-то окрик. Мир продолжал жить так, словно ничего не произошло.

Заместитель осторожно спросил:

— Какая дата стоит на послании?

Хасслер снова взял пергамент.

— Вчерашняя.

Он положил письмо на стол с такой осторожностью, словно тонкая полоска могла рассыпаться в руках.

— Значит, Император умер вчера утром.

Заместитель перевёл взгляд на печать.

— А что сказано о наследнике?

— Ничего.

— Совсем?

— Ни слова.

— Наверное, Торин уже там. Возможно, он сам велел отправить письмо, а печать Совета поставили вместо его собственной.

Хасслер посмотрел на него.

— Молитесь всей Священной Десятке, чтобы так и было.

— Вы думаете...

— То, что я думаю, сейчас не имеет значения.

Он поднялся.

Усталость, ещё мгновение назад тянувшая плечи вниз, исчезла. Осталась только ясная необходимость действовать.

— Имеет значение только одно: попал ли наследник в Рауссбург. Мы выезжаем.

— Но вы только что приказали отдыхать до утра.

— Приказ отменяется.

Хасслер начал медленно складывать документы в дорожную папку.

— Немедленно седлать коней. Возьмём свежих животных из дворцовой конюшни. Через четверть часа выступаем.

Заместитель тоже поднялся, отряхивая камзол от невидимых крошек.

— Брать всех людей?

— Тех, кто способен держаться в седле. Остальные догонят после.

Он ещё раз посмотрел на лежащее письмо.

Император был мёртв. Наследник исчез. Совет требовал его возвращения и не упомянул Торуна ни словом.

Отдых действительно закончился.

— Боюсь, — тихо сказал Хасслер, — теперь у нас отдыха не будет ещё долго.

Глава 14

К пристаням они шли уже больше получаса. Виртваль оказался совсем не похож на Боум.

Там город прежде всего пах морем, рыбой, смолёными сетями и мокрыми досками. Здесь море чувствовалось скорее по движению многочисленных товаров, чем по запаху. По мостовой гремели телеги с тюками шерсти и свёрнутыми тканями, под навесами грузчики перекачивали бочки, над открытыми дверями красильных мастерских висели полосы материи — густосиние, красные, жёлтые. Из одного двора тянуло горячей щёлочью, из другого — чем-то едким и минеральным.

Попадались лавки стекольщиков. В одной на солнце вспыхнул ряд маленьких зеркал в деревянных рамах, и Элайн невольно задержала на них взгляд. Хорошие. Очень хорошие.

В другом месте двое мальчишек тащили длинный ящик с надписью, которую она не разобрала, а хозяин лавки орал им вслед, чтобы не били углы: внутри было стекло.

Никому из прохожих не было до них дела. И это Элайн устраивало как нельзя больше.

Торин выглядел сухощавой пожилой женщиной с серыми волосами, спрятанными под простым платком. Морок добавил ему морщин у глаз и тяжёлые складки у рта. Шёл он осторожнее обычного и слегка сутулился и кажется, начал получать от роли какое-то странное удовольствие.

Кермунд превратился в очень молодую девушку с узким лицом и тёмными волосами. Закрытую плетёную корзину он держал обеими руками перед собой. На самом деле это были его книги. Сам Кермунд выглядел так, словно всё человечество лично оскорбило его этим превращением. И это, по мнению Элайн, делало образ ещё убедительнее.

Она одна оставалась собой, насколько это вообще было возможно: волосы полностью убраны под платок, Чёрный Цветок она завернула и привязала к своим сумам так, чтобы он выглядел как неудобный длинный груз.

Они миновали лавку с тканями, обошли телегу, перегородившую половину улицы, и влились в поток людей, двигавшийся к пристаням. Элайн заметила двоих не сразу.

Один был худой, с жидкой бородой и мятым колпаком. Второй — коренастый, в короткой куртке с засаленными рукавами. Оба держались слишком близко, потом отстали, когда Элайн остановилась пропустить телегу, а через минуту снова оказались позади.

Она не обернулась.

У следующего перекрёстка свернула вправо. Торин послушно последовал за ней. Кермунд тоже.

Через несколько десятков шагов Элайн остановилась возле прилавка с дешёвыми деревянными гребнями, потрогала один, покачала головой и пошла дальше.

Они всё ещё были там. Теперь уже оба.

«Может быть, совпадение».

На следующей улице она резко перешла на другую сторону.

Мужчины перешли следом.

Элайн почувствовала, как внутри начинает неприятно холодеть. Не страх.

Скорее раздражение от того, что опасность всё-таки могла настичь их так быстро.

Она нашла глазами узкий проход между двумя каменными домами и свернула туда.

— Куда мы идём? — тихо спросил Торин.

— Нужно кое-что проверить.

Переулок оказался именно таким, какой ей был нужен. Узким, сырым и грязным. Сверху почти смыкались выступающие этажи домов, поэтому даже днём здесь царил сумрак. Под стеной текла мутная вода, пахло помоями и мокрой золой. Из-под перевёрнутого ящика выскочила толстая крыса, перебежала дорогу и исчезла в щели. Торин шархнулся.

— Куда мы зашли?

— За нами следят.

Он сразу перестал смотреть на крысу.

— Кто?

— А вот сейчас и узнаем.

Кермунд прижал корзину крепче.

— Это феорские агенты?

— Надеюсь, что нет.

— А если да?

— Тогда они совершили большую ошибку.

Позади послышались шаги. Элайн остановилась. Торин и Кермунд тоже.

Через несколько секунд из-за угла появились оба мужчины.

При виде троих женщин, спокойно ожидающих посреди переулка, они на мгновение растерялись. Потом коренастый ухмыльнулся и посмотрел на пожилую женщину.

— Ну вот и хорошо, бабуля. Нам тут точно не помешают. Давай сюда пожитки.

Он оглядел остальных и довольным тоном добавил:

— Давайте, девочки, скидывайте груз. Он вам больше не пригодится.

В его руке появился короткий нож. Второй тоже вытащил из сапога тёмное лезвие.

Торин успел только вдохнуть. А Элайн сама пошла им навстречу. Без меча. Без угроз.

Коренастый даже начал улыбаться — ровно до того момента, когда её сапог неожиданно и резко врезался ему между ног.

Воздух вырвался из него одним коротким звуком. Нож выпал в грязь.

Мужчина согнулся, будто его сложили пополам, сделал один полушаг и рухнул на колени.

Через мгновение уже лежал на боку, прижав руки к паху, с закрытыми глазами и серым лицом.

Второй застыл. На лице его появилось совершенно детское недоумение.

Но он быстро пришёл в себя и бросился на неё, попытавшись ударить её ножом.

Элайн перехватила его руку.

"Прямо как в том подвале"

Тело вспомнило раньше головы. Рывок. Резкий поворот руки. Его сустав сухо хрустнул.

От дикой боли незадачливый грабитель открыл рот для крика, но удар снизу в челюсть захлопнул его прежде, чем звук успел вырваться. Он рухнул рядом с братом. Нож отлетел к стене.

Тишина. Где-то за домами по-прежнему шумела большая улица. Кричал торговец. Скрипели колёса. Кто-то ругался из-за цены на ткань.

В переулке лежали два взрослых мужчины.

Элайн стояла над ними. Торин смотрел на неё, не моргая.

Кермунд первым нарушил молчание:

— Это всё?

Элайн наклонилась, ногой отодвинула нож подальше.

— Да, они уже долго не встанут. Если вообще смогут.

Торин наконец выдохнул.

Он посмотрел на первого мужчину. Потом на второго. Потом снова на Элайн.

— Они были вооружены.

— Ну если эти ножики можно назвать оружием, то да.

— Их было двое.

— Ты сегодня просто невероятно проницателен.

— А ты даже меч не достала.

Элайн пожала плечами.

— Слишком много чести для этих...

Торин ещё раз посмотрел на лежащих.

Схватка заняла столько времени, сколько ему обычно требовалось, чтобы открыть заевшую застёжку на дорожной сумке. Он знал, что Элайн сильна. Знал, что она умеет сражаться. Видел последствия её силы.

Но одно дело — знать.

И совсем другое — видеть, как двое мужчин с ножами за несколько мгновений превращаются из угрозы в неподвижные тела на грязных камнях. Кермунд осторожно подошёл ближе и наклонился.

— Они совершенно не похожи на феорских агентов.

Элайн взглянула на засаленную куртку одного, на дырявый сапог второго и на жалкий нож у стены.

— Да. То есть нет, совсем не похожи.

— Тогда зачем они за нами шли?

Торин посмотрел на собственные старческие руки, созданные мороком.

Потом на Кермунда — юную девушку с корзиной. Потом на Элайн.

— Потому что решили, что нас можно легко ограбить.

Элайн криво усмехнулась.

— Они очень ошиблись.

Она подошла к первому. Торин сперва подумал, что она хочет проверить, жив ли он.

Элайн поставила сапог ему на горло.

— Элайн?...

Она сильно нажала ногой ему на шею. Мужчина дёрнулся, попытался схватить её за ногу. Элайн не шелохнулась. Через несколько секунд сопротивление прекратилось.

Торин побледнел. Кермунд тоже молчал.

Элайн подошла ко второму.

— Нет, — вырвалось у Торина.

Она остановилась и посмотрела на него.

— Что нет?

— Ведь они уже не опасны.

— Сейчас — нет.

— Тогда зачем?

Элайн несколько мгновений смотрела на лежащего человека.

— Потому что я точно не знаю, кто они.

— Это же обычные грабители.

— Возможно.

Она снова перевела взгляд на Торина.

— А если нет? Если хотя бы один из них работает на Феор — за деньги, за выпивку, за возможность донести нужному человеку? Если придет в себя и потом расскажет, как высокая женщина вывела его из строя меньше чем за полминуты?

— Но ты этого не знаешь.

— Не знаю.

Она произнесла это спокойно. И именно её спокойствие испугало Торина сильнее всего.

Элайн закончила со вторым так же быстро, как и с первым. Потом подняла с земли один из ножей, вытерла рукоять о куртку владельца и бросила оружие в сточную канаву.

— Это отвратительно — сказала она. — Но если они хоть как-то связаны с Феором и останутся живы, мы можем оказаться в серьёзной опасности. В очень серьёзной.

Торин ошеломлённо смотрел на неё.

— А если не связаны?

Элайн задержалась на несколько секунд.

— Тогда это двое людей, которые выбрали беззащитных женщин для грабежа.
Она взглянула на тела.

— Моего сострадания они всё равно не заслужили.

Кермунд нахмурился, но ничего не сказал. Торин тоже молчал.

— Я всю жизнь училась принимать неприятные решения. — Элайн поправила ремень своей сумы. — Пойдёмте. Нам нельзя здесь оставаться.

Она первой направилась к выходу из переулочка.

Торин стоял неподвижно.

Перед ним шла та же женщина, которая совсем недавно смеялась у костра, называла его ужасным мальчишкой и рассказывала о решении, за которое до сих пор не могла себя ни простить, ни окончательно осудить. Красивая. Очень красивая. И вдруг совершенно чужая.

Что-то внутри него оборвалось с тихим звоном — будто драгоценное ожерелье уронили на каменный пол, и оно разлетелось в разные стороны искристыми брызгами.

Он понял, что всё это время видел в Элайн лишь те её стороны, которые ему нравились. Силу. Смелость. Насмешливость. Упрямство. Заботу, которую она сама не хотела признавать заботой.

Остальное он просто не замечал. Торин ещё раз посмотрел на два неподвижных тела.

Потом на удаляющуюся Элайн.

Люди оказались намного сложнее того, что ему хотелось о них думать.

Он вздохнул и пошёл следом. Две крысы уже копошились около мертвых тел.

* * *

До самых пирсов всё было спокойно. Они пришли как раз в тот час, когда порт, казалось, решил делать всё одновременно.

У одного причала грузили сразу два судна. По широким сходням перекатывали бочки, подталкивая их деревянными рычагами; грузчики шли друг за другом с мешками на плечах, ругаясь на тех, кто задерживал проход. Мимо протащили тележку с ящиками, из которых доносился осторожный звон стекла. Над головой скрипел ворот, поднимая увязанный верёвками тук ткани. Кто-то считал места груза, кто-то спорил о весе, кто-то требовал позвать писца, потому что в накладной опять недоставало трёх бочек.

Пахло смолой, мокрым деревом, конским потом, пряностями и красками.

Морем — тоже. Но совсем не так, как в Боуме.

Рыба здесь попадалась лишь отдельными корзинами у небольших лодок и совершенно терялась среди остальных товаров. Элайн невольно замедлила шаг. Это был настоящий торговый город.

Около стены длинного склада в несколько ярусов стояли плотно закупоренные чёрные бочки, просмолённые так густо, что солнечные блики вязли на их боках. От них тянуло каким-то резким горьковатым запахом.

Элайн завела Торуна и Кермунда за эту стену бочек.

— Стойте здесь.

Торин выглянул из-за края.

— А ты?

— Осмотрюсь. Возможно, сразу найду, как отсюда уехать. Никуда не уходите.

Кермунд прижал к себе плетёную корзину, под мороком скрывавшую книги.

— А если нас попросят уйти?

— Тогда отойдите на десять шагов и снова стойте.

— Очень подробное распоряжение.

— Других пока не будет.

Она оставила их и вышла обратно к причалам.

Империя была совсем рядом.

По другую сторону Моря Спокойствия.

Не нужно было больше идти через Феор, пробираться через Коррилен, искать лошадей, ночевать в лесу. Нужно было всего лишь найти корабль. Купить три места. И уехать.

После всего случившегося это казалось почти неприлично простой задачей.

Элайн пошла вдоль причалов.

Никто не обращал на неё внимания. Здесь вообще мало кто смотрел на людей, если те не стояли посреди дороги или не мешали грузить товар. Она всматривалась в мужчин на палубах и у сходней, пытаясь определить, кто из них капитан, кто хозяин судна, а кто просто достаточно громко орёт, чтобы казаться важным.

Со стороны гавани раздались крики.

— Канат!

— Лови!

— Не там, болван! Левее!

К одному из свободных причалов подходил небольшой когг. Верхняя часть его бортов была выкрашена в такой яркий синий цвет, что судно выделялось даже среди пёстрых вывесок портовых складов.

С борта на причал полетела бухта каната. Первый матрос промахнулся, второй успел наступить на конец сапогом и, ругаясь, подтянул его к кнехту. К судну уже тащили тяжёлый деревянный трап.

Элайн остановилась. Судно небольшое.

Но для неё сейчас главное было не размер корабля. Главное — куда он ходит.

По причалу к синему коггу направлялся важного вида толстяк в добротном кафтане, с дощечкой для записей под мышкой. Элайн скользнула по нему взглядом и тут же забыла. В порту хватало людей, которые выглядели так, будто им принадлежит половина окружающих бочек.

На палубе появился высокий мужчина с густыми усами. На нём была тёмная войлочная шапка с отогнутым полем, короткий кожаный плащ и широкий пояс с ножом, ключами и двумя маленькими кошельками.

Он посмотрел вниз на матросов.

— Осторожнее! Чтобы вас морской Цаккон сожрал! Я у вас из жалованья вычту!

Элайн решила, что человек, угрожающий что-то вычесть из чужого жалованья, скорее всего и есть капитан.

— Эй, любезный!

Усатый посмотрел вниз.

— Чего?

— До Сонсборга ходите? Или до Боума?

— До Боума ходим!

Вот теперь Элайн остановилась окончательно.

— Когда?

— Как груз примем, так и пойдём.

— Долго принимать?

Капитан пожал плечами.

— Дня два. Может, три. Это не от меня зависит.

— Пассажиров берёте?

— Беру. Когда погрузимся.

Элайн посмотрела на сходни. Перекрикиваться через половину причала ей надоело.

Она поднялась на борт. Капитан встретил её уже без прежней доброжелательности. Взгляд прошёлся сверху вниз: простой платок, дорожная одежда, сапоги, сумка.

— Ну?

— А если отправитесь сегодня?

— Не отправлюсь.

— Без груза.

— Тем более не отправлюсь.

Он сплюнул за борт.

— Мне нужно очень срочно попасть в Боум.

— А мне-то что?

— Сколько вам платит его хозяин?

Капитан медленно повернул к ней голову.

— Нисколько.

Элайн подняла бровь.

— То есть?

— То и значит: не твоего ума дело.

Ага.

— Я заплачу вдвое больше.

Его лицо сразу стало ещё мрачнее.

— Чего?

— В два раза больше за то, что вы оставите груз здесь и сегодня же пойдёте в Боум.

— Нет.

— Втрое.

— Иди отсюда.

— Послушайте...

— Я сказал — нет!

Капитан скрестил руки на груди.

— Мне тут этого не надо.

— Чего не надо?

— Вот этого.

— Очень содержательно.

— Думаешь, первая такая умная? Сначала предлагают деньги, потом хозяин груза приходит и спрашивает, почему я бросил его товар. Или кто-нибудь узнаёт, что за пару лишних марок я нарушаю договор.

Он насупился ещё сильнее.

— Я взял груз — я его повезу. А ты ищи другого.

Элайн посмотрела на него с уважением. Упрямый. Но, похоже, честный. Или очень дорожающий репутацией. Сейчас это было одинаково неудобно.

— Втрое, — повторила она на всякий случай.

— Вон! Иначе за борт выкину.

Если бы он знал, кто из них двоих способен выкинуть другого за борт, возможно, выбирал бы слова осторожнее. К счастью для капитана, проверять это он не стал.

И Элайн тоже.

— Хорошо.

Она спустилась на причал. Что ж. По крайней мере, один корабль до Боума уже есть. Если ничего лучше не найдётся, придётся ждать два-три дня. Неприятно. Но терпимо.

Она отошла на несколько шагов и обернулась, чтобы запомнить место. Название было выведено на синем борту крупными белыми буквами. «Синяя Косатка». Элайн повторила его про себя.

Теперь это запасной вариант. Оставалось решить, где они проживут эти три дня, не привлекая внимания, и как долго продержится морок, если им придётся появляться в городе несколько раз...

На палубе «Синей Косатки» появились двое.

Сначала мужчина. Молодой, хорошо одетый, немного осунувшийся после дороги. Он спустился на несколько ступеней, обернулся и подал руку женщине.

Следом матросы вынесли сундук.

Элайн машинально посмотрела на мужчину. Тот посмотрел на неё. Они оба остановились.

Эрк.

Элайн узнала его мгновенно. Тот самый стражник, которого Эймунд Хьяртилл приставил следить за ней в Рауссборге. Она уже сделала шаг навстречу. Почти обрадовалась. Знакомое лицо. Имперский человек. Возможно, новости. Потом на сходни ступила женщина.

Элайн замерла.

Вега Пуссар. Дочь бургомистра. Дочь того самого человека, который совсем недавно пытался поднять мятеж.

Она здесь. В Виртвале. Рядом с Эрком.

«Какого?..»

Элайн остановилась прежде, чем они успели заметить её движение. Что здесь делает дочь Вебранда?

Почему Эрк с ней? Кто кого сопровождает? И главное — знает ли она, что Торин жив?

Эрк уже что-то говорил Веге. Наклонился к ней и незаметно показал в сторону Элайн.

Вега резко подняла голову. И тоже узнала её. Удивление на её лице продержалось всего мгновение.

Затем исчезло. На смену пришли злость и такое раздражение, будто Элайн не обнаружилась на другом конце мира, а без приглашения явилась к ней на ужин.

Элайн больше ждать не стала. Она развернулась и быстро пошла к складам. Не побежала.

Бегущего человека замечают. Но шаг стал настолько быстрым, насколько позволяла не привлекать внимание толпа.

За чёрными бочками всё оставалось на месте.

Торин ждал, прислонившись плечом к стене склада. Кермунд успел поставить корзину на землю — но не просто на землю. Он нашёл сухую дощечку, положил её поверх грязных камней и только потом водрузил туда свои книги.

— Всё. Уходим.

Торин сразу выпрямился.

— Что случилось?

— Уходим и быстро.

Кермунд потянулся за корзиной.

— Мы нашли корабль?

— Кое-что гораздо хуже.

— Что?

Элайн наклонилась, сама подхватила его корзину и сунула ему в руки.

— Вега только что приехала в Виртваль.

Торин нахмурился.

— Кто?!

— Да, дочь Вебранда.

Он побледнел.

— Она здесь?

— На пирсе. В двадцати шагах от нас. И она меня узнала.

Кермунд моргнул.

— Как она могла...

— Потом.

— Но...

— Уходим!

В её голосе прозвучало достаточно, чтобы оба наконец прекратили спрашивать. Три женщины — пожилая, взрослая и совсем молодая — быстрым шагом направились прочь от гавани. Элайн не оглядывалась.

Теперь маскировка Торина и Кермунда внезапно перестала казаться излишней предусмотрительностью.

* * *

— Это Элайн Кусланд, госпожа.

Эрк говорил тихо, почти не шевеля губами. Вегга продолжала смотреть вслед удаляющейся женщине.

— Я вижу.

— Мне поручали за ней следить в Рауссборге. Командир стражи лично приказал. Она очень опасная женщина.

— Я знаю.

Эрк повернулся к ней.

— Откуда?

Вегга медленно перевела на него глаза. Он сразу понял ошибку.

— Ты опять задаёшь мне вопросы?

— Простите, госпожа.

— Вот и хорошо.

Она снова посмотрела туда, где исчезла Элайн. Узнала. Конечно узнала. Такую женщину трудно было забыть.

— Надо предупредить городскую стражу — сказал Эрк. — Если она здесь, она может натворить бед.

— Может.

— Тогда я...

— Нет.

Вегга поморщилась. После нескольких часов на корабле земля всё ещё неприятно покачивалась под ногами. Во рту оставался солёный привкус, голова болела после той ночи, а ей совершенно не хотелось начинать новую войну прямо на причале. К тому же Элайн Кусланд находилась недалеко.

А это стоило сначала обдумать.

— Сначала найдёшь мне лучший трактир в этом городе.

— Но...

Вегга посмотрела на него.

Эрк исправился мгновенно:

— Да, госпожа.

— Мне нужна отдельная комната. Самая лучшая. Хорошая постель. Горячая вода. Еда. И чтобы никто ко мне не лез.

— Да, госпожа.

— Я отдохну и приду в себя после этой проклятой качки.

Она поправила перчатку.

— А потом решим, кому и что сообщать.

Эрк оглянулся в сторону, куда ушла Элайн.

— Но если она исчезнет...

— Котик.

— Да?

— Бегом.

— Бегу, госпожа.

Он подхватил одну из сумок и поспешил вперёд. Вегга задержалась ещё на мгновение возле трапа «Синей Косатки».

Элайн Кусланд в Виртвале. Этого в её планах точно не было. Но за последние сутки Вегга уже успела понять одну неприятную вещь.

Планы вообще редко интересовали окружающий мир.

Глава 15

Комната в дешёвом трактире на окраине Виртвала была маленькой, душной и явно рассчитанной на людей, которые не задают вопросов о чистоте простыней. Горела одна свеча. Хозяин вторую давать отказался — если постояльцам нужен свет, пусть сами покупают свечи.

Зато стол был заставлен едой. Не хорошей — просто едой.

Серый хлеб, круг дешёвого сыра, миска холодного мяса, лук, какие-то солёные овощи и большой кувшин кислого вина. Рядом со столом стояла большая плетёная корзина, набитая припасами на дорогу так плотно, что из-под ткани выглядывало горлышко закупоренной бутылки.

С утра никто из них толком не ел. Поэтому сначала они молчали.

Торин несколько раз попробовал вино, каждый раз морщился, но всё равно пил. Сыр оказался слишком солёным, мясо — слишком жёстким, а хлеб опять требовал от зубов почти такого же мужества, как недавняя дорога.

Он ничего не сказал. Однако по выражению его лица было совершенно ясно: наследник Империи решительно не одобряет ни кухню этого заведения, ни вино, ни сам факт существования подобного ужина.

«Скорее бы в Рауссборг».

Он отломил ещё кусок хлеба.

«Как же я соскучился по обедам, которые устраивал Вильбранд...»

Мысль почему-то оставила неприятный привкус сильнее вина.

Элайн доела последней. Её рука привычно потянулась вправо — туда, где должна была лежать салфетка. Салфетки не было. Она посмотрела на пустой край стола.

Королева внутри неё иногда всё ещё продолжала давать совершенно бесполезные в нынешних обстоятельствах распоряжения.

Элайн огляделась в поисках хоть какой-нибудь чистой ткани, ничего подходящего не нашла, горестно вздохнула и вытерла рот тыльной стороной ладони.

— Итак. Сейчас спим.

Кермунд поднял глаза от сыра.

Он уже наелся, но продолжал отламывать от оставшегося куска маленькие ломтики и зачем-то раскладывать их по размеру.

— Все?

— Желательно.

Торин поставил кружку.

— А всё-таки зачем ты купила телегу с лошадьми? Ты обещала объяснить.

— Вот и объясняю. Нам нельзя оставаться в Виртвале.

— Из-за Вегги?

— Из-за Вегги и Эрка. Тут внезапно появились два человека, которые знают меня в лицо, и с обоими отношения у меня, мягко говоря, не сложились.

Она подумала.

— Точнее, Эрку я чуть...

— Руку сломала? — перебил Торин.

Элайн посмотрела на него.

— Нет.

— Не сломала?

— Нет.

— Ты иногда меня пугаешь, Элайн.

Сказано это было без улыбки. Она сразу поняла почему. Переулок.

Элайн раздражённо отвела взгляд.

— Я сама себя иногда боюсь не меньше твоего. И ничего, живу как-то.

Торин промолчал.

— Кратко, — продолжила она, — Эрк меня очень не любит. Это взаимно. Сотрудничать со мной он не станет. А Вега...

Торин её перебил:

— Про неё я вообще ничего не понимаю. Почему она здесь? Почему прибыла именно сейчас? И почему рядом с ней Эрк?

— Ты повторил мои мысли, Торин.

Торин задумчиво покрутил кружку.

— Вебранд хотел выдать её за меня.

Элайн замерла.

— Что?!

— Замуж за меня.

Она несколько мгновений смотрела на него с искренним изумлением.

— Да ты ревнуешь, что ли?

— Кого?!

— Веггу.

— Нет!

— Ты так сказал: «А почему она с Эрком?» — очень похоже, что ревнуешь.

Торин даже выпрямился.

— Это Вебранд собирался меня на ней женить! Я не собирался жениться на Веге.

— А-а.

— Она мне и даром не нужна.

Он подумал и мрачно добавил:

— И за деньги тоже не нужна.

Элайн фыркнула.

— Вот теперь верю.

— Вебранду хотелось, чтобы его дочь стала императрицей.

— Так он тогда приехал с ней тебя женить? Одного мятежа ему показалось мало?

— Он привёз брачный договор. Хотел, чтобы мы немедленно обручились.

Торин передёрнул плечами.

— Тьфу.

Элайн пристально посмотрела на него.

— Как же мне всё это знакомо. Династические браки. Союзы семей. Люди, которые считают постель продолжением государственной политики.

Она усмехнулась без всякого веселья.

— Родега и Тейлар.

— Кто?

— Люди из моего мира. Тоже было очень похоже. Но неважно - долго рассказывать.

Она отодвинула пустую тарелку.

— Возвращаемся к Виртвалю. Здесь два человека, которые меня знают, не любят и вполне могут сообщить властям: по городу ходит опасная рыжая женщина с огромным мечом.

— Виртваль не Феор, — немедленно сказал Кермунд. — Хартия не враждует с Империей.

Элайн прикрыла глаза.

— Кермунд.

— Я сказал факты.

— Ты готов поручиться своей головой, что эти факты обеспечат нашу безопасность?

— Формально...

— Не буди во мне зверя. Он последние дни страшно не высыпается.

Кермунд надулся. Один кусочек сыра передвинул влево. Другой — вправо.

Потом, видимо, решил, что первый всё-таки меньше, и поменял их местами.

— Даже если местные власти сами ничего против нас не имеют, — продолжила Элайн, — Вегге достаточно назвать моё имя. Или Эрку что-то нашептать страже. А дальше кто-нибудь решит проверить. Потом кто-нибудь узнает Торина. Или донесет феорским агентам.

— Но ты же отобьёшься — сказал Торин.

Элайн посмотрела на него.

— А ты?

Он умолк.

— И даже если я перебую всю городскую стражу, это каким образом поможет нам отплыть?

Молчание. Кермунд снова переставил два кусочка сыра.

Торин глотнул вина и поморщился так, словно оно лично оскорбило его семью.

— Поэтому делаем так — сказала Элайн. — Сейчас спим по очереди. Выйдем ещё затемно и к открытию ворот будем там одними из первых.

— А если ворота откроют позже? — спросил Торин.

— Подождём вместе с торговцами и крестьянами. Это лучше, чем идти через город среди бела дня.

Она указала на них обоих.

— Морок наложите до выхода из трактира.

— Опять? — простонал Торин.

— Да, мама.

Он закатил глаза.

— У ворот я залезу в телегу и заруюсь в сено. Сумки навалите сверху так, чтобы меня не было видно. Вы будете вести лошадей под уздцы.

Кермунд поднял голову.

— Почему не ехать?

— Потому что править телегой никто из вас не умеет.

— А ты умеешь?

— Умею.

— Когда ты успела?

— Кермунд.

— Мне интересно.

— Если мы начнём считать мои знания и твои, ты проиграешь.

Кермунд чуть не подпрыгнул на месте.

— Вот ещё! Давай считать!

— Хорошо. — Элайн внезапно подобрела — Согласна. Ты самый умный.

Она придвинула к нему кувшин.

— Выпей вина.

Кермунд посмотрел на неё. Потом на вино. Потом снова на неё.

Он понял, что соревнование почему-то уже состоялось и он каким-то образом проиграл. Вино пить не стал.

— Когда ворота исчезнут из виду, — продолжила Элайн, — остановимся. Вы снимете морок. Я вылезу. Дальше поведу телегу сама.

Торин чертил пальцем по липкой столешнице.

— Элайн.

— Что?

— Ты так и не сказала, куда мы едем.

— В Булаль.

Он поднял глаза. Кермунд перестал сортировать сыр.

— В Булаль? — переспросил Торин.

— Да. Там нет ни Эрка, ни Вегги. Зато есть порт. До Боума оттуда морем ближе. И Булаль намного дальше от Феора, чем Виртваль.

Кермунд задумался.

— С точки зрения расстояния...

— Не начинай.

— Я хотел согласиться.

— Тогда продолжай.

— С точки зрения расстояния ты права.

— Вот.

Торин всё ещё водил пальцем по столу. Она опять права. Или, по крайней мере, её решение снова звучало так, что возразить было нечего.

Это почему-то раздражало. И одновременно нравилось. Он посмотрел на Элайн.

В одной свече её лицо казалось мягче. Усталость стёрла привычную резкость, волосы были спрятаны под платком, и всё же...

В переулке она казалась ему совершенно чужой. Сейчас — снова знакомой.

Это было хуже всего. На языке уже давно вертелся другой вопрос.

Совсем не о Булале. Не о дороге. Не о Вегге.

«Свободна ли она?»

Он очень хотел это спросить. И почти так же сильно боялся услышать ответ.

— Тогда решено — сказала Элайн. — Спим. Хороший отдых нам сейчас нужен ничуть не меньше удачи.

Кермунд оглядел комнату. Две кровати. Три человека.

— А кто будет спать на полу?

Элайн тоже посмотрела.

— Не знаю. Но со мной на одной кровати никто спать не будет.

Она поднялась. Торин мгновенно отвёл глаза.

Кермунд нахмурился.

— Почему?

Элайн медленно повернула к нему голову.

— Если тебе это надо объяснять, то не надо объяснять.

— Это не объяснение.

— Максимально возможное.

Она села на край ближайшей кровати и начала стягивать правый сапог.

— Решайте сами. Вы уже взрослые.

Торин посмотрел на вторую кровать. Потом на Кермунда.

Кермунд посмотрел на него.

— Я не буду спать с тобой.

— Я тоже не горю желанием.

— Тогда пол твой.

— Почему мой?

Элайн поставила свои сапоги рядом с кроватью.

— Спокойной ночи.

Глава 16

Двор феорской резиденции в Булале в этот час был почти пуст. Позднее утро уже переваливало к дню. Солнце светило ярко, но уже совсем не так жарко, как летом и камни двора все еще сохраняли ночную прохладу. Входные ворота были закрыты, но широкая дверь конюшни, наоборот, была распахнута настежь. Оттуда тянуло сеном, конским потом и свежей водой. Видно было, как конюхи поят лошадей и подсыпают корм в ясли, переговариваясь между собой вполголоса.

Из внутренних дверей во двор вышла женщина.

Она шла не спеша, словно весь двор принадлежал ей, хотя формально это было не так. Стройная, светлокожая, с волосами цвета воронова крыла, гладкими и тяжёлыми, зачесанными сзади в тяжелый узел. На свету волосы отливали холодной синевой. Лицо её производило бы почти безупречное впечатление, если бы не глаза — большие, чуть выпуклые, настолько чёрные, что радужка почти сливалась со зрачком. От этого взгляд казался не просто пристальным, а каким-то нечеловечески цельным, будто она смотрела не на человека, а сразу сквозь него.

У висков были растушеваны тонкие угольно-чёрные стрелки. Холодные красные губы завершали лицо, которое само по себе было бы красивым, если бы в нём не было так много намеренного расчёта.

Платье на ней было из тех, которые запоминают даже против воли. Глухо закрытое спереди, подчёркивающее пышную грудь, оно ниже пояса превращалось почти в насмешку над приличием: глубокий боковой разрез открывал ногу выше бедра. На первый взгляд казалось, будто под платьем на ней нет вовсе ничего. Только внимательно присмотревшись, можно было заметить тончайшую сорочку телесного цвета — настолько точно подобранного, что она не прятала откровенность, а, наоборот, превращала её в намеренную игру.

Талию Цуннэс Карвис охватывал тонкий серебряный пояс. К нему был прикреплён узкий серебряный футляр.

Она направилась к конюшне, где переступала ногами её любимая лошадь — такая же угольно-чёрная, как глаза и волосы хозяйки. Лошадь беспокойно прынула ушами, узнав её шаги. Цуннэс сразу смягчилась. Протянула руку, провела по лоснящейся шее, потом резко повернулась к конюху и уже другим тоном начала требовать объяснений: почему грива расчёсана не так, почему на левой задней ноге грязь и почему воду дали слишком холодную. Голос у неё был звонкий, хорошо поставленный и совершенно не терпящий возражений.

Всё это было хорошо видно и слышно из окна второго этажа.

Там стояли двое мужчин.

Один — невысокий, лысоватый, с плотными недовольными губами, — морщился так, будто у него болели зубы.

— Ну почему она разгуливает в таком виде? — проговорил он с отвращением. — Это же просто непотребство.

Его собеседник, стоявший чуть в стороне, лениво опёрся ладонью о подоконник.

— Ринн Липрус, вы же знаете, как её ценит сам Великий Урвег.

— Всё равно так не годится, — буркнул Липрус. — Это бесстыдство какое-то.

Второй мужчина усмехнулся, не отрывая взгляда от двора.

— А мне нравится. Согласитесь, она очень красива.

— Тьфу.

Во дворе Цуннэс, словно услышав это негромкое замечание, обернулась и подняла голову к окнам.

Липрус невольно дёрнулся назад.

— И глаза у неё как у демона, — пробормотал он. — Никак не могу привыкнуть.

— Это потому, что она не обращает на вас внимания, ринн? — мягко осведомился собеседник. — Да?

Липрус обиженно поджал рот.

— Я женат. Зачем мне её внимание?

— Вот видите. Вы уже оправдываетесь. Значит, я был прав.

Липрус только сердито фыркнул.

В этот момент створка калитки у ворот распахнулась, и во двор почти бегом влетел мужчина со свитком в руке. По его лицу было видно, что поручение срочное: он не оглядывался, не кланялся, а прямо направился к внутренним дверям резиденции.

Цуннэс шагнула ему наперерез.

— Куда? Дай сюда.

Он попытался уклониться.

— Срочное донесение ринну Вельрусу!

Она схватила его за рукав.

— А я говорю: дай сюда!

Гонец вырвался и сделал ещё три или четыре шага к дверям.

На всё остальное ушло меньше двух ударов сердца.

Большой палец Цуннэс скользнул по серебряному футляру на поясе. Она дотронулась до кнопки, и в её пальцы выщелкнулась крупинка лирна. Едва заметное движение кисти — и гонца буквально сорвало с места. Как будто невидимая рука схватила его за шиворот и бросила назад — к самым ногам Цуннэс. Он шлепнулся на землю, выронил свиток, но успел накрыть его рукой. Цуннэс немедленно наступила сапожком ему на кисть.

Гонец зашипел сквозь зубы и разжал пальцы.

Она подняла свиток.

Сидя на камнях, мужчина вскинул на неё злой, почти бешеный взгляд. Цуннэс чуть наклонилась к нему и негромко что-то сказала.

Лицо гонца мгновенно побледнело. Он даже не ответил — только торопливо отполз на локтях, словно внезапно вспомнил, кто именно стоит над ним.

Цуннэс развернула свиток и начала читать.

Наверху Липрус поморщился ещё сильнее.

— Мда. И манеры у неё ужасные. Почему было просто не подняться вслед за гонцом и не получить свиток уже от нас? Неужели я бы не дал ей его прочитать?

Его собеседник коротко хмыкнул.

— Жаль.

— Что именно?

— Очень занятно было бы посмотреть, как вы ей отказываете.

Липрус поджал губы и ничего не ответил. Внизу, во дворе, Цуннэс дочитывала свиток, и лицо её на глазах менялось. Насмешливое раздражение исчезало, уступая место чему-то более серьёзному.

Через минуту она поднялась на второй этаж со свитком в руке. В комнате у открытых окон всё ещё стояли Липрус и Вельрус. При её появлении оба обернулись.

— Добрый день, ранни Цуннэс, — первым произнёс Вельрус.

Липрус ограничился коротким кивком. Цуннэс остановилась у двери.

Несколько мгновений она совершенно серьёзно разглядывала обоих мужчин — так внимательно, будто видела их впервые и пыталась вспомнить, кто из них кто.

Потом сказала:

— И вам добрый день.

Подошла ближе.

— Вельрус, три дня назад вы обещали мне двадцать кристаллов лирна. Где они?

Вельрус моргнул.

— Э-э... Ранни Цуннэс, послание, которое вы только что...

— Я спрашиваю о лирне. Где он?

— Доставка из Феора задерживается. Но, ранни, насколько я понимаю, этот свиток предназначен мне.

Цуннэс подняла свободную руку. Медленно сжала пальцы в кулак. Разжала. Снова сжала.

Вельрус замолчал.

— Где. Мой. Лирн.

Липрус не выдержал.

— Цуннэс, вы забываетесь! Руководство резиденцией доверено мне и Вельрусу, — продолжил он, уже набравшись смелости. — Вы назначены сюда ринном Урвегом для оперативной поддержки. Не для того, чтобы перехватывать донесения, адресованные руководителю резиденции. Нам необходимо ознакомиться с этим сообщением!

Цуннэс медленно повернула голову.

Её огромные чёрные глаза остановились на Липрусе.

Тот осёкся.

— Почему-то, — проговорила она очень спокойно, — я совершенно уверена, что достойный ринн Урвег простит меня, если я отрежу вам голову.

Липрус побледнел.

— Что?..

— Отрежу голову.

Она даже показала пальцем ему на шею.

— Вот здесь.

— Вы...

— Я готова поставить сто флоринов, что он меня простит.

Цуннэс чуть наклонила голову.

— А вы готовы поставить свою голову на то, что нет?

Липрус попятился и так сильно прикусил губу, что почувствовал кровь.

Цуннэс сразу потеряла к нему интерес.

— Итак, Вельрус?

Тот нервно крутил кольцо на пальце, словно всерьёз надеялся добыть огонь трением.

— Я уже сказал, ранни. Караван задерживается. Я сам жду обещанную поставку.

— Вы сообщили о задержке через световую связь?

Кольцо перестало вращаться.

— Н-нет.

Цуннэс закрыла глаза. Вдохнула. Выдохнула.

— Я и вам голову отрежу. Идиот!

— Ранни...

— Бездельники! Руководство им доверили!

Она с размаху бросила свиток на стол.

— Что это за Элайн Кусланд? — резко спросила Цуннэс. — И почему я не знаю про женщину, которая видит сквозь морок?

Её рука произвольно потянулась к серебряному футляру.

Липрус и Вельрус одновременно попятнулись. Цуннэс несколько мгновений смотрела на них, потом медленно убрала руку.

— Прочитайте сами и объясните мне.

Вельрус первым схватил свиток.

Сообщение было коротким — несколько строк, принятых утром по световой связи из Виртвалья.

"Женщина, способная видеть сквозь морок, предположительно установлена как Элайн Кусланд. Рыжая. Исключительная физическая сила. Зафиксировано появление у пирсов Виртвала без известных спутников. Поиски результата не дали. Вероятно дальнейшее движение на север. Усилить наблюдение."

Цуннэс протянула руку.

— Дайте.

Она снова его перечитала.

— Это всё?

— По световой связи передают только основное, — ответил Вельрус. — Полные сведения у нас уже есть.

Он подошёл к тяжёлому железному шкафу у стены. Достал из-за пояса ключ, отпер сначала внешний замок, затем второй, внутренний, и вынул тонкую папку со сложенными листами.

Цуннэс выхватила её у него из рук.

— Ранни, но...

— Тихо.

Она читала быстро, переворачивая листы одним пальцем.

— Так... Поиски женщины с двуручным мечом, наследника Империи и специалиста по Быстрым Дверям...

Перевернутый лист.

— Были замечены в Аулбеге. Трое. Пошли к Виртвалю...

Она нахмурилась.

— Женщина видит сквозь морок. Ну да.

Цуннэс вернулась к полученной депеше.

— А теперь в Виртвале появляется Элайн Кусланд. Рыжая. Чудовищно сильная.

Цуннэс подняла взгляд.

— В вашей папке говорилось про Элайн Вейр. А в донесении, что в Виртвале есть Элайн Кусланд.

Липрус поджал губы.

— Мы только сегодня получили второе имя. И теперь все сходится.

— Вы тоже заметили? Удивительно, как вам это удалось.

Он ничего не ответил.

Цуннэс снова просмотрела инструкцию.

— Спутников не нашли.

— Нет.

— Значит, либо они разделились, либо прячутся.

— Мы пришли к тому же выводу.

— Поздравляю еще раз.

Она бросила папку на стол.

— Первое. Вельрус, завтра утром у меня должны быть двадцать кристаллов лирна.

— Ранни, я уже объяснил, что караван...

Цуннэс подняла палец. Он замолчал.

— Если завтра у меня не будет лирна, — произнесла она подчёркнуто вежливо, — я вам сначала отрежу кое-что значительно ниже головы.

Вельрус побледнел.

— А потом уже решу, оставлять ли голову.

Она повернулась к Липрусу.

— Второе. Вы дадите мне пятерых лучших полевых агентов.

— Ранни, они сейчас расставлены по наблюдательным постам...

— Снимете.

— Но Булаль...

— Заткнись!

Липрус покраснел от гнева, но смолчал.

— Завтра утром, — уже тише продолжила Цуннэс, — пятеро должны ждать меня во дворе. Лучшие лошади. Дорожное снаряжение. Оружие. Всё необходимое.

— И куда вы собираетесь?

— Перехватывать Кусланд.

— Мы даже не знаем, что она направилась в Булаль!

— Поэтому я поеду и узнаю. И если она действительно сопровождает наследника, ей нужен путь через море. Виртваль для неё уже опасен. Следующий удобный порт — Булаль.

Она шагнула ближе.

— Если женщина, способная видеть сквозь морок, действительно существует, я хочу увидеть её собственными глазами.

Липрус открыл рот.

Цуннэс посмотрела на него.

Он передумал.

— И последнее, Вельрус.

Она ткнула пальцем ему в грудь.

— Я не шучу насчёт лирна. Моего запаса может не хватить. И я не намерена прощать собственную беспомощность потому, что какие-то ничтожества забыли вовремя сообщить о задержке поставки.

Её пальцы коснулись футляра. Щёлк. На ладонь упали две крупинки лирна.

— Ранни...

Два коротких движения кисти, направленных в потолок.

Липрус и Вельрус одновременно посмотрели вверх.

Над их головами свистнул воздух.

Одна цепь массивного канделябра под потолком лопнула с металлическим звоном. Вторая — вслед за ней. И канделябр рухнул за спинами мужчин с таким грохотом, что оба невольно пригнулись. Свечи рассыпались по полу, одна покатилась под стол. Вельрус шархнулся в сторону и обернулся.

На концах цепей, валявшихся на полу, металл был ровно срезан.

Цуннэс спокойно убрала руку. Потом посмотрела сначала на них, затем на Липруса.

— Всё понятно?

Никто не спросил, что именно должно быть понятно.

Цуннэс указала на канделябр.

— Повесите обратно сами.

— Но...

— Я прослежу.

Она резко развернулась и вышла. Дверь хлопнула.

Несколько секунд мужчины молчали. Вельрус посмотрел на перерезанную цепь.

Потом потрогал собственную шею. Липрус заметил это.

— Даже не начинайте.

— Я ничего не сказал.

— Вот и не говорите.

Глава 17

Рибор стучал в дверь дома Феррена Лютрига так долго, что успел сменить не только руку, но и настроение. Сначала он просто постучал костяшками — вежливо, как положено человеку, который пришёл по делу, но ещё не хочет портить себе утро. Потом постучал сильнее. Потом кулаком. Через несколько минут отошёл на шаг, задрал голову к окнам второго этажа и постоял, щурясь на тёмные стёкла.

Дом молчал.

Тяжёлая дверь под навесом была крепкая, дорогая, с железными полосами и добротным замком. Такая дверь случайно не открывалась.

Рибор снова забарабанил — уже без всякой учтивости. Удары пошли густые, злые; дверь отвечала глухим нутряным гулом, будто в доме было пусто не только сейчас, а вообще всегда.

Минут через десять в доме напротив с треском распахнулись ставни.

— Да что вы так грохочете! — крикнула пожилая женщина в чепце, высунув из окна сердитое, сморщенное лицо. — Там уже никто не живёт!

Рибор обернулся.

— Давно?

Женщина хотела ответить сразу, но передумала. Поджала губы, прищурилась, словно отсчитывала дни не в памяти, а где-то на внутренней стене.

— Месяц, наверное. Может, побольше. Не выходит никто, не заходит. И дыма из трубы нет.

— А хозяин куда делся?

Лицо в чепце тут же сделалось закрытым. Будто ставни захлопнули не на окне, а у неё внутри.

— Ай, не спрашивайте меня. Не знаю я ничего.

— Когда вы его видели в последний раз?

— Не помню.

— Гостей не замечали?

Женщина посмотрела на него уже не сердито, а подозрительно. Слишком хорошо она знала цену таким вопросам. В городе редко спрашивали просто так, а отвечать за чужие дела приходилось тем, кто имел глупость их заметить.

— Не моё это дело.

Ставни со стуком захлопнулись.

Рибор ещё несколько мгновений смотрел на закрытое окно. Потом коротко свистнул два раза.

Из переулка, будто только этого и ждали, показались двое мужчин. Один — Версен, сухой и жилистый. Второй держался чуть позади, молчаливый, широкоплечий, в потрёпанном плаще.

— Версен, — сказал Рибор, кивнув на дверь, — надо бы открыть.

Тот ничего не спросил. Только присел перед замком, провёл пальцами по железу, будто здоровался со старым знакомым, и вытащил из-за пояса небольшой ломик да кожаный свёрток с длинными загнутыми прутками.

Металл тихо звякнул.

Версен повозился с замочной скважиной, склонив голову набок. Через минуту пробормотал:

— Хороший.

— Замок?

— Угу.

Прошла ещё пара минут.

— Очень хороший.

Рибор прислонился плечом к стене и сложил руки на груди.

— Постарайся не влюбиться.

Версен не ответил. Он вообще становился неразговорчивым, когда работал. Несколько раз менял прутки, один раз велел подать света, потом раздражённо бросил, чтобы ему не дышали в затылок, хотя Рибор стоял в трёх шагах, а второй помощник и вовсе на мостовой.

Наконец внутри замка что-то коротко, деловито щёлкнуло.

Версен удовлетворённо выпрямился, словно только что победил упрямого собеседника в споре.

— Ну всё.

Рибор толкнул дверь. Из дома пахнуло холодом.

Не тем резким уличным холодом, который цеплялся за плащ и залезал под воротник. Другим. Внутренним. Застоявшимся холодом помещения, где давно не топили, не открывали окон и не говорили вслух. Такой холод не входил с улицы — он заводился в доме сам, как плесень.

Рибор задержался на пороге, прислушался.

Тишина. Не сонная, а пустая.

Он шагнул внутрь.

В прихожей лежал тонкий, ровный слой пыли. На полу ещё угадывались следы подошв — старые, расползшиеся по краям, будто дом пытался стереть из себя память о последнем человеке. В углах протянулась паутина. Воздух пах сухим деревом, остывшей золой, мышами и сыростью, впитавшейся в стены.

— Да, не похоже, что он уехал вчера, — тихо сказал второй помощник.

— Не похоже, — согласился Рибор.

Он осторожно прошёл дальше.

Дом был хороший. Не дворец, нет, но жили здесь явно не на последние медяки. Дубовая мебель, тяжёлая и тёмная. Ковры — потускневшие от пыли, но дорогие. Добротная посуда за стеклом буфета. Бронзовые подсвечники. На стенах — несколько гравюр в рамах, каждая из которых стоила больше, чем месячный заработок честного переписчика.

И книги. Много книг.

Рибор остановился у шкафа и провёл пальцем по корешкам. На подушечке тут же осталась серая полоса.

«О взаимодействии лирна с направленными потоками».

«О природе отражённого образа».

«Практические способы усиления заклинаний».

Потом трактат. Ещё трактат. Переплёты с тиснением, аккуратные закладки, пометки на полях.

— Тут жил маг, — сказал один из помощников.

— Несомненно.

Рибор говорил сухо, но внутри у него неприятно шевельнулось.

Маги исчезали не так, как обычные люди. Обычный человек мог сбежать от долгов, от любовника жены, от судебного приказа или от собственной глупости. Маг исчезал вместе с причинами и последствиями. Часто весьма неприятными.

В спальне кровать осталась незастеленной. Одеяло сбилась к ногам, простыня смялась, и на ней всё ещё сохранялась неглубокая вмятина — память о теле, которого уже давно не было. Но за месяц даже такая память успела остыть. Бельё посерело от пыли, стало холодным и чуть сыроватым на ощупь. От подушки тянуло затхлостью. На складке одеяламышь оставила маленькие тёмные крупинки, как насмешливую подпись под чужим исчезновением.

Рибор открыл шкаф.

Несколько дорогих камзолов. Рубахи. Пара шёлковых платков. Хорошие сапоги, смазанные и поставленные ровно. Он задумчиво посмотрел на всё это.

Человек, который собирался уехать надолго, обычно не оставлял лучшие вещи висеть в шкафу.

Но дорожных сумок на месте тоже не было. Это было уже интереснее.

На кухне помощники принялись открывать шкафы и кладовые: скрипели дверцы, глухо стукнула крышка ларя, кто-то чихнул от пыли. Рибор тем временем прошёл в кабинет.

Здесь богатство хозяина чувствовалось особенно отчётливо. Большой письменный стол из тёмного дерева. Удобное кресло с вытертыми подлокотниками. Книжные шкафы до потолка. На столе — несколько смятых листов, две раскрытые книги по магии, чернильница с давно засохшими краями. Чернила у горлышка застыли чёрной коркой.

Рибор наклонился над листками. Ничего похожего на письмо.

Никаких прощальных записей. Никакого признания. Ни спешной строки вроде «если я не вернусь», ни аккуратного распоряжения имуществом. Только обрывки вычислений, зачёркнутые слова и раздражённо продавленные пером кляксы.

Он поочерёдно выдвинул ящики.

Перья. Чистая бумага. Песочница для просушки чернил. Шнурки. Пара сургучных палочек.

В одном ящике обнаружилось несколько маленьких пустых бутылочек. Ещё несколько стояли на полке рядом с книгами. Все из тонкого стекла, с узкими горлышками.

Всего — чуть меньше дюжины.

Рибор взял одну, понюхал. Ничего. Вторую. Тоже ничего.

В третьей будто сохранился слабый запах масла — или чего-то, что хотело казаться маслом и давно выдохлось.

— М-да, — сказал он.

Он поставил бутылочку обратно. Дом постепенно начинал его раздражать.

Всё выглядело так, будто хозяин просто однажды встал, вышел за дверь и не вернулся. Без сборов. Без борьбы. Без записки. Без денег на столе и без трупа на полу.

А люди редко исчезали так аккуратно. Особенно люди с дорогими камзолами, магическими книгами и хорошим замком на двери.

Рибор ещё раз обошёл кабинет, уже медленнее. Посмотрел на пол. На пыль у ножек стола. На шкафы. На стены. И остановился.

На одной из стен висела тяжёлая занавесь. Ткань была плотная, тёмная, дорогая — но висела неправильно. Слишком низко. Слишком близко к углу. Ни окна за ней быть не могло, ни картины: занавесь не украшала комнату, а что-то прятала.

Рибор подошёл и отдёргнул её. За тканью оказалась небольшая дверь.

Не запертая. За ней начиналась лестница вниз.

Рибор некоторое время смотрел в тёмный проём. Потом дважды свистнул.

Из кухни послышались шаги.

— Что-то нашли? — спросил Версен, появляясь в дверях.

— Пока не знаю.

Рибор всмотрелся в темноту.

— Будьте внимательны. Спускаемся вместе.

Он вытащил короткий кинжал.

Лестница уходила вниз таким чёрным провалом, что уже через несколько ступеней в нём пропадали очертания стен. Тьма там была плотная, подвальная, сырая — не отсутствие света, а почти вещь.

Рибор вернулся в кабинет, снял с полки подсвечник с тремя огрызками свечей. Огниво нашлось у Версена. Через минуту вспыхнул первый фитиль, потом второй. Огоньки дрогнули, вытянулись, осветили лица жёлтым, неровным светом.

Рибор взял подсвечник в левую руку, кинжал — в правую.

— Теперь идём.

Ступени были каменными и влажными. Под подошвами они отдавали скользким холодом.

Чем ниже они спускались, тем сильнее тянуло сыростью. Воздух становился густым, тяжёлым, словно его месяцами никто не тревожил. Внизу было ещё холоднее, чем наверху. На стенах обнаружили железные держатели с такими же наполовину сгоревшими свечами. Версен зажёл их одну за другой.

Тьма отступила, но совсем немного.

Подвал оказался небольшим, сырым и промозглым. На каменных плитах блестела влага. От стен тянуло плесенью и чем-то металлическим, едва уловимым. В углу темнели ящики. У другой стены стоял заставленный тусклым стеклом рабочий стол.

А у дальней стены возвышалась рама от зеркала. Большая. Почти в человеческий рост.

Рибор остановился.

Зеркала в ней больше не было. Из пазов торчали только острые зубцы стекла. Остальные осколки лежали на полу, рассыпавшись широким веером, будто зеркало не просто разбили, а вышвырнули из рамы наружу.

— Никому не наступать — сказал Рибор.

Голос у него прозвучал тише, чем наверху.

Он присел, поднёс свечу ближе к камням. Пламя задрожало, отразилось в десятках стеклянных граней — маленькими желтоватыми глазами. На одном из крупных осколков в тусклом свете темнело бурое пятно.

Рибор поднял стекло за самый край.

— Кровь?

Версен наклонился, шурясь.

— Похоже.

Рибор осмотрел ещё несколько осколков. Чистые. На камнях заметных пятен тоже не было. Ни лужи, ни следов волочения, ни капельной дорожки.

Только это маленькое бурое пятно. Он положил осколок отдельно.

У противоположной стены стоял рабочий стол. Теперь Рибор подошёл к нему.

Колбы. Стеклянные трубки. Небольшая реторта. Ступка. Весы с тонкими чашечками. Несколько металлических инструментов непонятного назначения — слишком изящных для ремесла и слишком неприятных для простой науки. И открытая шкатулка.

Рибор замер.

Внутри лежали кристаллы лирна. Он пересчитал молча, потом вслух:

— Одиннадцать.

Версен тихо присвистнул. Рибор посмотрел на него, и тот сразу закрыл рот.

Одиннадцать кристаллов.

Сейчас за лирн платили такие деньги, за которые ещё недавно можно было купить хороший дом. Не комнату. Не лавку на плохой улице. Дом. С крышей, двором и соседями, которые потом будут выглядывать из окон и уверять, что ничего не знают.

А здесь лирн просто оставили. В открытой шкатулке. В сыром подвале.

Рибор снова посмотрел на разбитую раму. Потом на осколок с бурым пятном. Потом на шкатулку.

— Человек, который собирался бежать, этого бы не бросил.

— Может, не успел? — спросил второй помощник.

— Может, и не успел.

Рибор закрыл крышку шкатулки. Щелчок вышел неожиданно громким.

— Тогда очень интересно, почему.

Он убрал кинжал за пояс, а шкатулку взял под мышку.

— Всё. Уходим.

— А дом?

— Ничего больше не трогать.

Рибор ещё раз оглянулся на разбитое зеркало. В свете свечей острые обломки в раме казались зубами.

— Здесь должны поработать люди Асвера. Пусть выясняют, что делали с зеркалом, что это за бутылочки и что вообще здесь произошло.

— А мы?

Рибор направился к лестнице.

— А мы будем разговаривать с соседями.

Он поставил ногу на первую ступень, остановился и посмотрел вверх, туда, где над ними ждал пыльный дом с закрытыми окнами.

— Со всеми.

После короткой паузы он добавил:

— Особенно с теми, которые ничего не знают и не хотят вмешиваться.

* * *

Рибор перечитал письмо ещё раз. Писал он разборчиво, без украшений, мелким ровным почерком человека, которому слишком часто приходилось составлять донесения для людей, не терпящих ни догадок, ни красивых слов.

Лист уже почти высох. Только возле последней строки чернила ещё поблёскивали.

Хранителю Войны Эймунду Хьяртиллу.

Докладываю о результатах осмотра дома Феррена Лютрига.

Дом вскрыт в присутствии двух свидетелей. Признаков проживания в течение приблизительно месяца не обнаружено. Следов борьбы, проникновения либо разграбления помещений нет. Большая часть имущества хозяина, включая одежду, книги, мебель и предметы значительной стоимости, оставлена на месте.

В кабинете обнаружено большое количество книг и записей по магии. Обнаружены также малые стеклянные сосуды, ранее содержавшие неизвестные вещества. Сосуды оставлены на месте для осмотра специалистами.

За скрытой дверью в кабинете найден подвал для занятий магией. В нём находится рама от зеркала человеческого роста. Само зеркало разрушено. Значительная часть осколков лежит перед рамой; на одном из них обнаружено пятно, предположительно крови.

Считаю необходимым обратить особое внимание на зеркало и его осколки. Точную причину разрушения установить обычным осмотром невозможно. Рама, стекло, рабочий стол и находившиеся рядом предметы должны быть подвергнуты тщательному магическому исследованию.

В подвале обнаружены и изъяты одиннадцать кристаллов лирна. Кристаллы находятся у меня под охраной и будут переданы направленным Вами магами-специалистам. Считаю возможным использовать их как для проведения необходимого исследования, так и, по усмотрению специалистов, для дальнейших работ.

Проведён первоначальный опрос соседей. О занятиях Лютрига никто из опрошенных достоверных сведений не имеет. Известно лишь, что он считался магом. Несколько человек независимо друг от друга описали его как человека странного и с крайне высоким мнением о собственных способностях. По их словам, Лютриг неоднократно утверждал, что другие маги ничего не понимают в своём ремесле и только он знает, как следует работать правильно.

Также установлено, что к Лютригу время от времени приходили состоятельные посетители. Посещения происходили нечасто, преимущественно вечером. Посетители прибывали хорошо одетыми, иногда на наёмных экипажах либо верхом. Никто из соседей не смог назвать их имён.

Точно установлено, что в доме служил мужчина по имени **Джарвис Ламберт**. По словам прислуги из соседних домов, Ламберт иногда разговаривал с горничными, однако о делах хозяина не рассказывал. Его нынешнее местонахождение неизвестно. Поиски начаты.

До получения дополнительных сведений дом оставлен под наблюдением. Прошу направить магов, имеющих опыт исследования лирна, зеркал и следов сложных заклинаний.

Жду дальнейших указаний

Рибор

Он дочитал до подписи, ещё немного подержал лист перед собой, словно надеялся обнаружить между строк то, чего не заметил в доме, но так и не нашел.

Получилось сухо. Правильно. Никаких «стеклянных зубов», никакой тьмы, похожей на густую воду, никакого холода между лопатками, когда он впервые увидел разбитое зеркало.

Эймунду Хьяртиллу всё это было ни к чему. Ему требовались факты.

Рибор взял перо и добавил внизу дату. Потом сыпал письмо мелким песком, подождал, стряхнул его обратно в коробочку и внимательно проверил, не размазалась ли хоть одна буква.

Он сложил лист сперва пополам, затем ещё раз, стараясь не делать лишних сгибов. Голубиный футляр лежал рядом — узкий, лёгкий, из тонкой промасленной кожи, с медным колпачком. Рибор свернул письмо плотнее, вставил внутрь и закрутил крышку.

Потом взял сургуч. Красная палочка нехотя размягчалась над свечой. Первая капля упала на стол, и Рибор тихо выругался. Вторую он поймал уже на стык футляра. Сургуч собрался тяжёлой блестящей каплей. Рибор прижал к нему печать. На красном воске осталось чёткое изображение.

Рибор положил футляр на стол. Одиннадцать кристаллов лирна.

Богатые гости. Пропавший слуга. Пустые бутылочки. Разбитое зеркало.

Отдельно всё это можно было объяснить. Даже слишком легко.

Лирн — запас мага. Гости — заказчики. Слуга — сбежал вместе с хозяином или раньше него.

Зеркало — неудачный опыт. Кровь — порезался.

Вот только вместе эти объяснения складывались плохо.

Рибор потёр большим пальцем край стола. Перед глазами снова возник подвал.

Не весь. Даже не стол с колбами и не шкапулка, в которой лежало состояние приличного торговца.

Рама. Чёрный прямоугольник у стены и торчащие по краям остатки стекла.

Стеклянные зубы в черной пасти. Он невольно передёрнул плечами.

— Бррр...

Рибор повидал достаточно, чтобы не считать себя человеком впечатлительным.

Однажды ему пришлось осматривать комнату, где человека обезглавили настолько неудачно, что половина стены оказалась забрызгана кровью, а то, что должно было оставаться внутри человеческого тела, почему-то оказалось снаружи и медленно сползало по штукатурке. После этого Рибор спокойно пообедал. Правда, мясо в тот день не заказывал, но исключительно потому, что трактирщик готовил его отвратительно.

Бывало и хуже. Трупы после пожара. Утопленники, пролежавшие в воде неделю.

Один особенно неприятный случай с телом, найденным летом в закрытом сундуке.

Мёртвые люди были мерзкими, страшными, иногда жалкими. Но понятными. С ними уже всё произошло. А разбитое зеркало в подвале Феррена Лютрига почему-то пугало сильнее. Наверное, именно потому, что с ним всё ещё только предстояло понять.

Рибор снова посмотрел на запечатанный футляр.

— Давай-ка лети быстрее — сказал он письму.

Потом поднялся.

За окном уже темнело. Где-то во дворе ворковали голуби, шурша крыльями в клетках.

Рибор взял футляр со стола и пошёл искать птицу для Хьяртилла.

Глава 18

Утром у западных ворот Виртвала было непривычно пусто.

Не совсем пусто, конечно. За стенами всё равно начинался обычный городской день: где-то хлопали ставни, брякали вёдра, ругался возчик, которому телега мешала развернуться на узкой улице. Но обычного утреннего потока к воротам не было. Ни длинной вереницы телег, ни торговцев, старающихся выскочить из города раньше остальных, ни гуртов скота, ни подмастерьев, бегущих по своим делам. Редкие выходящие проходили быстро.

Торин вцепился обеими руками в край телеги и старался не думать о том, как именно выглядит со стороны. Это было трудно.

Морок Кермунда получился, как и обещал сам Кермунд, безупречным.

Вместо наследника Хорманнской Империи по дороге к воротам брела пожилая женщина — широкая в кости, сутулая, с тяжёлыми веками и серыми волосами, кое-как убранными под выцветший платок. Щёки морщинистые, нос крупный, подбородок решительный. Лицо человека, который родил пятерых детей, пережил двух мужей и теперь совершенно точно знает, как правильно солить капусту и воспитывать чужих внуков.

Торин увидел себя утром в зеркале и минуты две просто молчал.

Элайн потом сказала, что морок ему даже идёт. Он до сих пор не решил, было ли это шуткой.

Кермунд выглядел ещё хуже. То есть, по всей видимости, лучше.

Молодая деревенская девушка лет двадцати, худенькая, темноволосая, с узким лицом и чуть обиженным выражением глаз. Волосы были заплетены в толстую косу, поверх простого платья накинут короткий шерстяной плащ. На плече висела сумка.

Кермунд ненавидел каждую подробность собственного облика. Особенно косу.

Телега между ними поскрипывала на каждом камне. Сверху на ней лежали мешки, тюки, сумки, скатанное одеяло, две корзины и несколько вещей, которые Элайн настояла набросать поверх без всякого порядка. Чтобы не выглядело так, словно груз укладывал человек, способный потом по памяти перечислить точное место каждого предмета.

Кермунд воспринял это почти как личное оскорбление.

До ворот оставалось шагов тридцать. Торин перестал улыбаться.

У караульной будки стояли пятеро стражников. Двое проверяли выходящих, ещё один лениво наблюдал за дорогой, а возле самой стены шёл спор.

Громкий. Очень громкий.

— Да какая ещё проверка?! — почти орал широкоплечий седоватый мужчина. — Я с ней с рождения знаком! Это моя дочь!

Рядом с ним стояла девушка. Торин сразу понял, почему их задержали.

Она была высокой. Почти с брата ростом. Не рыжая — волосы густые, русые, с тёплым медовым оттенком, который при другом свете и человеку не слишком внимательному вполне мог показаться чем-то близким к рыжине.

Молодая. Рослая. Рядом двое мужчин. Отец и брат.

Стража решила не рисковать.

— Отойдите в сторону, — устало повторил караульный.

— Я уже отошёл! Куда мне ещё отходить? В ров?!

— До прихода старшего.

— А старший что сделает? Посмотрит на неё и скажет, что это моя дочь?

— Папа, — тихо сказала девушка.

— Нет, Мира, подожди. Я хочу понять, за что нас держат.

Её брат стоял рядом мрачнее тучи. Судя по тому, как он сжимал челюсти, вмешиваться ему очень хотелось, но здравого смысла пока хватало.

Торин опустил голову. Вот, значит, как это выглядело на деле.

Не тайная охота. Не десятки людей, знающих лица, имена и приметы.

Приказ. Достаточно простой, чтобы его можно было объяснить любому караульному.

Молодая женщина. Рослая. Особое внимание рыжим. Либо женщина с двумя молодыми мужчинами.

И теперь стражники старательно ловили всё, что хоть немного подходило.

Иногда даже слишком старательно.

— Идём, — едва слышно сказала рядом молодая девушка голосом Кермунда.

До ворот оставалось десять шагов.

Они старались выглядеть ровно настолько уставшими, насколько должны были выглядеть две женщины, с утра вывозящие из города половину домашнего имущества.

— Стоять.

Торин остановился. Кермунд тоже. К ним подошёл стражник.

Молодой, плохо выспавшийся, с серым лицом и свежей царапиной на подбородке. Сначала посмотрел на Торуна. Пожилая женщина. Потом на Кермунда. Молодая девушка.

Потом снова на Торуна.

Торин почувствовал, как между лопатками медленно стекает капля пота.

Стражник заглянул в телегу.

— Куда?

Торин кашлянул.

Голос Кермунд заставил его отрабатывать отдельно. Не старушечий писк — Элайн сразу сказала, что за такой писк ей самой захочется арестовать его, — а просто низковатый, усталый женский голос.

— Куда?

— В Ланге, господин, — ответил Торин.

Название они выбрали заранее — маленькую деревню на дороге, достаточно близкую, чтобы не удивлять отсутствием припасов, и достаточно далёкую, чтобы никто не захотел проверить.

Стражник помолчал.

— Далёко.

— Не от хорошей жизни идём.

Он снова осмотрел их. Торин даже позволил себе слегка ссутулиться сильнее.

Кермунд рядом очень убедительно изображал девушку, которой всё происходящее смертельно надоело. Впрочем, изображать ему почти не приходилось.

Позади снова взревел задержанный отец:

— Она даже не рыжая!

— Никто не говорил, что обязательно рыжая, — огрызнулся стражник.

— Так что вы тогда вообще ищите?!

Вот на этот вопрос ответа уже не последовало. Торин краем глаза заметил движение у караульной.

К воротам шёл старший командир. Не сам начальник гарнизона — кто-то из старших караульных, судя по плащу, оружию и тому, как перед ним сразу начали расступаться.

Отец девушки тоже его увидел.

— Вот! Наконец-то! Идите сюда! Объясните вашим людям, что мы ничего не сделали!

Стражник возле телеги отвлёкся на крик.

Посмотрел туда. Потом снова на Торуна с Кермундом. Две женщины. Одна старая.

Вторая молодая, но маленькая, тёмноволосая и совершенно не похожая на ту, которую только что задержали возле стены.

Он махнул рукой.

— Идите.

Торин не поблагодарил. Крестьяне редко благодарили за то, что им позволили сделать то, что они и так имели право делать. Он снова взялся за телегу.

Кермунд подтолкнул её с другой стороны.

Колесо попало в выбоину. Телега дёрнулась. Одна из корзин опасно качнулась.

Кермунд мгновенно протянул руку. Торин шикнул:

— Не трогай.

— Она упадёт.

— Пусть.

Корзина подумала и осталась на месте.

Они прошли под воротной аркой. Камень над головой на мгновение отрезал утреннее небо.

Потом впереди снова открылось пространство. Дорога. Поля. Редкие дома.

Серое утро, совершенно равнодушное к тому, что две женщины с телегой только что благополучно вынесли из Виртваля наследника Империи, его секретаря и почти всё их имущество.

Торин продолжал идти. За спиной ещё спорили.

— Что значит «похожая»?! На кого похожая?!

— Успокойтесь!

— Я спокоен!

По голосу было понятно, что отец девушки находится примерно в одном шаге от состояния, при котором понятие спокойствия окончательно теряет смысл. Они отошли от ворот шагов на пятьдесят. Потом на сто.

Кермунд всё ещё не говорил.

Торин тоже.

Лишь когда городская стена осталась достаточно далеко, Кермунд тихо произнёс:

— Я говорил, что морок хороший.

— Ты говорил, что он безупречный.

— Он и есть безупречный.

— Тогда почему меня всё это время мучило желание убежать?

— Потому что ты ничего не понимаешь в магии.

Торин всё-таки обернулся. Не сразу к воротам.

Сначала просто посмотрел назад — оценить расстояние.

Возле арки всё ещё виднелась небольшая толпа. Задержанная семья никуда не ушла. Старший караульный уже стоял рядом и, судя по размахивающим рукам отца, получал подробный рассказ обо всём, что тот думает о городской страже, её приказах и умственных способностях отдельных её представителей.

Торин почти улыбнулся. И тут над крышами Виртваля мелькнул свет.

Он замер. На одной из высоких городских башен вспыхнуло сигнальное зеркало.

Короткий яркий отблеск. Пауза. Ещё два. Потом длинная вспышка.

Снова короткая. Торин перестал улыбаться.

— Кермунд.

Тот обернулся.

Зеркало блеснуло снова. Теперь уже очевидно не случайно. Шла передача.

Кермунд несколько мгновений смотрел на башню.

— Передают сообщение.

— Я вижу.

— А мы не знаем, о чём.

— Нет.

Торин посмотрел на ворота. Потом на телегу. Потом опять на вспышки над городом. Это могло быть что угодно. Движение судов. Приказ гарнизону. Сообщение из порта. Задержанная девушка.

Или две женщины, которые несколько минут назад прошли через ворота с телегой.

— Пойдём, — сказал он.

Кермунд уже толкал телегу.

На этот раз Торину не пришлось просить его идти быстрее.

* * *

Поляна на обочине дороги находилась достаточно далеко от Виртвая. Ни стены, ни башни отсюда уже не были видны.

Костёр на поляне дымил. Не горел — именно дымил, лениво облизывая сырые ветки красноватыми языками и время от времени выплёвывая в воздух струйку белёсого дыма.

Битрус лежал на подстилке из старого плаща, заложив руки за голову, и смотрел на него с тем равнодушием, с каким можно было смотреть только на огонь, который всё равно не соби-раешься поправлять. Кенфас сидел напротив, вытянув к теплу сапоги.

Со стороны они выглядели как самые обычные крестьяне, задержавшиеся у дороги.

Штаны из грубой шерсти. Простые куртки. Старые плащи. Узлы с пожитками. Котелок, подвешенный на перекладине. Два деревянных кубка.

Чуть поодаль стояла клетка. Её накрыли плотной серой тканью так, чтобы не было видно птицу внутри. Иногда из-под ткани доносилось тихое шуршание, и тогда один из мужчин машинально поворачивал голову. Рядом с клеткой, тоже тщательно прикрытое от случайного взгляда, лежало оружие: два коротких меча и небольшой арбалет с уже натянутой тетивой.

Не столько для боя — вступать в схватку с теми, кого они ждали, им запретили прямо и недвусмысленно, — сколько для собственного спокойствия.

Битрус зевнул.

— А всё-таки неплохо устроились.

Кенфас покосился на него.

— Сырость.

— Зато нарядов нет. Казарму мыть не надо. И главное - сержанта нет.

Кенфас подумал.

— Вот это верно.

Они несколько секунд молча смотрели на костёр. Потом Битрус вздохнул:

— Вина мало дали.

— Ты его вчера почти один и выпил!

— Мы его вчера выпили.

— Ты выпил больше.

— Потому что ты медленно пьёшь.

— Потому что нормальный человек не обязан выливать всё в глотку сразу.

Битрус фыркнул.

— Нормальный человек вообще бы взял четыре бутылки.

— Нам дали две.

— Вот именно. Мало.

Кенфас рассмеялся и подбросил в костёр ветку. Та зашипела, выпустила облачко дыма и почти сразу почернела. Битрус перевернулся на бок.

— И Дом Улыбок далеко.

— А тебе зачем Дом Улыбок?

Битрус посмотрел на него как на человека, задавшего вопрос удивительной глупости.

- А ты сам не понимаешь?
- Понимаю. Просто надеялся, что ты хоть раз скажешь что-нибудь неожиданное.
- Бабу хочется.
- Ну ты и бабник.
- А что такого?
- Два дня прошло.
- Вот именно.
- Потерпеть не можешь?

Битрус приподнялся на локте.

- Кенфас, ты когда последний раз с бабой был?
- Не твоё дело.
- Значит, давно.
- Значит, я умею думать не только тем местом, которое у тебя вместо головы.
- Много ты понимаешь.

Битрус снова лёг и мечтательно посмотрел куда-то поверх деревьев.

- В Виртвале хорошо. Там выбор есть.
- Вот вернёмся — тогда и иди.
- Когда вернёмся?
- Когда сменят.
- А когда сменят?

Кенфас посмотрел на него.

- Тебе же сказали - через пять дней.
- Или через шесть.
- Через пять.
- Сказали: «Сменим через пять дней. Может, через шесть».

Кенфас нахмурился, припоминая.

- Ну хорошо. Через шесть.

Битрус немедленно сел.

- Вот! А сидим сколько?
- Два дня.
- Значит, ещё четыре.
- Если шесть.
- Четыре дня, Кенфас.

Он произнёс это так трагически, будто речь шла по меньшей мере о четырёх зимах в осаждённой крепости.

- Четыре дня без бабы.

Кенфас не выдержал и расхохотался.

- Эх ты, неугомонный. Бурлит у тебя не в том месте.
- Зато хоть где-то бурлит.
- Ещё скажи — здоровье.
- А что? Я нормальный здоровый мужик.
- Ага. И потерпеть не можешь.
- Не хочу терпеть.

Кенфас засмеялся ещё громче. В клетке под тканью заворочался голубь.

Оба одновременно посмотрели туда. Смех стих так быстро, будто кто-то прикрыл ладонью огонь.

Несколько мгновений они слушали. Ничего. Только птица переступила по жердочке.

Битрус первым расслабился.

- Может, поедим?

— Ты час назад ел.

— Это было утром.

— Сейчас тоже утро.

— Уже другое.

Кенфас покачал головой.

— Ты либо жрёшь, либо пьёшь, либо думаешь о бабах.

— А ещё сплю.

— Точно.

Битрус сладко потянулся, вытянув ноги так далеко, что чуть не задел котелок.

— Вот. Поедим. Потом я посплю, а ты посторожишь.

— Почему это я?

— Потому что вчера я сторожил.

— Ты вчера храпел.

— Я храплю очень внимательно.

— Особенно когда у тебя слюни текут.

— Это для маскировки.

— Перед кем?

Битрус задумался.

— Перед врагом.

— Каким?

— Который решит, что человек с такими слюнями опасности не представляет.

Кенфас хмыкнул.

— Тут ты, пожалуй, прав.

Он снял котелок с перекладки и заглянул внутрь. Еды действительно дали щедро. Хлеб, копчёное мясо, крупу, лук, кусок твёрдого сыра. Словно кто-то заранее решил, что голодные наблюдатели следят хуже сытых.

Только вина пожалели. Это Битрус считал уже почти личным оскорблением.

Кенфас достал нож и начал резать хлеб. Дорога за кустами пока была пустой.

Голубь под серой тканью сидел тихо.

И два небритых мужика возле дымящего костра выглядели именно теми, кем хотели казаться: ленивыми, простыми парнями, которых больше всего на свете занимали еда, выпивка и женщины.

* * *

Дорога за Виртвалем постепенно пустела.

Сначала ещё попадались встречные телеги, крестьяне с корзинами, какой-то старик гнал перед собой трёх коз и долго ругался на одну, которая упорно пыталась жевать придорожный куст. Потом дома остались позади. По обе стороны потянулись поля, редкие перелески и влажные низины, где над травой ещё держалась утренняя дымка.

Телегу они вели неторопливо.

Торин по-прежнему выглядел пожилой женщиной. Морок держался безукоризненно: седые пряди выбивались из-под платка, на руках проступали крупные жилы, лицо было изрезано морщинами. Кермунд рядом оставался молодой худощавой девушкой с тёмной косой, которой он за последние полчаса успел возненавидеть, кажется, весь женский род.

Он снова дёрнул плечом, пытаясь убрать косу со спины.

— Не пора ли снять морок?

— Пока нет.

— Почему?

— Потому что мы ещё на дороге.

— Мы уже достаточно далеко.

— От ворот — да.

— Тогда чего мы ждём?

Торин покосился на него.

Кермунд шёл раздражённо, мелко переставляя ноги и время от времени бросая на собственную юбку такой взгляд, будто именно она была виновата во всех несчастьях последних дней.

— Кристаллы не вечные, — продолжал он. — Ты это понимаешь?

— Понимаю.

— Нет, судя по всему, не понимаешь. Морок жрёт лири непрерывно.

— Ты сам сказал, что его хватит.

— Я сказал: хватит на несколько часов. Это не значит, что им следует разбрасываться.

Впереди у дороги показалась небольшая поляна. Сначала Торин заметил дым.

Потом двух мужчин. Один сидел возле костра, вытянув ноги. Второй лежал чуть в стороне, укрывшись плащом и, кажется, спал. Рядом стоял котелок, валялись узлы с пожитками. Обычные крестьяне или дорожные работники. Ничего особенного.

Торин всё же задержал взгляд. Сидящий мужчина тоже смотрел на них.

Без особого интереса.

Так мог смотреть любой человек на проходящую мимо телегу — просто потому, что больше смотреть было не на что. Торин отвёл глаза.

Боевого опыта у него было недостаточно, чтобы заметить мелочи, которые заставили бы Элайн насторожиться: слишком удобное место у дороги, слишком мало сельского инструмента возле пожитков, слишком хорошо выбранный обзор.

Для Торины перед ними были просто два мужика у костра.

— Вот, — пробормотал Кермунд. — Ещё и свидетели.

— Отъедем дальше.

— Зачем?

— Затем, что я не хочу снимать морок у них на глазах.

Кермунд повернул к нему женское лицо с совершенно кермундовским выражением презрения.

— Торин, какая тебе разница, что подумают эти?

— Мне — никакой. Но я предпочитаю, чтобы никто вообще ничего не думал.

— Они крестьяне.

— И?

— И что они нам сделают?

Торин вздохнул.

— Кермунд.

— Лири значительно важнее того, что какой-то невежественный мужик потом будет рассказывать соседям про двух женщин, превратившихся в мужчин.

— Именно поэтому мы отойдём дальше.

— Это нелепость.

— Может быть.

— Пустая трата кристаллов.

— Всё равно.

Тот поджал губы. Торин узнал этот взгляд.

Он означал, что Кермунд уже составил подробное мнение о его умственных способностях и теперь выбирает, насколько подробно следует его высказывать.

Телега медленно покатила дальше. За спиной осталась поляна.

И ни Торин, ни Кермунд не увидели, как сидевший возле костра проводил их глазами.

Потом повернулся к лежащему товарищу. И ткнул его носком сапога в бок.

— Эй.

Тот не шевельнулся.

— Кенфас.

Тишина.

— Кенфас, чтоб тебя.

Битрус пнул сильнее.

Из-под плаща раздалось невнятное ругательство. Кенфас высунул голову, поморгал и зло посмотрел на приятеля.

— Ты чего?

Битрус кивнул на дорогу.

— Глянь.

— Куда?

— Да туда.

Кенфас сел. Телега уже успела немного отъехать, но все было отлично видно.

Две женщины. Старая и молодая. Полная телега пожитков.

Кенфас сощурился.

— О!

— Вот тебе и «о».

— Девица, — сказал Кенфас.

— Именно.

— И мамка её.

— Именно!

Битрус улыбался. Кенфас перевёл взгляд с молодой девушки на телегу.

— А телега-то полная.

— Две женщины с полной телегой, — мечтательно проговорил Битрус. — Чудеса случаются.

— Именно что две женщины, — повторил Кенфас.

Битрус поднялся.

— Повезло.

Кенфас медленно повернул голову.

— Ты чего задумал?

— Ничего.

— Ты что, насильничать вздумал?

Битрус возмущённо вскинул руки.

— Да ты что!

— А рожа чего такая?

— Не переживай, я им денег дам.

Кенфас несколько секунд смотрел на него.

— Кому — им?

— Ну... ей.

Он ткнул пальцем в спину Кермунда.

— Девке.

— А старой?

— Старую можешь сам обхаживать.

Кенфас скривился.

— Очень щедро.

— Не хочешь — не надо.

Битрус уже застёгивал пояс.

— Я нормально поговорю. Денег предложу. Что такого? Девка бедная. Может, она таких денег за месяц не видит.

— А если пошлёт?

— Я уговорю.

Кенфас хмыкнул. Потом снова посмотрел на телегу. В его глазах интерес был совсем другой.

— Там наверняка что-нибудь лишнее есть.

Битрус повернулся.

— Где?

— В телеге.

— А-а.

— Может, вино.

— Вино?

Теперь заинтересовался уже Битрус.

— Или ещё что.

Кенфас поднялся.

— Всё брать не будем. Мы же не бандиты какие-нибудь.

Битрус серьёзно кивнул.

— Само собой.

Они посмотрели друг на друга. И пошли следом.

* * *

Кермунд остановился первым.

— Вот.

Он сунул руку за пазуху и достал два маленьких кристалла.

Торин тоже остановил телегу.

— Что?

— Смотри.

Один кристалл ещё сохранял прежнюю прозрачность и размер. Второй заметно помутнел и стал меньше. А от третьего, который Кермунд проверял утром, не осталось ничего.

Кермунд раздражённо выдохнул.

— Один уже полностью выработан.

— Так быстро?

— Я тебе это и говорил.

— Нет. Ты говорил, что хватит на несколько часов.

— Несколько часов и прошло.

— Тогда снимаем.

— Наконец-то.

Кермунд уже собирался что-то сделать с кристаллом, когда сзади раздался голос:

— Эй, красавица!

Он замер. Торин обернулся.

К ним подходили оба мужика с поляны. Один улыбался. Очень широко.

Второй смотрел не на них. На телегу.

— Чего надо? — спросил Кермунд.

Битрус подошёл ближе.

— Да ничего плохого.

Он улыбнулся ещё шире.

— Ты это... стекляшки свои бросай.

Кермунд посмотрел на кристалл у себя в руке. Потом на него.

— Что?

— Денег дам.

— За что?

Битрус весело подмигнул.

— Много дам.

Торин нахмурился.

— Нам ничего не нужно.

— Я не с тобой говорю, мамаша.

Битрус даже не взглянул на него. Он смотрел только на Кермунда.

— Ну что? Отойдём в кустики. Побарахтаемся немножко. Лады?

Кермунд несколько секунд просто стоял. То, что происходило, явно не укладывалось ни в одну из привычных ему категорий. Потом смысл всё-таки дошёл.

Он попятился. Лицо девушки под мороком осталось прежним.

Но глаза были Кермунда. Изумлённые. И впервые за долгое время — откровенно испуганные.

— Нет.

— Да ладно тебе.

Битрус шагнул следом.

— Я же не бесплатно.

— Нет.

— Чего сразу «нет»?

Кермунд отступил ещё. Торин двинулся к нему.

И в этот момент Кенфас уже полез в телегу.

— А я тут пока посмотрю, мамаша.

— Эй! — крикнул Торин.

— Спокойно.

Кенфас ухватился за борт и одним движением забрался внутрь.

— Мало ли что у вас тут.

— Слезь оттуда!

— Да чего ты орёшь? Никто всё не заберёт.

Он нагнулся. Первую сумку отодвинул в сторону. Потом вторую. Пошарил рукой между мешками.

— Может, действительно вино найдётся...

Под сеном что-то шевельнулось.

Кенфас остановился. Секунду он ещё не понимал, на что смотрит. Сено раздвинулось.

Из-под него показалось лицо. Женское. Кенфас замер. Элайн открыла глаза.

На миг они просто посмотрели друг на друга, а потом её рука метнулась вверх.

Пальцы сомкнулись у него на горле и Кенфас захрипел. Он обеими руками вцепился в её запястье, но это не помогло. Элайн второй рукой схватила его за шею и сжала ещё сильнее.

Что-то негромко хрустнуло. Страшно буднично. Кенфас дёрнулся и его глаза широко раскрылись.

Он попытался вдохнуть, но вместо вдоха железные пальцы выдавили из его горла влажный хрип.

Элайн поднялась и встала во весь рост, с её плеч и волос посыпалось налипшее сено.

Кенфас ещё держался за её руки — уже не пытаясь оторвать их, а просто потому, что пальцы не успели понять, что всё кончилось. Элайн швырнула его со всех сил от телеги.

Он пролетел несколько шагов, ударился спиной о дорогу, затылок тяжело стукнул о твёрдую землю. Ноги дёрнулись один раз и перестали двигаться.

Битрус увидел всё. Он не застыл, не закричал и не полез в драку. Он развернулся и бросился к костру.

Торин совершенно не отдавая себе отчета, что он делает, кинулся за ним следом, но когда понял, что не догоняет, сделал единственное, что ему пришло в голову.

Прыгнул вперёд и схватил Битруса за ноги. И каким-то чудом ему это удалось. Битрус рухнул на дорогу, выругался, перевернулся и с размаху пнул назад - сапог пришёлся Торину по пальцам и ему пришлось отпустить ногу. Битрус вскочил и снова побежал к вещам около костра. Несколько секунд. Всего несколько секунд. Но их хватило.

Элайн уже спрыгнула с телеги. Сено все ещё цеплялось за волосы и одежду. Кермунд обогнул телегу с другой стороны и уже оказался рядом с ней.

В руке он по-прежнему сжимал кристалл.

Около костра Битрус уже отдёргнул ткань. Под ней лежали два меча и арбалет. Арбалет он схватил первым. Торин, ещё стоявший на коленях, увидел это и крикнул:

— Элайн!

Она уже увидела. Битрус дрожащими руками наложил болт.

Элайн чуть присела - она уже поняла, что сейчас будет. Оставалось только одно - быстро прыгнуть, чтобы он промахнулся. Но Битрус уже поднял арбалет. Щёлкнул спуск.

Кермунд резко выбросил вперёд руку. Кристалл в руке вспыхнул и воздух перед Элайн будто сгустился. Не стеной и не прозрачным щитом. Скорее пространство на мгновение стало плотным, вязким, словно болт влетел не в воздух, а в невидимое густое желе. Он резко потерял скорость, дёрнулся и упал на дорогу в нескольких шагах от Элайн.

Кристалл в руке Кермунда истаял между пальцами последней тусклой искрой.

Несколько мгновений никто не двигался. Кермунд смотрел на пустую ладонь.

Элайн — на лежащий у её ног болт. Торин — на них обоих.

Элайн всё-таки прыгнула.

Толчок получился сильнее, чем она рассчитывала. Она собиралась перелететь через Битруса и приземлиться у него за спиной — сбить арбалет, заломить руки, оставить живым.

Но Битрус, торопливо перезаряжая оружие, сделал шаг назад. Совсем небольшой и этого хватило.

Элайн поняла, что промахнулась, уже в воздухе, но возможности что-то менять уже не было - каблуки обеих сапог врезались ему прямо в грудь. Удар вышел глухим, тяжёлым — будто мешок с зерном швырнули на деревянный настил.

Битруса отбросило назад. Элайн потеряла равновесие вместе с ним, они рухнули на дорогу и несколько раз перекатались по утоптанной земле. Арбалет отлетел в сторону, болт выпал из желобка и исчез в траве. Элайн первая упёрлась ладонью в землю и одним движением вскочила.

Битрус остался лежать.

— Не двигайся! — крикнула она.

Он словно услышал. Попытался приподняться на локтях.

Сначала поднялась голова, потом плечи. На лице появилось удивление — почти детское, растерянное. Будто только сейчас он обнаружил, что тело вдруг перестало ему подчиняться.

Из рта вырвался хрип.

— Х-х-х-ааа...

Битрус снова рухнул на спину. По подбородку побежала тонкая красная струйка.

Элайн уже шла к нему. Позади торопливо поднимался Торин. Кермунд обогнул телегу. Морока больше не было: пожилая женщина исчезла, молодая девушка тоже. По дороге снова шли наследник с грязью на рукаве и раздражённый учёный с растрёпанными волосами.

Битрус попробовал вдохнуть. Грудь поднялась едва заметно.

Лицо побелело так быстро, будто кровь отхлынула от кожи одним толчком. Он заскрёб пальцами по земле, оставляя в дорожной пыли короткие борозды. Взгляд метался между приближающимися людьми и ни на чём не задерживался.

Элайн присела рядом. Теперь кровь текла уже не струйкой. Она собиралась в уголке рта, стекала по щеке и подбородку, уходила за ворот, оставляя на шее тёмные дорожки.

— Спа...

Губы шевельнулись.

— Что? — Элайн наклонилась ниже.

— Спа...

Он не договорил. Глаза закрылись. Несколько мгновений казалось, что он умер. Потом Битрус вдруг глубоко, судорожно вдохнул. Потом ещё раз. Дыхание стало нарастать — сначала короткие слабые вдохи, затем всё глубже и чаще, будто тело отчаянно пыталось наверстать упущенное. Потом так же постепенно дыхание пошло на убыль. Вдохи становились мельче, реже. И прекратились.

Тишина продлилась несколько страшно долгих мгновений. Потом грудь снова дрогнула. Один вдох. Второй. Потом опять глубже.

Элайн смотрела на него и уже знала, что видит. Пальцы Битруса шевельнулись. Не сжались в кулак, не попытались нащупать рану — просто начали скрести по земле, перебирать пыль, травинки, мелкие камешки, словно он что-то потерял и теперь искал вслепую.

— Вы знаете медицину? — глухо спросила она.

Торин подошёл ближе и машинально отряхнул землю с рукава.

— Очень немного.

— Я — нет — сказал Кермунд.

Элайн положила два пальца Битрусу на шею. Толчок и долгая пауза. Ещё один, но уже слабее.

— Насколько я понимаю, он уже не жилец.

Торин присел с другой стороны, посмотрел на дыхание, на кровь у рта, на мертвенную бледность лица.

— Да, — тихо подтвердил он. — Ты очень сильно в него врезалась.

Элайн закрыла глаза на мгновение.

— Я хотела оказаться у него за спиной. Он шагнул назад.

Она посмотрела на неподвижный арбалет в нескольких шагах.

— Создатель... Я хотела только заломить ему руки. Нам нужен был живой. Его можно было допросить.

— Он уже ничего не скажет — произнёс Кермунд.

Без злорадства. Даже без привычной сухости. Он просто сказал то, что было.

Битрус снова начал дышать глубже. Потом всё тише. Толчок под пальцами Элайн стал едва различимым. Она убрала руку.

Несколько секунд никто не говорил.

Ветер шевельнул траву у обочины. За их спинами тихо поскрипывала телега. Где-то под серой тканью зашуршал голубь, словно единственное живое существо вокруг, которому всё происходящее было совершенно безразлично.

Элайн посмотрела на Кермунда. Он стоял чуть в стороне и разглядывал собственную ладонь.

Ту самую, в которой несколько мгновений назад находился кристалл. Теперь между пальцами не осталось ничего.

— Кермунд.

Он поднял голову.

— Что?

Элайн открыла рот... и закрыла. Торин увидел это и едва не удивился больше, чем всему произошедшему за последние минуты.

Элайн Кусланд нечасто искала слова. Обычно слова сами искали способ пережить с ней встречу.

Она снова посмотрела на лежавший на дороге арбалетный болт. Тот самый, который должен был войти ей в грудь.

Потом — на Кермунда.

— Ты спас мне жизнь.

Кермунд моргнул. И ничего не ответил.

Элайн ждала.

Он по-прежнему молчал.

— Я сказала: ты спас мне жизнь.

— Я слышал.

— Обычно на такие вещи что-нибудь отвечают.

— Что?

Вот теперь Элайн растерялась уже всерьёз. Кермунд нахмурился. Не раздражённо. Скорее озадаченно.

— Что именно я должен ответить?

— Не знаю. «Пожалуйста». «Не стоит благодарности». Что-нибудь человеческое.

Кермунд посмотрел на неё так, словно она потребовала вывести неизвестную формулу без исходных данных.

— Я не знаю, что говорить.

И это, пожалуй, было самым странным ответом, который Элайн когда-либо от него слышала.

Не «это было необходимо». Не «иначе погиб бы ценный союзник». Не «я действовал в интересах Торины».

Просто:

— Не знаю.

Он сам, похоже, был этим раздражён. Элайн медленно поднялась.

— Почему ты это сделал?

— Что?

— Не притворяйся глупее, чем ты есть. Почему ты закрыл меня?

— Я не закрывал тебя. Я изменил плотность воздуха перед траекторией болта.

— Кермунд.

Он замолчал и отвёл глаза. Торин смотрел на него и вдруг понял, что тоже хочет услышать ответ.

Очень хочет. Кермунд потер ладонь, словно там ещё мог сохраниться порошок от исчезнувшего кристалла.

— Он стрелял, а ты не успевала.

— Я заметила.

— Значит, нужно было остановить болт.

— Почему тебе?

Кермунд вскинул голову.

— А кому ещё?

И сразу замолчал. Слова вырвались раньше, чем он успел их проверить.

На лице появилось выражение почти оскорблённого недоумения.

Элайн смотрела на него. Он действительно не знал. Не мог объяснить. Увидел опасность — и сделал.

Не успел решить, достоин ли человек спасения. Не успел вспомнить, сколько раз они оскорбляли друг друга. Не подсчитал стоимость лирна. Просто выбросил руку с кристаллом вперёд.

И теперь впервые в жизни, возможно, столкнулся с поступком, который нельзя было разложить на формулы.

Кермунд вдруг покраснел. Совсем немного, но Элайн это заметила. Торин тоже.

Кермунд немедленно нахмурился сильнее, словно надеялся задавить смущение одним выражением лица.

— Это было очевидное решение.

— Разумеется, — сказала Элайн.

— Любой разумный человек поступил бы так же.

— Несомненно.

— И вообще, ты нам ещё нужна.

Вот оно.

Кермунд наконец нашёл спасительный берег.

— Торину нужно вернуться домой. Для этого ты полезнее живой.

Элайн кивнула.

— Конечно.

Кермунд подозрительно посмотрел на неё.

— Что?

— Ничего.

— Ты улыбаешься.

— Нет.

— Улыбаешься.

— Кермунд, не порть момент.

— Какой ещё момент?

Элайн вздохнула. Вот теперь всё снова становилось нормальным. Почти.

Она посмотрела ему прямо в глаза.

— Я у тебя в долгу.

Кермунд замер. Эти слова дались ей тяжелее, чем должны были. Намного тяжелее.

Она привыкла платить долги. Привыкла помнить обещания. Привыкла возвращать услугу за услугу, удар за удар, жизнь за жизнь. Но именно ему...

Кермунду.

Человеку, которого ещё недавно она мечтала вытряхнуть из сапог за один язык.

Человеку, чью руку она сама повредила и повредила заслуженно. Человеку, из-за которого — и из-за себя самой — теперь бродила неизвестно где-то вдали от своей главной цели.

— Ты спас мне жизнь, — повторила она. — Значит, я тебе должна. Не могу сказать, что я в восторге. Ты, полагаю, тоже. Но от этого ничего не меняется.

Кермунд открыл рот. Потом закрыл.

— Я...

Он снова не нашёл слов. Элайн почти пожалела его. Почти.

— Можешь пока ничего не говорить.

— Я и не собирался.

— Прекрасно.

Торин стоял рядом и молчал. А внутри что-то неприятно скреблось. Он смотрел на Кермунда и видел, как Элайн смотрит на него. Не с любовью. Даже не с теплом. Но иначе, чем раньше. С уважением.

С признательностью.

И где-то глубоко внутри Торин совершенно по-детски, постыдно подумал:

"Почему это был не я?"

Он первым заметил арбалет. Он кричал Элайн. Он бросился за Битрусом. Но спас её Кермунд.

И Торин ненавидел себя за то, что вообще думает об этом сейчас — рядом с умирающим человеком, после того как его лучший друг сделал именно то, чем следовало гордиться.

Он отвёл глаза.

Элайн это заметила. Конечно заметила.

— Торин.

— Что?

— Ты чего такой?

— Ничего.

— Не умеешь ты говорить «ничего».

— Всё нормально.

Она несколько мгновений его рассматривала. Потом поняла.

— О Создатель!

Торин покраснел.

— Не надо.

— Ты серьёзно?

— Элайн.

— Торин, если бы ты не схватил его за ноги, он добрался бы до арбалета раньше.

Торин промолчал.

— Намного раньше, — продолжила она. — И Кермунд мог не успеть.

Кермунд нахмурился.

— Возможно.

Торин посмотрел на него. Для Кермунда это «возможно» было почти торжественной речью в честь чужих заслуг. Элайн ткнула пальцем сначала в одного, потом в другого.

— Один выиграл несколько секунд. Второй ими воспользовался. В результате я всё ещё здесь и имею счастье слушать вас обоих.

— Очень спорное определение счастья, — пробормотал Кермунд.

Элайн фыркнула. Потом стала серьёзной.

— Вы оба сегодня сделали то, чего от вас ещё недавно я бы не ожидала.

Торин чуть нахмурился.

— И что именно?

Элайн посмотрела сначала на него.

— Ты полез в драку, хотя не умеешь драться.

— Спасибо.

— Это был комплимент.

— Очень странный.

— Других не держу.

Потом перевела взгляд на Кермунда.

— А ты потратил кристалл лирна, который пять минут назад считал слишком ценным даже для морока. Кермунд хотел возразить, но передумал.

Элайн немного покивала.

— Поздравляю. Кажется, вы сделали первые шаги к тому, чтобы стать теми людьми, которыми вам давно полагается быть.

Торин усмехнулся.

— А ты?

Элайн уже отвернулась к телеге. Вопрос заставил её остановиться. Она посмотрела на Битруса.

Дыхание почти прекратилось. Паузы стали длинными, а редкие вдохи — совсем слабыми. Пальцы больше не шевелились. Потом посмотрела на Кермунда.

Он всё ещё выглядел так, словно спасение её жизни было каким-то крайне неприятным научным открытием, которое придётся проверять повторным опытом.

Уголок рта Элайн дрогнул.

— А я...

Она немного подумала.

— А я сегодня выяснила, что люди иногда бывают намного лучше, чем кажутся.

Кермунд прищурился.

— Это ты сейчас про меня?

— Не привыкай.

Торин рассмеялся. Даже Кермунд через несколько мгновений недовольно фыркнул.

Позади них Битрус сделал последний неглубокий вдох. И больше не вдохнул.

Глава 19

Хасслера ждали у ворот. Едва передовой всадник отряда миновал створки, один из караульных выпрямился и отсалютовал. Второй только взглянул на Хасслера — и сорвался с места.

Не пошёл. Не побежал даже, а помчался так, будто от скорости его ног зависело, успеют ли сегодня закрыть городские ворота перед наступающей армией. Через несколько мгновений он исчез между домами.

Хасслер проводил его взглядом.

«Это ещё что?»

Значит, его ждали. Мысль ворочалась медленно. Хасслер посмотрел вслед убежавшему стражнику.

Хорошо это или плохо? Решить не получилось. Спать хотелось сильнее, чем думать.

Мысль была медленной, вязкой и какой-то удивительно равнодушной.

«Что случилось?»

Обычно подобное заставило бы его насторожиться мгновенно. Он бы уже прикидывал, кого послали предупреждать, почему караульный узнал его отряд, и кто вообще успел отдать приказ ждать его у ворот.

Сейчас Хасслеру хотелось только одного. Спать.

До вечера оставалось ещё далеко, солнце висело высоко, город жил обычной дневной жизнью, но веки будто изнутри налились тёплым воском. Стоило моргнуть чуть медленнее — и возникало почти непреодолимое желание оставить глаза закрытыми ещё хотя бы на одно мгновение.

Впрочем, отряд выглядел не лучше командира.

Люди сидели в седле с той особой прямоотой, которая появляется после слишком долгой дороги: спину держат уже не мышцы, а одно упрямство. Кто-то клевал носом. Кто-то молча тёр поясницу. Разговоров почти не было.

Лошади тоже устали. До загнанности их не довели — Хасслер скорее загнал бы собственных людей, чем хороших коней, — но животные шли ленивой рысцой, тяжело поводили боками и при первой возможности сами сбивались на шаг.

Рауссбург встретил их шумом, запахом дыма, навоза, выпечки и нагретого камня.

Хасслер вдруг подумал, что добраться до казармы, снять сапоги и рухнуть на койку сейчас было бы вполне достойным завершением военной операции. Но пока не получалось.

До казарм оставалось ещё совсем немного, когда навстречу им торопливо вышел молодой человек в тёмном платье хорошего сукна.

Хасслер узнал его не сразу. Секретарь Совета Хранителей.

Человек, на котором держалось почти всё то, чего сами Хранители предпочитали не замечать: бумаги, повестки, протоколы, созыв заседаний, рассылка распоряжений и, вероятно, половина Империи между девятью утра и обедом.

Секретарь остановился возле коня и почтительно наклонил голову.

— Досточтимый одн. Моди Густафс просит вас немедленно пройти к нему.

Хасслер посмотрел на него сверху.

Слова пришлось осмысливать чуть дольше обычного.

— Немедленно?

— Немедленно.

— Я только что въехал в город.

— Именно поэтому я здесь и передаю вам его волю.

Это уже было интересно.

Настолько интересно, насколько вообще что-либо могло быть интересно человеку, мечтавшему лечь лицом в подушку. Хасслер спешился.

Ноги после долгой езды несколько мгновений вспоминали, для чего предназначены.

Секретарь приблизился и понизил голос:

— Хранитель особо просил, чтобы до разговора с ним вы никому ничего не сообщали.

Сонливость немного отступила.

— Что случилось?

— Идёмте за мной, одн.

— А мои люди?

— Останутся в казармах.

Хасслер обернулся. У ворот казарменного двора уже началась обычная дорожная суета. Люди стаскивали с лошадей сумки, ослабляли подпруги, кто-то потащил к коновязи ведро с водой. Один из солдат, едва спешившись, прислонился лбом к боку своего коня и так постоял.

И тут со стороны улицы подошла императорская стража. Позолоченные полированные доспехи трудно было спутать с чем-либо ещё. Хасслер нахмурился.

Стражники Императора вошли во двор спокойно. Никто не вытаскивал оружия. Никто не потребовал сложить мечи. Никого не поставили лицом к стене. Напротив, один из золотых тут же подхватил тяжёлую сумку у уставшего солдата. Другой придержал коня за повод, пока ему снимали седло. Третий хлопнул животное по крупу и что-то сказал всаднику; тот устало рассмеялся. Всё было дружелюбно.

Почти по-семейному. Только через несколько мгновений Хасслер заметил, что двое императорских стражников встали у ворот. Ещё двое — у бокового выхода.

И никто из его людей теперь не мог выйти из казарменного двора, не пройдя мимо них.

Войти, вероятно, тоже. Пока — дружески. Но протазаны в руках гвардии были самые настоящие.

Хасслер почесал за ухом.

— Это уже начинает мне не нравиться.

Секретарь Совета промолчал. Хасслер посмотрел на него.

Тот с безупречным вниманием изучал противоположную стену улицы.

«Ага»

Если бы Хасслер спал хотя бы часа четыре из последних суток, он, наверное, уже начал бы задавать правильные вопросы.

Кто отдал приказ?

Почему его людей фактически заперли в казармах?

Кого предупредил караульный у ворот?

И почему Хранитель Короны не хочет, чтобы кто-либо знал, о чём Хасслер собирается ему рассказать?

Но голова сейчас годилась разве что на то, чтобы удерживать шлем.

— Ладно, — вздохнул он. — Ведите.

* * *

Моди Густафс принял его в Высшей Канцелярии Совета. Но не у себя.

Хасслер бывал в кабинете Хранителя Короны и хорошо его помнил: высокие окна, тяжёлый ковёр, резная мебель, карты, книги, герб Империи над письменным столом и достаточно места, чтобы заставить любого посетителя почувствовать разницу между собой и человеком, который сидит по другую сторону стола.

Здесь ничего подобного не было. Небольшой кабинет. Простой письменный стол.

Два шкафа с бумагами, четыре стула, из которых один заметно шатался. На подоконнике стояла засохшая чернильница, которую кто-то забыл убрать.

Судя по всему, настоящий хозяин кабинета был рядовым служащим Канцелярии и сейчас даже не подозревал, что его комнатой временно пользуется первый человек Империи.

Почти первый. Формально.

Моди Густафс поднялся ему навстречу.

— Доброго дня, досточтимый Фрегг!

Будто они встретились на обеде. Хасслер отсалютовал.

— И вам доброго дня, Хранитель.

— Садитесь. Ради Норрна, садитесь, вы выглядите так, будто ещё немного — и уснёте стоя.

— Я думаю, что скоро это и произойдет, одн.

Хасслер опустился на стул. Тот жалобно скрипнул, но выдержал.

— Чего бы вы хотели с дороги? — спросил Моди. — Вина?

Хасслер представил себе кубок.

Потом представил, что будет после первого глотка.

— Не вина. Выспаться.

Моди слегка улыбнулся. Хасслер потёр глаза.

— У меня веки словно мёдом намазаны, одн.

Улыбка исчезла. Моди сам подошёл к двери и дважды постучал костяшками.

Она открылась почти сразу и на пороге появился всё тот же секретарь.

Хасслер невольно посмотрел на него с уважением. Судя по всему, этот человек умел одновременно находиться возле городских ворот, в Высшей Канцелярии и непосредственно за каждой нужной дверью.

— Воду, — сказал Моди. — Кувшин. Таз. Полотенце. Всё для умывания.

— Сейчас.

— Простите, Фрегг, — добавил Моди, возвращаясь к столу. — Больше пока ничем помочь не могу.

— Пока?

— Пока.

Вот это слово Хасслеру не понравилось.

Секретарь вернулся так быстро, что оставалось только предположить: либо вода ждала заранее, либо у него имелась собственная Быстрая Дверь, о которой Совет предпочитал никому не рассказывать.

Он поставил на стол кувшин, таз и сложенное полотенце. Хасслер плеснул в таз замечательно холодной воды. Он умыл лицо, потом ещё раз. Намочил волосы у висков, протёр шею. Вода потекла за ворот, но это было даже приятно.

Мир немного прояснился. Хасслер вытер лицо и наконец посмотрел на Моди внимательно.

Тот ждал. Не торопил. И это настораживало сильнее всего.

— Хорошо, — сказал Хасслер. — Я всё ещё не понимаю, почему меня привели сюда тайком и почему мои люди сейчас под охраной личной стражи Императора.

Моди ничего не ответил.

— Но сначала главное. - проговорил Хасслер. - Наследник здесь?

Он сам услышал в собственном голосе надежду. Небольшую. Может быть и глупую. Но ещё живую.

Моди не ответил сразу. И этой паузы Хасслеру хватило. Сон исчез окончательно.

— Что значит — здесь?

У Хасслера неприятно похолодело внутри.

— Он ушёл из Нирхалла через Быструю Дверь. В Рауссборг.

Несколько мгновений Моди молчал.

— Вы видели, как он ушёл?

— Нет. Но я говорил с теми, кто видел. Торин, Элайн и Кермунд вошли в круг.

— Фрегг Хасслер. Они не вышли в Рауссборге. Ни в каком другом городе Империи их тоже нет.

Хасслер медленно опустил полотенце. Император был мёртв. Торин не вышел в Рауссборге.

Тишина. Моды медленно повернулся к стене.

Стена была совершенно пустой.

Тем не менее несколько мгновений Хранитель Короны рассматривал её с таким вниманием, будто именно там внезапно обнаружился ответ на все вопросы Империи. Потом повернулся обратно.

— Откуда вы узнали, что он ушел из Нирхалла через Быструю Дверь?

— Было два сообщения - гонец от наследника и еще один ... гонец от человека, которого я знаю. Я выехал в Нирхалл для проверки.

Теперь замолчал уже Моды.

Что-то в его лице изменилось. Совсем чуть-чуть.

— Мы гнали почти без остановок.

— Фрегг...

Моды опёрся ладонями о стол.

— Вы должны были приехать сюда с наследником.

— Но я же сказал, что наследник ушёл через Быструю Дверь.

Моды не сел.

— Так.

Он медленно опустился на стул. Провёл пальцами по подбородку.

— Быстрая Дверь.

Хасслер смотрел на него. Усталость куда-то исчезла. Не совсем.

Тело всё ещё ныло, глаза резало, в голове было пустовато. Но сон уже не казался главным делом на свете.

— А теперь, — сказал Моды, — рассказывайте.

Хасслер нахмурился.

— Что именно?

Моды поднял на него глаза. Радужные исчезали с его лица почти на глазах.

Не резко. Как вода уходит в песок.

— Всё.

Он сцепил пальцы перед собой.

— С самого начала. Как на духу. Немедленно.

Хасслер несколько мгновений молчал. За стеной кто-то прошёл по коридору. Плышался шелест бумаг, короткий кашель, потом снова стало тихо.

— Я ждал вас с наследником, — продолжил Моды. — Мне сообщили, что ваш отряд вошёл в столицу. Потом сообщили, что наследника среди вас нет.

Он сделал короткую паузу.

— Поэтому я и велел привести вас сюда.

Хасслер медленно выпрямился.

— Почему сюда?

— Потому что я не хочу, чтобы кто-либо видел вас у меня.

— Кто-либо?

— Кто-либо.

Теперь каждое слово Моды ложилось между ними тяжело и очень точно.

— И тем более я не хочу, чтобы кто-либо слышал то, что вы сейчас мне расскажете.

Хасслер посмотрел на дверь. На маленький кабинет. На чужой шаткий стул.

На Хранителя Короны, который вместо собственного роскошного кабинета прятался здесь вместе с командиром столичного гарнизона.

И наконец всё начало складываться. Пока ещё не в картину. Но уже в нечто очень неприятное.

— Моих людей поэтому заперли в казармах?

— Их не заперли.

Хасслер поднял бровь. Моды выдержал паузу.

— Пока.

— Понятно.

— У Империи сейчас нет Императора. До вашего приезда я исходил из того, что у неё хотя бы есть наследник. И вы сейчас расскажете всё. Всё что произошло - только мне, Фрегг. После этого я решу, что из услышанного можно сообщить остальным Хранителям.

Хасслер посмотрел ему в глаза.

— А что нельзя?

— Сначала я должен понять, что произошло.

Моды чуть подался вперёд.

— И ещё я должен решить, что после этого делать с вами.

Хасслер медленно выдохнул. Вот теперь он окончательно проснулся. Хранитель Короны снова сцепил пальцы перед собой.

— Я вас слушаю, Хасслер.

* * *

Пока Хасслер рассказывал, Моды не прерывал его ни одним словом, ни одним движением.

Когда он закончил, молчание повисло между ними густой чёрной тучей.

Голос Моды прозвучал прорвался сквозь неё глухим вопросом:

— Кто ещё знает, что наследник вошёл в Быструю Дверь, но в Рауссборге не появился?

Хасслер потёр висок.

— Два человека точно знают, что наследник ушёл через Дверь. Мой заместитель Грегорс и дворецкий наследника, Вильбранд. Но о том, что он не появился здесь, они знать не могут. Грегорс как раз надеялся, что Торин уже в Рауссборге. Даже предположил, что это он велел отправить нам голубя с известием о смерти Императора.

— Что ж, — Моды провёл ладонью по лицу. — Не будем его разубеждать. Пока.

Он опустил руку.

— А дворецкий? Он точно видел переход?

— Судя по всему, да.

— И после этого исчез?

— Через несколько часов.

— Найти.

Хасслер моргнул.

— Прямо сейчас?

Моды посмотрел на него с неподдельным удивлением.

— Я вас не узнаю, Хасслер.

— Я несколько не в себе, Хранитель.

— Тем более не узнаю. Соберитесь же!

Он вдруг ударил ладонью по столу. Не сильно, но в маленьком кабинете хлопок прозвучал почти как выстрел.

— Нам грозит новая Смута. Вы понимаете это?

Хасслер молча кивнул. Понимал. Наверное, именно поэтому очень хотелось снова стать человеком, который всего лишь не спал почти сутки. Моди выдохнул через нос и снова сел.

— Так. Теперь главное. Есть хотя бы одно основание считать наследника погибшим?

— Нет.

— Значит, он не мёртв.

Хасслер поднял глаза.

— Мы этого не знаем.

— Нет, Фрегг. Это вы не знаете, жив ли он. А я пока не знаю, что он мёртв. Для меня сейчас это совершенно разные вещи.

Хасслер несколько мгновений смотрел на него. И понял.

Моди уже не пытался выяснить судьбу Торина. Не сейчас. Он раскладывал перед собой совсем другую задачу — что именно известно Империи.

— Кто знает о смерти Императора? — спросил Хранитель.

Хасслер пожал плечами.

— Половина столицы, полагаю. А может быть уже и весь Рауссборг.

— О смерти — да. Я спрашиваю другое. Кто знает одновременно о смерти Императора и о том, что наследник исчез?

Теперь Хасслер задумался по-настоящему. Грегорс не знал. Вильбранд — если вообще был ещё жив и находился где-нибудь поблизости — тоже не мог знать наверняка.

Люди в казармах знали ещё меньше. Хасслер поднял глаза на Хранителя.

— Я и Вы.

Моди выдержал его взгляд. Несколько мгновений ничего не происходило.

Потом он медленно сказал:

— Тогда... тогда у нас ещё есть возможность не дать Смуте подняться во весь рост.

Он встал, подошёл к двери и дважды постучал. Секретарь возник так быстро, словно всё это время стоял, приложив ухо к косяку. Впрочем, если так оно и было, на его лице это никак не отразилось.

— Найдите Асвера Конига и Эймунда Хьяртилла, — сказал Моди. — Где угодно. Что бы они сейчас ни делали. И приведите сюда.

Секретарь лишь кивнул.

— Немедленно?

Моди посмотрел на него.

— Я разве произнёс какое-то другое слово?

— Нет, одн.

Дверь закрылась.

Моди некоторое время смотрел на неё, потом повернулся к Хасслеру.

— Мы отсюда не выйдем, пока не найдём решение.

— Решение чего?

— Как выбраться из той ямы, куда мы все свалились.

Он вернулся к столу, но садиться не стал.

— Хасслер, насколько я помню, это была ваша идея — послать чужачку за наследником? Кровь моментально отхлынула от лица Хасслера.

— Одн...

— Ну-ну, Фрегг.

Моди устало махнул рукой.

— Не спешите вешать все на себя. Идея была ваша. Эймунд её одобрил. А я разрешил.

Он помолчал.

— Так что мы все хороши.

Хасслер ничего не ответил. Ему вдруг очень ясно вспомнилась Элайн. Её уверенность. Её обещание вернуть Торуна. Быстрая Дверь в Нирхалле. И пустой Рауссбург по эту сторону.

Моди подошёл к шкафу, открыл дверцу и достал бутылку.

— Давайте всё-таки выпьем вина.

Хасслер посмотрел на неё. Ещё совсем недавно после первого кубка он боялся уснуть прямо на стуле.

Теперь это казалось совершенно невозможным.

— Давайте, — сказал он.

Моди поставил на стол два кубка.

— Пока ждём Асвера и Эймунда.

* * *

Когда секретарь принёс ещё два стула и закрыл за собой дверь, Моди некоторое время молча оглядывал собравшихся.

Асвер Кониг сел, положив обе руки на набалдашник трости. Эймунд Хьяртилл остался стоять.

Первым заговорил Асвер:

— Я всё-таки хотел бы уточнить, какой именно вопрос мы собираемся обсуждать. И почему здесь? Если дело касается Совета, его вполне можно собрать обычным порядком.

Моди не ответил сразу. А Эймунд вообще будто не слышал вопроса. Он внимательно рассматривал Хасслера. Очень внимательно.

На лице Хранителя Войны редко можно было прочесть что-нибудь без особого труда, но сейчас оно говорило почти открытым текстом:

"Что же ты натворил, дружище?"

Хасслер отвёл глаза.

— Сейчас Фрегг всё вам расскажет, — сказал наконец Хранитель Короны. — Фрегг, повторите. Всё. Слово в слово, насколько сможете.

Хасслер повторил. На этот раз рассказ получился короче. Возможно, потому что он уже один раз проговорил всё вслух. Возможно, потому что некоторые вещи после первого рассказа становились только хуже. Асвер не перебивал.

Но к концу его пальцы так стиснули набалдашник трости, что Хасслер начал опасаться за дерево.

Когда он закончил, Асвер выдохнул:

— Это катастрофа.

Никто не возразил.

— Во имя всей Священной Десятки... Я даже предположить не мог, что наследник решится использовать Быструю Дверь. Для этого требуется огромное количество лирна. Откуда он вообще его взял?

— В Нирхалле был бой, — произнёс Эймунд. — Насколько я понял, с феорским магом. Возможно, лирн был у него.

Он нахмурился.

— Меня, впрочем, сейчас гораздо больше интересует другое. Почему феорский маг вообще оказался возле дворца наследника? Если люди Феора уже гуляют по нашим дворцам под мороком, будто по собственной кухне, то исчезновение Торуна может оказаться не единственной нашей бедой.

Асвер повернул к нему голову.

— Под мороком?

— Фрегг сказал, что маг пытался пройти под видом нашего гонца.

— Под видом?..

— Морок, Асвер.

— Я знаю, что такое морок.

— Тогда зачем спрашиваете?

— Потому что одно дело — использовать его в опытах, и совсем другое...

— Хватит.

Моди произнёс это негромко, но оба замолчали.

— Всё это мы будем выяснять потом. И феорского мага. И лирн. И Нирхалл. И то, каким образом человек под мороком оказался возле дворца наследника. Он положил ладони на стол.

— Если у нас будет это «потом».

Асвер посмотрел на него. Моди продолжил:

— Сейчас у нас одна задача. Император умер. Наследника в Рауссборге нет. И мы должны решить, что нам делать до того, пока об этом не узнает кто-нибудь ещё.

Асвер медленно провёл большим пальцем по набалдашнику трости.

— Это уже вопрос престолонаследия.

— Пока нет.

— Моди...

— Пока — нет.

Асвер помолчал.

— Если Торина действительно невозможно найти, придётся установить ближайших родственников покойного Императора. Здесь нужен Хранитель Законов. Родословные, порядок наследования...

— Никого вызывать мы не будем.

Асвер поднял голову.

— Что?

— Ни Хранителя Законов. Ни остальных членов Совета. Никого.

— Но это невозможно скрывать бесконечно.

— Я и не собираюсь бесконечно это скрывать.

— Тогда...

— Асвер.

Моди впервые за весь разговор повысил голос совсем немного. Этого оказалось достаточно.

— О том, что вы сейчас слышали, никто за пределами этой комнаты знать не будет. Особенно о том, что наследник исчез.

— Но почему?

Моди посмотрел на него тяжело.

— Потому что после прошлой Смуты мы потеряли лирн.

Асвер замер.

— Если начнётся новая, вы можете потерять Высокую Башню. Вместе со всеми людьми, которые там работают. Я не поручусь за вашу жизнь, Асвер. За жизнь Эймунда. За жизнь Хасслера.

Он сделал короткую паузу.

— За свою тоже.

В комнате стало тихо. Асвер первым отвёл взгляд.

— То есть вы предлагаете... что? Вернуть наследника?

— Да.

Асвер раздражённо ударил концом трости о пол.

— Прекрасно. А где он?

Моди промолчал.

— Вот именно! — Асвер развёл рукой. — Мы не знаем, где он. Не знаем, что произошло с Дверью. Не знаем даже, в нашем ли он мире, если уж эта проклятая штука действительно сработала неправильно. Найти человека, сидя в этой комнате, невозможно.

— Если боец потерял меч, — неожиданно сказал Эймунд, — он берёт другой.

Асвер медленно повернулся к нему.

— Что?

— Желательно такой же.

— Люди — не мечи, Эймунд.

— Я знаю.

Эймунд наконец сел и потёр большим пальцем край стола.

— Но если бы у наследника был брат...

Моди посмотрел на него.

— Нет.

— Я знаю, что нет.

— Тогда зачем...

— Или кто-нибудь очень на него похожий.

Асвер даже фыркнул.

— И долго, по-вашему, этот человек проживёт при дворе? До первого слуги, который знает, как Торин держит ложку?

— Значит, не похожий — сказал Моди.

Асвер нахмурился. Моди смотрел уже не на него, а куда-то между Асвером и Эймундом.

— А точно такой же.

Несколько мгновений никто не произносил ни слова.

Первым понял Асвер. По его лицу это было видно.

— Нет.

Эймунд медленно повернул к нему голову.

— Что — нет?

— Нет.

— Вы хотя бы дослушайте.

— Я уже дослушал.

Асвер крепче взялся за трость.

— Вы предлагаете наложить на человека морок наследника.

Моди ничего не сказал. Асвер посмотрел на него.

— Моди?

— Асвер, ведь это можно сделать?

— Это чудовищно.

— Это не ответ.

— Я сказал: это чудовищно!

Эймунд откинулся на спинку стула.

— Во время боя морок - отличная маскировка.

— Мы не на поле боя!

Эймунд посмотрел на него почти с сожалением.

— А по-моему, уже на нём. Просто противника пока не видно.

Асвер открыл рот, но Моди опередил его:

— Асвер, это можно сделать?

Хранитель Магии долго смотрел на него.

— Можно.

Моди кивнул.

— Хорошо.

— Я не сказал, что согласен!

— Я спросил не это.

Асвер со стуком поставил трость между коленями.

— Даже если забыть на минуту, что вы собираетесь обмануть всю Империю... Морок такого качества потребует лирна. Много.

— Сколько?

— Если человек должен выглядеть как Торин не только издали, а с нескольких шагов, при движении, при разном освещении... унцию в час. Возможно, даже немного больше.

Он покачал головой.

— В Высокой Башне сейчас не наберётся и пяти унций, даже если выскрести все хранилища до последней крупы. Вы прекрасно знаете, что происходит с лирном.

— Сегодня, — сказал Эймунд, — в крайнем случае завтра, у вас будет пятьдесят пять унций.

Асвер замолчал. Потом очень медленно повернул к нему голову.

— Сколько?

— Одиннадцать крупных кристаллов. Каждый не меньше пяти унций.

Асвер смотрел на него так, будто Эймунд только что сообщил о найденном в подвале втором Императоре.

— Откуда?

— Из одного дома.

— Из какого ещё дома?

— Дома Феррена Лютрига.

Рот Асвера приоткрылся. Он действительно несколько мгновений не мог придумать ни одного слова.

— Помните, — продолжил Эймунд, — вы просили проверить сведения о больших зеркалах?

— Помню.

— Так вот. Мы проверили.

— И при проверке нашли одиннадцать кристаллов?!

— Среди прочего.

Асвер снял очки, которых не носил, машинально потёр переносицу и только потом, кажется, понял, что тереть нечего.

— Ну... предположим!

Он поднял палец.

— Я сказал: предположим! Лирн у нас есть. Допустим даже, что я соглашусь участвовать в этом безумии. На кого вы собираетесь накладывать морок?

Моди ответил сразу:

— Не «мы». Вы.

Асвер уставился на него.

— Что?

— Вы лично наложите морок. Без помощников. Без учеников. Без лаборантов. Ни один человек из Высокой Башни не должен узнать, что вы делали.

— Я всё ещё спрашиваю: на кого?

Эймунд посмотрел на Хасслера. Хасслер это заметил.

И ему сразу не понравилось направление мысли Хранителя Войны.

— На Фрегга.

— Нет, — сказал Хасслер.

Эймунд даже слегка улыбнулся.

— Хасслер. Ваша была идея послать за Торином чужачку?

Хасслер помрачнел.

— Моя.

— Вот и отмолите.

— Эймунд...

Моди поднял ладонь. Некоторое время он смотрел на Хасслера. Не как на человека. Как на решение задачи. Это было неприятно.

— Лучшей кандидатуры действительно нет.

— Благодарю.

— Не за что.

— Я не похож на Торуна.

Асвер тихо кашлянул.

— Через несколько часов будете.

Хасслер посмотрел на него.

— И вы туда же?

— Я пока исключительно как специалист.

— Очень утешает.

Моди вернулся к столу.

— Послушайте меня, Фрегг. Мне не нужен второй Торуна.

Хасслер перестал усмехаться.

— Мне вообще не нужен человек, который будет изображать его постоянно. Наследник должен появиться в столице. Его должны увидеть.

Моди начал загибать пальцы.

— Он въехал. Он жив. Он вернулся после тяжёлых событий в Нирхалле. Его отец умер. Он потрясён. Он никого не желает видеть.

Хасслер молчал.

— Он проходит в свои покои, — продолжал Моди. — Запирается там. Не принимает придворных. Не беседует с послами. Не раздаёт распоряжений. Не ходит по улицам.

— И сколько я должен там сидеть?

— Вы — несколько. Морок понадобится только тогда, когда наследника должны увидеть.

Асвер уже считал. По губам. Это заметил Эймунд.

— Пятьдесят пять часов — сказал он.

Асвер раздражённо посмотрел на него.

— Я сам умею считать.

— Не сомневаюсь.

— Если держать морок только во время публичных появлений... — Асвер постучал пальцем по трости. — Да. Этого хватит надолго.

Хасслер посмотрел на Моди.

— А коронация?

— Не будет никакой коронации.

Ответ прозвучал мгновенно. Даже Асвер поднял голову.

— Наследник официально отложит её, — продолжил Моди. — До тех пор, пока сам не сочтёт уместной. Его отец только что умер. Если Торуна заявит, что не станет устраивать торжества над ещё не остывшим телом Императора, никто не удивится.

— И когда он сочтёт её уместной? — спросил Эймунд.

Моди посмотрел на него.

— Никогда.

Эймунд медленно кивнул. Хасслер тоже понял.

— То есть никакой короны на меня не наденут.

— Даже близко не поднесут.

Моди подошёл к нему.

— И править вы не будете.

— Рад слышать.

— Это не шутка, Фрегг.

— Я и не шучу.

Моди помолчал.

— Ни одного приказа от имени Торина без моего ведома. Ни одного назначения. Ни одного обещания. Ни одного указа.

— А если указ понадобится?

— Тогда его сначала увижу я.

Хасслер прищурился.

— И если вы сочтёте его необходимым?

— Тогда наследник его подпишет.

Асвер резко поднялся.

— Вот именно!

Все повернулись к нему.

— Вот именно с этого всё и начинается! Сначала показать наследника издалека. Потом подпись. Потом один указ. Потом второй. А через месяц мы обнаружим, что начинаем новое правление с государственной лжи.

— Нового правления не будет — сказал Моди.

— Вы называете это иначе только потому, что вам так удобнее!

— Нет.

Моди подошёл к Асверу почти вплотную.

— Я называю вещи ровно тем, чем они являются.

Он указал на Хасслера.

— Этот человек не станет Императором.

На Эймунда:

— Этот человек не станет выбирать нового.

Потом положил ладонь себе на грудь.

— И я не собираюсь захватывать власть.

Асвер хотел что-то сказать, но Моди не дал.

— Мы сделаем одно. Не позволим Империи узнать, что сегодня у неё нет никого на престоле.

— То есть солжём.

— Да.

Асвер замер. Пожалуй, он не ожидал настолько простого ответа.

Моди продолжил:

— Мы солжём.

Он медленно обвёл взглядом всех троих.

— Потому что, если завтра станет известно, что Император умер, а его единственный сын исчез неизвестно куда, начнут искать следующего наследника. Потом появятся люди, которые объяснят, почему этот наследник неправильный. Потом другие люди найдут своего.

Эймунд криво усмехнулся.

— А потом понадобится армия.

— Потом понадобится несколько армий — сказал Моди. — И каждая будет уверена, что спасает Империю.

Асвер отвернулся. Моди говорил уже тише:

— Феор узнает об этом раньше, чем наши провинции успеют договориться между собой. Норлан вспомнит всё, что ему когда-либо не нравилось в Рауссборге. В Кинлане появятся люди, которые решат, что сейчас самое время изменить старые порядки.

Он сделал паузу.

— А потом мы опять будем считать сожжённые деревни.

Хасслер поднял глаза. Моди встретил его взгляд.

— И повешенных бунтовщиков, — добавил он.

Вот теперь Хасслер ответил не сразу. Перед глазами почему-то очень ясно возникла дорога. Чёрные балки сгоревших домов. Трупы возле виселиц. Солдаты, которым приказано наводить порядок там, где порядок уже давно умер. Он медленно провёл ладонью по лицу.

— И что мне придётся делать?

— Появиться перед людьми несколько раз.

— Молчать?

— По возможности.

— Это я умею.

— Сейчас особенно пригодится.

Хасслер вздохнул.

— А потом?

— Потом вы снова станете Фреггом Хасслером.

— И всё?

Моди посмотрел ему прямо в глаза.

— А всё остальное время мы будем искать Торуна.

— Все силы?

— Все, которые можно бросить на поиски, не показав всему миру, что именно мы ищем.

Хасслер долго молчал. Потом пожал плечами.

— Хорошо.

Асвер повернулся к нему.

— Вот так просто?

— Нет.

Хасслер посмотрел на него.

— Просто — это если бы я мог отказаться и после этого ничего не произошло.

Он поднялся. Ноги всё ещё ныли после дороги.

— Я достаточно стар, чтобы помнить, как выглядит Смута. И достаточно долго служу, чтобы знать, кто потом будет жечь деревни и вешать тех, кто выбрал неправильную сторону.

Он посмотрел на Моди.

— Если вместо этого мне нужно несколько раз проехать по городу с чужим лицом — накладывайте ваш морок.

Асвер тяжело опустился обратно на стул.

— Всё равно неправильно.

— Да. Неправильно. А теперь предложите мне правильное решение, после которого через месяц не придётся вешать людей на городских площадях.

Асвер посмотрел на него.

— Мы обманываем всех ради...

— Ради спасения всех.

— Очень удобные слова.

— Нет, Асвер. Я говорю то, что есть. И вот то, что я говорю - очень неудобно.

Моди вернулся на своё место и сел. В маленьком чужом кабинете вдруг стало тесно от четырёх человек и одного решения, которое ни один из них ещё утром не согласился бы даже обсуждать.

— Когда всё закончится — сказал Моди, — можете назвать это ложью. Преступлением. Государственным обманом. Можете потребовать суда.

Он сцепил пальцы.

— Но для начала у нас должно остаться государство, в котором этот суд можно будет провести.

Никто ему не ответил.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. ДЕЛАЙ, ЧТО ДОЛЖЕН

Что хочешь делай, бог, с моей душой и телом,
Мой сделай черным лик иль сделай лик мой белым.
В пыль преврати, во прах немилостью своей
Или приблизь меня к щедрот своих пределам.
Мирзо Бабур

Глава 20

Цуннэс собиралась в дорогу быстро, без лишних движений, как человек, который не суетится даже тогда, когда спешит.

Дорожный костюм уже был на ней: мягкая чёрная кожа, подогнанная точно по фигуре, с тёмно-красной отделкой по швам и краям. Не крикливо, но так, чтобы любой понимающий человек сразу видел: вещь дорогая, заказная, и хозяйка привыкла брать лучшее. На столике у стены лежала небольшая сумка — только самое необходимое. Цуннэс сама укладывала её и потому знала: там нет ничего лишнего и ничего случайного.

Она в последний раз провела ладонями по волосам, приглаживая выбившиеся пряди, потом открыла шкатулку с драгоценностями. Внутри тускло блеснуло золото, холодно сверкнули камни.

Цуннэс выбрала не самый дорогой предмет и не самый заметный. Взяла только тонкую золотую цепочку с амулетом в виде маленького ворона. Птица была отлита тонко, почти изящно, но клюв и сложенные крылья придавали ей хищный вид. Цуннэс застегнула цепь на шее, коснулась ворона кончиками пальцев — коротко, будто проверяя, на месте ли он, — и снова посмотрела в шкатулку.

Потом вынула со дна узкую золотую капсулу. За маленькое колечко открыла плотно пригнанную крышечку и вытряхнула на ладонь два кристалла лирна.

Они легли на кожу холодными, чуть матовыми зёрнами неправильной формы. Не слишком крупные, но чистые. Цуннэс поднесла ладонь ближе к окну, повернула её так и эдак, убеждаясь, что на кристаллах нет ни трещин, ни сколов. Удовлетворённо кивнув, она вернула их обратно, защёлкнула крышку и на миг сжала капсулу в кулаке. Золото быстро согрелось от её руки.

После этого она подошла к окну, прикрыла ставни, проверила, плотно ли сходятся створки, и заперла дверь на засов. У неё оставалось ещё пять минут.

Достаточно.

* * *

Во двор Вельрус спускался на подкашивающихся ногах. Он старался идти прямо, как и подобало человеку его положения, но получалось плохо. Колени слушались неохотно, а в животе до сих пор жило липкое, холодное ощущение вчерашнего разговора. Формально Вельрус по-прежнему оставался главой феорской резиденции в Булале. Формально. Но Цуннэс Карвис ещё накануне очень наглядно объяснила ему, чего стоит эта должность, когда ей что-то нужно.

Во дворе уже собирался отряд для погони за той самой Кусланд.

Лучшие агенты резиденции подтягивали подпруги, проверяли стремяна, перебрасывали через сёдла перемётные сумы. Двое уже сидели верхом. Лошади под ними нетерпеливо переступали, встряхивали гривами и коротко, сердито ржали, чувствуя близкую дорогу.

Сырая утренняя прохлада ещё не успела выветриться из камня. Пахло конским потом, кожей, железом и свежим сеном.

Цуннэс была уже внизу. Она стояла возле своего жеребца — угольно-чёрного, с таким же чёрным, блестящим, как мокрый шёлк, хвостом. Жеребца звали Ворон, и имя шло ему удивительно точно. На нём уже было надето роскошное седло, тяжело отделанное золотом. Не безвкусно, а именно богато — с той откровенной дороговизной, которую могут позволить себе только очень уверенные в себе люди.

Цуннэс лично проверяла сбрую. Провела ладонью по холке Ворона, потом по крупу. Остановилась у подпруги, дёрнула ремень, проверяя натяг. Жеребец повёл ухом, но стоял смирно.

И тут она увидела Вельруса. Цуннэс чуть прищурилась и поманила его пальцем. От этого маленького движения у Вельруса сразу пересохло во рту. Он подошёл и протянул ей свёрток из куска тёмного бархата.

— Вот лирн, ранни.

— Замечательно, — сказала Цуннэс. — А я уже начала думать, не подняться ли мне к вам самой.

Вельрус почувствовал, как по спине скользнул холодок.

— Но, видите ли...

— Что? — нахмурилась она и развернула бархат. На тёмной ткани лежали кристаллы.

Цуннэс мгновенно пересчитала их взглядом.

— Девять?

Вельрус сглотнул.

— Больше нет, ранни. Ка... караван так и не пришёл. Мы вытащили всё, что было в запасах. Даже опустошили весь резерв связи.

Цуннэс долго смотрела на кристаллы. Слишком долго. Вельрус успел пожалеть, что вообще родился на свет. Наконец она сказала:

— Хорошо.

Вельрус осторожно выдохнул.

— Благодарю, ранни.

Она подняла на него взгляд.

— За что?

— Я подумал... вчера вы сказали...

— А-а, — протянула Цуннэс. — Ваша э-э-э... голова.

Она небрежно собрала кристаллы в ладонь.

— Сейчас мне некогда. Когда вернусь, разберёмся.

Вельрус снова перестал дышать.

Цуннэс чуть улыбнулась — не ему, а какой-то собственной мысли.

— По дороге как раз придумаю для вас что-нибудь интересное.

После этого она отвернулась от него так легко, будто разговор был окончен к его величайшему счастью или, наоборот, лишь временно отложен к его будущему несчастью.

— Хватит возиться, сонная рота! — резко бросила она во двор. — На коней. Выезжаем!

Голоса тут же стихли. Люди зашевелились быстрее.

Кто-то одним движением вскочил в седло, кто-то затянул последний ремень уже на ходу. Ворон коротко вскинул голову, почуяв, что сейчас пойдёт вперёд. Цуннэс легко поставила ногу в стремя и взлетела в седло с такой ловкостью, будто не поднималась, а просто заняла своё естественное место.

Вельрус смотрел на неё снизу вверх.

На чёрную кожу, тёмно-красную отделку, золотой блеск седла, на спокойное, почти красивое лицо женщины, которая могла в один и тот же день говорить о поисках врага, о запасах лирна и о чужой голове с одинаково ровной деловитостью.

Потом Цуннэс тронула поводья. И двор сразу стал ей тесен.

* * *

Костёр давно догорел. От него осталась только кучка серой золы с редкими тёмными угольками, которые ещё хранили тепло. Элайн поднялась и несколько раз подпрыгнула на месте, разминая затёкшие после неудобного сидения ноги. Потом потянулась, хрустнула плечами.

Торин и Кермунд всё ещё сидели возле кострища, доедая последние куски и запивая их водой прямо из котелка.

Всё, что можно было осмотреть, уже осмотрели. Сумки перетряхнули. Карманы обыскали. Оружие проверили. Оба трупа оттащили подальше от дороги, в ближайший лесок, и бросили среди кустов. Закапывать их никому не хотелось. Особенно после того, как Элайн прикинула глубину могилы, количество корней и три пары рук, из которых только одна действительно умела хорошо работать лопатой.

Зато запас еды заметно пополнился. Ещё им достались два коротких меча — по меркам Элайн вполне сносные для людей, никогда не державших в руках ничего лучшего, и довольно посредственные по её собственным, а также небольшой арбалет и несколько болтов.

Она посмотрела на сидящих мужчин.

— Вставайте, обжоры. Пора идти. Нас ждёт Булаль.

Торин проглотил последний кусок и вытер рот ладонью.

Последнее время застольный этикет как-то сам собой начал исчезать из его жизни. В-первых, обстоятельства не располагали. Во-вторых, окружающие тоже почему-то не считали необходимым вытирать пальцы салфеткой после каждой перемены блюд.

— Главное, чтобы нас там не ждали.

Элайн посмотрела на него.

— Ты просто невероятно точно определил основное условие нашего путешествия.

Кермунд тоже поднялся и выплеснул остатки воды из котелка в золу.

Она зашипела.

— А голубя мы с собой возьмём?

Элайн уже собирала ремни на телеге и даже не повернулась.

— Зачем?

— Ну... он здесь.

— Наконец-то ты это заметил, с ума сойти.

— Я имею в виду: что с ним делать?

— Ничего. Это не наш голубь.

Кермунд подошёл к накрытой серой тканью клетке, снял покрывало и поднял её обеими руками.

Голубь немедленно забеспокоился, раздул шею и попытался клюнуть Кермунда через прутья.

Тот отдёргнул палец.

— Вот так его и оставить?

— Можешь с ним попрощаться.

Кермунд ещё некоторое время рассматривал птицу.

— Надо было его зажарить.

Элайн обернулась.

— Кермунд, ты умеешь ошипывать птиц?

Он задумался.

— Нет. Ни разу не пробовал. А ты?

— Пришлось научиться.

Она затянула ремень на одной из сумок.

— Я исходила по дорогам своего мира столько, сколько вам обоим даже в страшном сне не приснится. Там быстро учишься готовить всё, что можно поймать, сорвать, выкопать или отнять у того, кто пытался съесть тебя первым. Отдельного повара у нас, знаешь ли, не было.

— Ну и чего тогда не зажарила?

Элайн широко улыбнулась.

— Мне было лень.

Кермунд моргнул.

— И всё?

— А тебе непременно нужна высокая причина? Голубь маленький. Ощипывать противно. Есть почти нечего. Ради чего возиться?

Она махнула рукой.

— Собирайтесь.

— Ну тогда пусть летит.

Кермунд открыл дверцу клетки.

Элайн вскинула голову.

— Не.... — Она бросилась к нему, но опоздала буквально на одно движение.

Голубь выскользнул наружу, ударил крыльями почти в лицо Кермунду, взмыл над полем и сделал широкий круг. На мгновение показалось, что он ещё может сесть обратно.

Потом птица развернулась. И уверенно полетела в сторону Виртваля.

Элайн замерла.

Кермунд проследил за голубем взглядом.

— Что?

Элайн медленно повернула к нему голову.

— Что. Ты. Наделал.

— Выпустил голубя.

— Это я вижу!

Торин тоже поднялся.

— Кермунд...

— Что?

— Это наверняка почтовый голубь.

— И что? Мы же к нему никакого письма не привязали.

Элайн шагнула к нему.

— Идиот!

Кермунд вскинулся:

— Чего ты орёшь?!

— Для сигнала не обязательно вешать письмо! Достаточно того, что голубь прилетел!

— Откуда они знают, чей он?

Элайн несколько мгновений просто смотрела на него. Очень внимательно.

— Я сейчас думаю, что будет полезнее для твоего умственного развития: выпороть тебя или сжечь твои книги? А?

— Элайн, — немедленно вмешался Торин.

Она резко махнула рукой.

— Ладно.

Потом снова посмотрела на Кермунда.

— Считай, что ты только что сообщил неизвестно кому: с людьми на посту что-то произошло. Возможно — именно здесь. Возможно — прямо сейчас.

Кермунд перестал возмущаться.

— Они не обязательно...

— Не обязательно, — отрезала Элайн. — И я не собираюсь проверять, насколько нам повезёт.

Она оглянулась на телегу, лошадей, дорогу.

— Уходим немедленно. Я буду гнать этих лошадей, пока они ещё способны идти быстро. Потом бросим телегу и двинемся краем леса, чтобы нас не было видно с дороги.

Она зло дёрнула ремень на сумке.

— Вместо того чтобы спокойно ехать до Булаля, теперь будем шараться от каждого встречного куста.

Торин нахмурился. Несколько мгновений он смотрел на дорогу в сторону Виртвала. Потом на противоположную. На телегу. На край леса.

— Подожди.

Элайн повернулась.

— Чего тебе?

— А если поехать сначала обратно?

— Куда?

Торин махнул рукой в сторону Виртвала.

— Недалеко. До какой-нибудь опушки. Там оставить телегу. Сделать так, будто мы ушли в лес.

Элайн перестала затягивать ремень. Торин продолжил уже увереннее:

— Наломает кустов. Потопчемся возле деревьев. Можно протащить что-нибудь тяжёлое через траву. Если сюда приедут и начнут искать следы, решат, что мы повернули туда и пошли через лес.

Он показал в сторону Виртвала.

— А сами потом вернёмся и пойдём к Булалю пешком.

Кермунд посмотрел сначала на него, потом на Элайн.

Торин закончил:

— Пусть даже ненадолго, но это должно их запутать.

Элайн ничего не сказала. Торин почувствовал лёгкое беспокойство.

Потом она медленно кивнула.

— Ты превзошёл самого себя, Торин.

Он невольно выпрямился.

— И меня тоже.

Внутри что-то радостно подпрыгнуло. Совсем по-детски. Он придумал. Сам! Причём раньше неё!

Элайн внимательно посмотрела на него ещё несколько мгновений.

— Поздравляю.

Торин постарался принять похвалу с достоинством человека, которому подобные вещи говорят ежедневно. Получилось, кажется, не очень.

— Только есть одна мелочь, — добавила Элайн.

Радость настороженно притихла.

— Какая?

— Когда мы пойдём обратно к Булалю, следы придётся замечать.

Она посмотрела на край леса.

— Большой веткой. И довольно долго.

Кермунд нахмурился. Элайн перевела взгляд на него.

Он сразу всё понял.

— А чего сразу я?

Элайн просияла.

— Вот! Вот теперь и ты всё понял правильно.

Кермунд открыл рот. И закрыл.

— Выступаем, — сказала она.

* * *

Отряд шёл по дороге рысцой.

Цуннэс держалась впереди, остальные растянулись следом короткой цепочкой. Дорога была достаточно широкой, чтобы ехать по двое, но никто почему-то не стремился поравняться с ней без необходимости.

Ворон двигался мягкой, пружинистой иноходью. Угольно-чёрный жеребец почти не тряс всадницу в седле — только мерно переставлял ноги, будто дорога сама бежала под ним навстречу. Золотая отделка сбруи время от времени вспыхивала на солнце.

Цуннэс сидела легко, одной рукой держа поводья.

А вот позади было заметно хуже.

Обычная рысь после нескольких часов дороги переставала быть приятной даже для хорошего наездника. Лошади начали вытягивать шеи, кто-то уже тяжелее дышал, одна гнедая недовольно мотала головой всякий раз, когда всадник понукал её сохранить темп.

Самый старший из людей Цуннэс — крепкий, уже почти пожилой мужчина с проседью в коротко стриженных волосах — некоторое время смотрел на своего коня, потом на спину ранни впереди.

Наконец решился. Тронул каблуками бока лошади и догнал её.

— Ранни!

Цуннэс повернула голову. Мужчина некоторое время ждал.

Она продолжала смотреть.

— Лошадям нужно дать отдохнуть, ранни. Если будем держать такую рысь дальше, потом они станут бесполезны.

Цуннэс ничего не сказала. Обернулась через плечо. Да.

Картина была достаточно понятной.

Конечно, было бы приятно, если бы все лошади её людей оказались столь же великолепно, как Ворон. Она провела ладонью по его шее. С другой стороны, ...

Тогда Ворон уже не выглядел бы настолько великолепно на их фоне.

— Вы предлагаете остановиться прямо здесь?

— Нет, ранни. Я смотрел карту. Скоро должна быть деревня. Там трактир.

— Как называется?

Мужчина помедлил.

— «Спелый Заяц».

Цуннэс посмотрела на него.

— Как?

— «Спелый Заяц», ранни.

— Вы хотели сказать: «Спелый персик».

— Нет.

Он даже полез в дорожную сумку, будто собирался предъявить карту как вещественное доказательство.

— Здесь именно так и написано. «Спелый Заяц».

Несколько мгновений Цуннэс ещё сохраняла совершенно серьёзное лицо.

Потом рассмеялась. Искренне, звонко, запрокинув голову.

Ворон повёл ухом.

— Хорошо. Только ради этого названия нам стоит там остановиться.

Она снова направила жеребца вперёд.

— И очень хочу посмотреть на человека, который его придумал.

* * *

Деревня называлась Аулдин.

Она выросла прямо вокруг дороги между Булалем и Виртвалем и, судя по всему, давно поняла главное преимущество своего положения: путешественники имеют приятную привычку хотеть есть, пить, чинить сбрую и менять подковы.

«Спелый Заяц» стоял почти у самой дороги — большой двухэтажный дом с просторным двором, конюшней и навесом для телег.

Чуть поодаль дымила кузница. Над невысокой оградой соседнего дома висели несколько уздечек, ремней и пара стремян — достаточно выразительная вывеска для тех, кто умел смотреть.

Сама деревня встречать приезжих не сбежалась.

Но трое босоногих детей каким-то образом оказались возле трактира ещё до того, как первые всадники свернули во двор. За ними подтянулись две молодые парочки и пожилая женщина в когда-то белом, а теперь неопределённо сером переднике.

Все старательно делали вид, что оказались здесь совершенно случайно.

Шесть хорошо вооружённых всадников, а особенно женщина впереди на угольно-чёрном жеребце в дорогом седле, в Аулдине, видимо, относились к тем случайностям, которые стоило рассмотреть поближе.

Когда копыта застучали по утопанному двору, дверь трактира открылась. На крыльцо вышел хозяин.

Невысокий мужчина лет сорока с небольшим, с короткой аккуратной бородой и удивительно печальными глазами. Из-за его плеча выглянула широколистая женщина, быстро оглядела гостей и исчезла обратно.

Над головой трактирщика раскачивалась вывеска.

На ней неизвестный художник изобразил толстого зайца с огромным брюхом. Заяц сидел на задних лапах и держал в передних что-то круглое, возможно яблоко, а возможно собственный живот.

— Добро пожаловать в «Спелого Зайца», — с достоинством произнёс хозяин.

Цуннэс спешила.

Остальные последовали её примеру.

Лошади сразу выдали усталость, которую ещё удавалось скрывать на ходу. Одна широко расставила задние ноги и опустила голову почти до земли. Другая тяжело вздыхала, поводя мокрыми боками. Гнедая, которой особенно не нравилась последняя часть дороги, тут же попыталась потянуться к клочку травы возле ограды.

Только Ворон вскинул голову, встряхнул гривой и сделал вид, что весь переход был исключительно разминкой.

Цуннэс одобрительно похлопала его по шее.

— Винтрус.

Старший мужчина уже спешил.

— Ранни.

— Займитесь лошадьми. Сначала Ворон. Расседлать, обтереть, проверить ноги, напоить.

Потом корм. После него — остальные.

— Разумеется.

— Я всё равно потом проверю.

Винтрус вздохнул.

— В этом я тоже не сомневался.

Цуннэс бросила на него взгляд. Он немедленно занялся подпругой.

От конюшни уже бежал вихрастый парень. Увидев Ворона, он сперва замедлил шаг, потом вовсе остановился и несколько мгновений просто смотрел.

— Рот закрой, — посоветовал ему Винтрус. — Мух наловишь. Бери повод.

Цуннэс тем временем подошла к трактирщику и указала вверх.

— Что это за название?

Тот тоже посмотрел на вывеску.

— «Спелый Заяц», госпожа.

— Я умею читать. Кто придумал такую глупость?

Печальные глаза хозяина вдруг чуть оживились.

— Почему же глупость?

Цуннэс приподняла бровь.

— Потому что зайцы не созревают.

— Зато вы теперь навсегда запомнили, что на дороге между Булалем и Виртвалем есть трактир «Спелый Заяц».

Цуннэс замолчала. Ещё раз посмотрела на вывеску. Потом на хозяина.

Хмыкнула. Заяц оказался совсем не так прост.

— Ладно.

Она шагнула ближе и ткнула трактирщика пальцем в грудь.

— Тогда слушай меня, Заяц. Нас шестеро. Скатерть на стол. Лучшую еду, какая у тебя есть. Лучшее вино. Для меня — лучшую комнату. И туда же ушат тёплой воды.

Хозяин аккуратно отступил на полшага, освобождая грудь от её пальца.

— Всё сделаем, госпожа. Но тёплую воду придётся немного подождать.

Цуннэс посмотрела на него, как цапля смотрит на лягушку, которая почему-то ещё не поняла своего положения в мироздании.

— Пока мы едим — нагреете.

— Если вода за это время согласится нагреться, непременно.

Цуннэс прищурилась. Трактирщик смотрел на неё всё теми же печальными глазами.

— Выполнять, — сказала она.

Отодвинула его плечом и вошла внутрь.

Большой зал оказался гораздо лучше, чем можно было ожидать от деревенского трактира.

Пол был дощатый и недавно подметённый. Столы тяжёлые, хорошо сбитые, без обычной дорожной липкости. На стенах висели медные светильники, несколько связок сушёных трав и совершенно настоящий, хотя и старый, охотничий лук. В углу стояла большая изразцовая печь. Пахло хлебом, жареным мясом, дымом, пряностями и немного пивом.

Трактир явно не бедствовал. Но всё-таки оставался сельским.

Занавески на окнах были выцветшими. На одной скамье кто-то аккуратно забил трещину деревянным клином. Половица возле стойки жалобно скрипела при каждом шаге, а на стене над печью висел венок прошлогодних сухих цветов, который хозяйка, очевидно, никак не решалась выбросить.

Цуннэс выбрала самый большой стол.

Её люди начали рассаживаться. Из глубины дома уже торопилась жена трактирщика, прижимая к груди большой кусок выбеленного холста. Судя по складкам и осторожности, с которой она его несла, холст обычно хранился где-нибудь глубоко в сундуке и доставался исключительно на праздники, свадьбы и при появлении людей вроде Цуннэс Карвис.

Сегодня ему предстояло побыть скатертью.

Хозяйка расстелила ткань по столу и пригладила ладонями.

Цуннэс одобрительно кивнула. Вскоре появилась еда. Свежий хлеб. Большое блюдо жареной птицы. Копчёное мясо. Мягкий сыр. Маринованный лук. Ещё горячий пирог, из разрезанной корки которого пахло мясом и травами.

Потом хозяин лично принёс бутылку вина.

Сдул с неё невидимую пылинку.

— Лучшее.

— Я уже слышала.

Он наполнил её кубок. Цуннэс дождалась, пока вино немного подышит, взяла кубок двумя пальцами и пригубила. Несколько секунд держала во рту.

Проглотила.

Разумеется. В этой дыре оно действительно было лучшим. В Феортане не всякий слуга согласился бы его пить.

Цуннэс ещё раз отпила и откинулась на спинку стула. Что ж.

Пусть сегодня это будет самой большой её проблемой.

Глава 21

Сколько они прошли, никто уже не знал. Солнце давно перевалило через середину неба и теперь медленно клонилось к вечеру. Шагов никто не считал, дорожных столбов здесь не было, а одинаковые перелески, поля и изгибы дороги давно начали сливаться друг с другом.

Зато одну меру пройденного расстояния они знали точно. Фляжку воды они выпили целиком.

Сначала Торин. Потом Кермунд. Потом Элайн. Потом опять Торин — уже последние несколько глотков, которые он вытряхивал себе в рот, задрав голову и постукивая ладонью по донышку.

Элайн ещё держала обычный шаг.

На плече висела тяжёлая дорожная сума, за спиной покоился завёрнутый в холстину Чёрный Цветок, в одной руке она несла корзину с остатками еды. Всё это мешало, тянуло, натирало и вообще мало способствовало хорошему настроению, но идти не мешало.

С Торином и Кермундом дела обстояли хуже. Сначала они просто отстали на несколько шагов.

Потом Торин начал чаще менять сумку с одного плеча на другое. Кермунд перестал возмущаться дорогой, что само по себе было тревожным признаком. Ещё через некоторое время оба стали пользоваться каждым удобным поводом остановиться: поправить ремень, посмотреть вперёд, проверить обувь, просто постоять несколько мгновений, уперев руки в колени.

Заметить это было очень нетрудно. Элайн остановилась и обернулась.

— Ну? Кто больше устал?

Оба посмотрели на неё с подозрением.

— Кого из вас взять на ручки?

Торин выпрямился.

— А вот это уже не смешно.

— Мне тоже не смешно. Мы до сих пор не в Империи. Даже не рядом с пирсами. А вы уже идти не можете.

Кермунд мрачно промолчал. Торин посмотрел вдоль дороги.

— Давай хотя бы карту посмотрим. Может, поймём, где находимся.

Элайн хмуро глянула на него. Очень хотелось ответить, что если бы карта умела сама сообщать, где находится её владелец, цены бы ей не было.

Но предложение было разумным. Она поставила корзину и суму на траву у обочины, сняла карту и начала разворачивать плотный лист, скрученный почти в трубку.

Торин и Кермунд тут же сгрудились рядом.

Кермунд первым ткнул пальцем:

— Вот. Дорога между Виртвалем и Булалем.

Элайн отодвинула его палец.

— Кто бы мог подумать!

— Я просто показываю.

— А я просто радуюсь твоей наблюдательности.

Она провела пальцем дальше.

— Зато вот это уже полезнее. Аулдин.

Торин наклонился ниже.

— Далеко?

— Если мы правильно поняли, где бросили телегу... — Элайн прищурилась. — Мы идём уже второй день, так что...

— Третий, — сказал Кермунд.

Она подняла голову.

— Что?

— Третий день.

Несколько мгновений Элайн смотрела на него. Потом почесала кончик носа.

— Да.

Досадно. Совсем немного, но досадно. Она редко ошибалась в таких простых вещах.

Впрочем, последние дни выматывали её значительно сильнее, чем долгая дорога утомляла ноги Торина. Виртваль, слежка, морок, нападение, трупы, голубь, теперь ещё неизвестно сколько пешком до Булаля...

«Это не оправдание»

Сейчас любая такая мелкая ошибка могла однажды оказаться вовсе не мелкой.

«Соберись»

Элайн вздохнула.

— Третий. Верно. Тем более Аулдин должен быть уже совсем близко.

— Прекрасно! — воскликнул Торин — Слава Лайре! Там будет кровать!

Кермунд мгновенно ожил.

— Я больше на полу спать не буду.

Элайн свернула карту.

— Если понадобится - будешь.

— Не буду.

— Тогда будешь спать стоя.

Торин мечтательно улыбнулся.

— И помыться можно будет. Хоть немного. Я уже весь чешусь.

Он потёр шею. На мгновение его лицо приобрело такое выражение, словно перед ним возникло видение рая: большая медная ванна, тёплая вода, душистое мыло... И Вильбранд, конечно.

Вильбранд наверняка принёс бы полотенца. Мягкие, нагретые. Проследил бы, чтобы вода не успела остыть. Потом убрал бы одежду и каким-то непостижимым образом к утру вернул её чистой. Торин тяжело вздохнул.

Элайн невольно шмыгнула носом. Ей хотелось вымыться ещё сильнее. Не протереть лицо мокрой тряпкой. Не ополоснуться у ручья, постоянно оглядываясь на кусты. А залезть в горячую воду целиком. До подбородка. Смыть пот, дорожную пыль, грязь, запах костра. Вычесать и сполоснуть волосы так, чтобы они снова пахли волосами, а не дымом и лесом.

Она уже начинала чувствовать запах своего тела. И совершенно не находила в этом ничего героического.

— Да, — сказала Элайн. — Идея прекрасная.

Торин просиял.

— Но.

Улыбка сразу стала осторожнее.

— Пока я не осмотрю деревню, вы оба останетесь на околице.

— Элайн...

— Никакой самостоятельности.

Торин вытянулся.

— Да, генерал!

Он улыбался. И смотрел на неё.

Элайн вдруг замолчала.

Создатель! Этот взгляд уже даже не намекал. Он кричал.

«Я от тебя без ума»

— Отставить генерала, — буркнула она.

Торин всё ещё улыбался. А ведь он не знает. Они говорили обо всём подряд. О его отце. О Кермунде. О Нирхалле. О Быстрых Дверях. О её мире — понемногу, осторожно.

Но не о семье. Он не спрашивал. Может быть, не хотел услышать ответ. А она не торопилась рассказывать. Элайн наклонилась за сумкой.

«Сказать сейчас?»

Нет. Мысль пришла неожиданно — и сразу стала неприятной.

До Империи они ещё не добрались. За ними кто-то охотится. Впереди Булаль, потом море, корабль, ещё неизвестно сколько неприятностей. А юноша рядом с ней явно влюбился.

И разбить ему сердце сейчас означало совершенно сознательно добавить к их трудностям ещё одну.

Люди, которым только что разбили сердце, довольно часто делали удивительные глупости.

Она это прекрасно знала. И Торин, при всём своём уме, почему-то не казался исключением.

"Значит, пока молчать."

Элайн подняла суму на плечо. И сама себе очень не понравилась. Очень уж удобно получалось.

«Тогда после возвращения.»

Когда он будет дома. В безопасности. Среди своих людей. Когда рядом окажутся обязанности, Совет, привычная жизнь — всё, на что можно опереться.

Тогда она расскажет. Об Малькольме. О Роланде. О том, что в другом мире её ждёт семья, ради которой она однажды перевернёт весь этот чужой для нее мир, если другого пути домой не найдётся.

— Ты чего такая грустная, Элайн?

Голос Торина прозвучал неожиданно мягко.

Она подняла голову. Он смотрел всё тем же взглядом. Элайн почувствовала себя последней сволочью.

— Я?

— Ты.

— Устала, Торин.

Это даже было правдой. Просто далеко не всей.

«Нет. Сейчас не скажу.»

Она подхватила корзину.

— Делаем, как договорились. Доходим до Аулдина. Вы ждёте на окраине. Я сначала осматриваюсь, и только потом заходим.

Торин открыл рот. Судя по выражению лица — собирался сказать что-нибудь задорное и совершенно лишнее.

Элайн приложила свой палец к его губам.

— Тш-ш.

Торин замер. Она тоже. На одно короткое мгновение. Потом убрала руку.

— Соблюдаем осторожность, Торин.

— Я помню.

— Вот и прекрасно.

Элайн закинула суму поудобнее.

— Пойдёмте. Пока Кермунд не потребовал, чтобы мы несли его по очереди.

— Я всё слышу, — мрачно сообщил Кермунд.

— Значит, силы у тебя ещё есть.

И они снова вышли на дорогу.

* * *

От еды остались кости, корки хлеба и несколько жирных пятен на белёном холсте, который хозяева трактира с такой гордостью выдали за скатерть. Вино тоже закончилось.

И вместе с долгой дорогой сделало своё дело.

Двое людей Цуннэс уже спали прямо за столом. Один медленно сполз подбородком в воротник и время от времени тихо посапывал. Второй положил голову на скрещённые руки и, похоже, совершенно не собирался возвращаться в мир бодрствующих.

Ещё один агент тяжело поднялся, постоял, будто вспоминая, куда хотел идти, и вышел во двор.

Через несколько мгновений за ним отправился другой.

Цуннэс проводила обоих глазами. Потом посмотрела на спящих. Нахмурилась.

— Винтрус.

Старший агент отставил кубок и отодвинул тарелку, на которой остались одни птичьи косточки.

— Да, ранни?

— Посты.

Он не сразу понял.

— Что?

Цуннэс медленно повернула к нему голову.

— Посты нужно выставить.

И только произнесла это вслух, окончательно поняла.

— Во имя Великой Вамос... Почему мы не сделали этого сразу?

Винтрус осторожно кашлянул.

— Вы не распорядились, ранни.

— Дурак! А голова тебе для чего?

Последние слова она почти прошипела. Винтрус благоразумно промолчал.

Потому что возражение существовало. И оба это знали. Если уж совсем честно, голова в первую очередь имела у самой Цуннэс. Она должна была подумать о постах ещё до того, как первый кусок хлеба оказался у неё во рту.

Но этот нелепый «Спелый Заяц», хозяин с печальными глазами, хорошая еда после дороги, вино... Потом обещанная горячая вода. На несколько минут ей захотелось расслабиться.

«Ты сама дура.»

От этой мысли Цуннэс рассердилась ещё сильнее.

— Найди этих двоих — сказала она Винтрису. — Один встанет со стороны Виртвала. Второй — со стороны Булала. Подальше от трактира, чтобы успели предупредить.

— Да, ранни.

— И пусть смотрят на дорогу, а не на деревенских девок.

Винтрус поднялся.

— Я им передам.

— Не передай. Проверь.

Он кивнул и быстро вышел. Цуннэс посмотрела на оставшихся.

— Эй!

Никакой реакции.

— Бездельники!

Тот, что спал, уткнувшись подбородком в воротник, клюнул носом ещё глубже и вдруг громко всхрапнул. Цуннэс прищурилась. Вообще-то следовало встать, подойти и разбудить обоих.

Очень следовало. Но вставать не хотелось.

Сытная еда и вино налили тело приятной тяжестью. Ноги после нескольких часов в седле наконец перестали ныть, спина согрелась, а от одной мысли идти проверять дорогу становилось тоскливо.

«Так»

Сначала вода. Она вымоется, сменит пропотевшую рубаху, приведёт в порядок волосы. Это её освежит.

Потом проверит посты лично. Потом разбудит этих двух оглоедов.

А уже после этого, если Великая Вамос проявит хоть каплю милосердия, можно будет часок поспать.

Цуннэс упёрлась ладонями в стол и поднялась. Тело немедленно напомнило ей, сколько времени сегодня провело в седле. В этот момент дверь кухни открылась.

Хозяин «Спелого Зайца» появился в зале, неся обеими руками большой ушат. Над водой поднимался лёгкий пар.

— Нагрелась, как вы и просили, госпожа.

Цуннэс посмотрела на пар и настроение улучшилось почти сразу.

— Отнесите в мою комнату.

— Уже несу.

Он направился к лестнице. Цуннэс пошла следом. На верхней ступеньке она всё-таки оглянулась на зал. Один из спящих что-то пробормотал во сне. Второй даже не пошевелился.

«Умоюсь. Потом посты»

Всего несколько минут.

* * *

Аулдин оказался ровно таким, каким и должна была быть деревня на большой дороге.

Элайн постояла у крайнего дома, некоторое время просто наблюдая. Ничего опасного не было.

Люди ходили по своим делам. Из кузницы доносился звон молота. Возле ограды лениво чесалась боком рыжая корова. Две женщины разговаривали у колодца, совершенно не понижая голос при виде незнакомки. Какой-то мальчишка тащил ведро, расплёскивая половину воды себе на ноги.

Чуть дальше стоял трактир. Над входом раскачивалась вывеска с толстым зайцем.

Элайн прищурилась.

«Спелый Заяц»

Создатель. Она подошла ближе.

Во дворе стояло несколько лошадей. Хороших. Уставших после дороги, но ухоженных. Один жеребец выделялся особенно — угольно-чёрный, рослый, с дорогой сбруей и седлом, отделанным золотом.

Элайн задержала на нём взгляд. Бесспорно, очень хорош.

Даже слишком хорош для случайного деревенского трактира.

Но богатые люди тоже ездили по дорогам. За конюшней кто-то раздражённо сказал:

— Да хватит уже воду лить! Застёгивайте штаны, дело есть!

Послышался мужской смех. Элайн покачала головой. Путники нашли удобное место.

Она приоткрыла дверь и заглянула в трактир.

Большой чистый зал. За одним столом спят двое мужчин. Один уткнулся подбородком в воротник, второй лежал головой на сложенных руках. За стойкой хозяин протирал кружки.

Он тут же поднял голову.

— Добрый день, госпожа.

— Комната есть?

— Есть.

— На троих?

Трактирщик задумался.

— Одну большую могу дать. Или две.

— Хорошая еда?

— Есть.

— Вода?

Он даже улыбнулся.

— В колодце сколько угодно, госпожа.

— Мне будет нужна нагретая.

На лице хозяина появилось выражение человека, которого сегодня преследовали именно этим вопросом.

— Нагреем.

— Хорошо.

Элайн ещё раз оглядела зал. Двое спящих даже не пошевелились. Ничего интересного.

— Я скоро вернусь.

И она вышла.

* * *

Торин встретил её вопросом:

— Ну?

— Там есть трактир.

Кермунд сразу поднялся.

— Кровать?

— Есть.

— Вода?

— Разумеется.

— Еда?

— Кермунд, если ты сейчас спросишь про подушки, я оставлю тебя здесь.

Он подхватил сумку.

— Я просто уточняю условия.

До Аулдина они дошли значительно бодрее. Одного обещания кровати оказалось достаточно, чтобы Торин перестал шаркать ногами, а Кермунд внезапно обнаружил в себе силы не только идти, но ещё и жаловаться на выбоины.

Когда они вошли в «Спелого Зайца», хозяин узнал Элайн.

— Вы вернулись, госпожа!

— Как видите.

— Садитесь. Я сейчас подойду.

Торин почти рухнул на ближайшую скамью. Кермунд сел гораздо осторожнее, вытянул ноги и несколько мгновений смотрел на них с такой ненавистью, будто они лично виноваты во всём путешествии. Элайн положила дорожную суму возле себя.

Завернутый и перевязанный Чёрный Цветок она поставила между колен. И только после этого позволила себе немного расслабить плечи.

Сверху послышались шаги. Элайн подняла глаза.

По лестнице спускалась женщина.

Высокая. Стройная. В чёрной коже с тёмно-красной отделкой. Волосы у висков ещё были влажными после умывания. На груди тонко блестела золотая цепочка, а на ней — маленький ворон со сложенными крыльями.

Она спускалась неторопливо. На предпоследней ступеньке её взгляд остановился на Элайн.

Всего на мгновение. Но Элайн этого хватило, чтобы у нее заныло в груди.

«Вот это уже не деревенская путница»

Женщина продолжила спуск. Подошла к своему столу.
Посмотрела на двух спящих мужчин и громко сказала:
— Эй, вы! Вставайте!

Тот, что лежал на руках, поднял голову почти мгновенно. Второй проснулся медленнее, моргнул, но стоило ему увидеть лицо женщины — сон исчез.

Элайн заметила и это. Мужчины не были слугами. И не были случайными торговцами. Женщина повернулась к ней.

— Долго шли?

Голос приятный. Спокойный. Хорошо поставленный.

— Достаточно.

— Из Виртвала?

Элайн чуть улыбнулась.

— А вы всегда расспрашиваете незнакомых людей?

— Только интересных.

— Что ж, тогда мне не повезло.

Женщина тоже улыбнулась. Очень немного.

Дверь открылась. В зал вошёл пожилой крепкий мужчина.

— Ранни, я...

Он увидел Элайн. И замолчал. Не запнулся. Не забыл слово. Именно замолчал.

Элайн медленно перевела взгляд с него на женщину.

«Ранни. Ее так зовут?»

Он почувствовала, что лучше отсюда уходить.

— Винтрус, — спокойно сказала женщина. — Садитесь.

Он закрыл дверь.

Элайн положила ладонь на свёрток с мечом.

Женщина это увидела. Не могла не увидеть.

— Не надо — сказала она.

— Чего именно?

— Доставать меч.

Торин выпрямился. Кермунд перестал рассматривать собственные сапоги. Элайн посмотрела женщине прямо в глаза.

— Вы знаете про мой меч?

Улыбка исчезла.

— Ты - Элайн Кусланд.

В зале стало тихо. Трактирщик за стойкой медленно перестал протирать кружку.

Элайн вздохнула.

— Надо было выбрать другой трактир.

— Напротив, — ответила женщина. — Трактир просто замечательный.

— Ага. Особенно название.

На этот раз женщина действительно чуть улыбнулась.

— Вот тут я с тобой совершенно согласна. Ты сделала чудесный выбор, подруга.

Элайн начала развязывать ремни, которыми был стянут холст вокруг Чёрного Цветка.

Женщина нахмурилась.

— Я бы попросила этого не делать.

— Ты уже просила.

Пальцы женщины метнулись к небольшому футляру на поясе. Элайн увидела блеск трех кристаллов. Она не успела ничего подумать, как Цуннэс разжала пальцы. Холод ударил мгновенно.

По Торину словно пробежала белая волна. Иней покрыл одежду, схватил локти, плечи, ноги. Он дёрнулся — и застыл. Кермунд успел коротко выругаться. Ледяная корка сомкнулась и на нём.

Три кристалла в ладони женщины погасли и рассыпались мутной крошкой.

Элайн ждала удара холода. Его не было. Даже дыхание не перехватило. Она продолжила разворачивать меч.

На лице Цуннэс что-то дрогнуло. Совсем немного.

Она выхватила следующий кристалл. Резкое движение рукой. Элайн почувствовала знакомое давление воздуха - и ничего.

Она даже не качнулась. В руке женщины возник ещё кристалл.

Воздух перед Цуннэс сжался и ударил Элайн прямо в лицо. Волосы отлетели назад.

Где-то за спиной звякнула посуда. Элайн осталась на месте. Опять ничего.

Вот теперь Цуннэс Карвис действительно испугалась.

Не отступила. Не вскрикнула. Просто на одно короткое мгновение её лицо стало совершенно пустым.

Как у человека, увидевшего, что камень вдруг решил падать вверх.

Потом всё исчезло.

— Не дать ей вытащить меч!

Трое мужчин бросились на Элайн одновременно. Один вцепился в свёрток. Двое попытались её повалить. Это было ошибкой.

Первого она ударила в ухо. Мужчина перелетел через край стола и тяжело рухнул на доски. Разорванное ухо залило его голову кровью. Второй обхватил её сзади. Элайн резко развернулась.

Он не успел отпустить. Его ноги оторвались от пола, и через мгновение он врезался боком в скамью. Раздался короткий сухой треск. Мужчина заорал и схватился за руку, повисшую плетью.

Третий оказался умнее. Он не стал пытаться ее обхватывать, а ударил ногой под колено. Элайн чуть присела, поймала его за плечо и пояс и отбросила от себя. Он пролетел несколько шагов и сбил соседний стол. Трактирщик исчез за стойкой. Его жена сделала это ещё раньше.

Цуннэс вытащила следующий кристалл. Повернулась к окну, выходившему на одну сторону дороги.

Взмах. Стекло с грохотом вылетело наружу. Осколки брызнули во двор.

Элайн поняла сразу, что это было.

«Она так зовёт людей»

Никто не появился. Цуннэс метнула взгляд к двери. Пусто. Ещё один кристалл.

Второе окно — на противоположной стене — разлетелось наружу с таким звоном, будто в него бросили каменную плиту. Элайн рванула последний ремень на свёртке.

Холст пополз вниз. Из-под него показалась чёрная рукоять.

Позади раздался хруст льда. Торин. Белая корка на его плече пошла трещинами.

Цуннэс увидела.

— Нет!

Ещё один кристалл. Лёд снова схватил Торина, уже толще прежнего.

Он успел втянуть воздух — и опять замер.

Цуннэс посмотрела в футляр. Один. Всего один. На мгновение перед глазами возник Вельрус.

«Девять»

Она медленно стиснула зубы. Если выберется отсюда, этот недоносок пожалеет о каждом кристалле, которых ей не хватило.

Дверь распахнулась. Первый из людей с поста влетел внутрь. За ним второй.

— Живой! — крикнула Цуннэс. — Всех троих живыми!

Элайн наконец вырвала Чёрный Цветок из холста. Лезвие показалось почти целиком. И стало тесно. Первый мужчина прыгнул к её рукам. Элайн встретила его локтем в лицо. Он отшатнулся. Она резко со всей силы ударила его ногой в колено, и он повалился на пол хватаясь за него руками.

Второй попытался зайти сбоку. Она развернулась и ударила его плечом - он отлетел прямо на тех двоих, которые только начали подниматься с пола.

Кто-то закричал. Кто-то выругался. Стол опрокинулся. Посуда со звоном посыпалась на доски.

Один из агентов попытался схватить Элайн за волосы. Она поймала его за кисть и рванула вниз - лицом об колено. Он вскрикнул и упал ей под ноги. Стало видно, как Элайн перехватывает меч для удара.

Пока все это происходило, Цуннэс вытаскивала из сумок, лежавших на лавке, свёрнутую сеть. Не рыбацкую. Плотную, тяжёлую, с небольшими грузами по краям. Ту самую, которую велела взять в Булале на случай, если добычу придётся брать живой.

Последний кристалл лёг в ладонь. Цуннэс посмотрела на него.

Один. И больше ничего. Она раздавила его пальцами.

Сеть дрогнула. Поднялась над полом. Развернулась в воздухе.

Элайн в это время отбросила от себя сразу двоих и получила наконец пространство.

Чёрный Цветок начал подниматься.

— Получи! — крикнула Цуннэс.

Сеть рухнула сверху. Элайн уже поднимала меч для замаха, но один из грузов обвился вокруг клинка. Второй ударил по плечу. Верёвки легли поперёк рук, шеи, груди.

Она рванулась. Сеть затрещала. Но не порвалась. Люди навалились сразу.

Один схватил один край сетки. Второй потянул за другой. Элайн дёрнулась, пытаясь освободиться. В результате толчка один из агентов упал, а второй едва удержался.

— Держите её!

— Держим!

— Плохо держите!

Цуннэс схватила со стола бутылку. Подбежала и толстое стеклянное дно ударило в висок. В глазах вспыхнуло белым. Бутылка треснула. Элайн мотнула головой.

— Ещё!

Вторая бутылка. Удар. Стекло разлетелось. По щеке потекло что-то тёплое.

Она всё ещё могла драться. Могла рвануть сеть. Могла, пожалуй, сломать ещё пару рук.

И тогда они перестанут пытаться взять её аккуратно. Элайн увидела, как один из мужчин уже потянулся к мечу. Другой оглядывался в поисках чего-нибудь тяжёлого.

Цуннэс хватала третью бутылку.

«Хватит»

Элайн ещё раз напряглась — для убедительности. Потом позволила телу обмякнуть.

Голова упала набок. Глаза закрылись.

— Стойте! — резко сказала Цуннэс.

Никто не двигался. Только тяжело дышали.

— Она...

— Проверить.

Винтрис осторожно присел рядом.

Пальцы легли Элайн на шею. Она заставила дыхание стать медленным.

Тяжёлым. Неровным.

— Жива.

Цуннэс села прямо на край перевёрнутого стола. Несколько мгновений просто смотрела на Элайн.

— Великая Вамос...

Она перевела дыхание.

— Связать.

— Ранни...

— Связать всех троих. Руки – самой толстой веревкой. Ноги тоже свяжите.

— Да, ранни.

— Руки связывать всем за спиной! За спиной, идиот!

Лёд на Кермунде уже начинал мутнеть. Торин оставался неподвижен. Люди зашевелились. Затянули ремни вокруг запястий Элайн. Кто-то осторожно потрогал сломанную руку и застонал.

Цуннэс посмотрела на разбитые окна. Потом на перевёрнутые столы. На кровь. На своих людей.

На лежащую под сетью женщину.

— Мы сделали это — произнесла она устало.

А потом еще тише.

— Великая Вершительница, мы это сделали.

— Да, ранни. - и боец потрогал огромный синяк на лице.

За закрытыми веками Элайн слышала всё.

Шаги. Тяжёлое дыхание. Звон пряжек. Короткие стоны раненых.

И голос женщины, которую называли ранни. От головы после ударов гудело. Щеку жгло.

Руки уже стягивали так туго, что ремни впивались в кожу.

Но Торин был жив. Кермунд тоже. И пока никто не собирался их убивать.

Для начала этого было достаточно.

Элайн позволила голове безвольно качнуться, когда её переворачивали.

«Ну хорошо. Посмотрим, что будет дальше»

Глава 22

Цуннэс несколько мгновений просто стояла среди разгромленного зала и переводила дух. В ушах глухо стучала кровь. Пол чуть заметно покачивался под н

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.